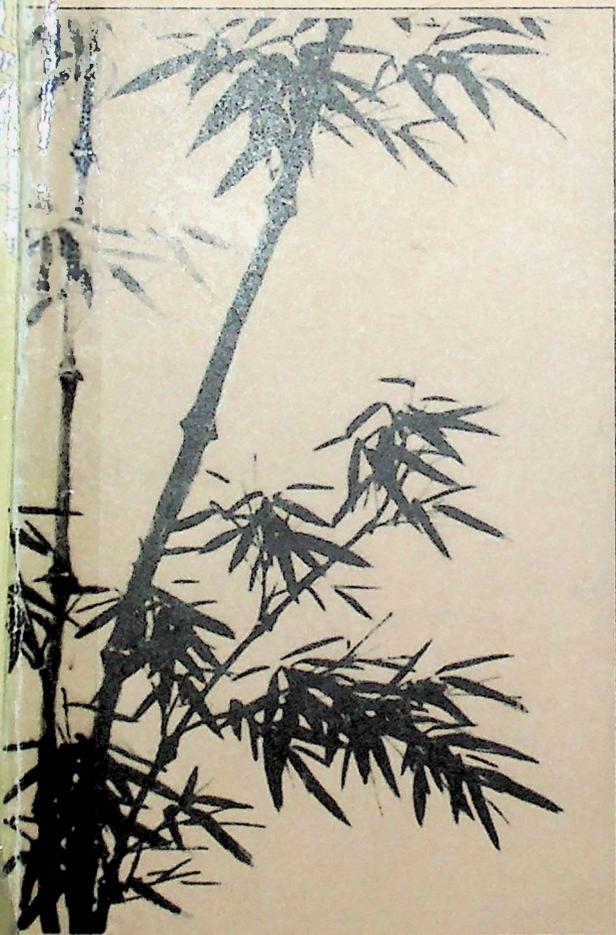

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2002

ISSN 0131-2812

Заявления лидеров АТЭС о борьбе
с терроризмом. Документы

Сибирь и Дальний Восток
и интеграция России в АТР

Политика США в Восточной Азии:
настоящее и будущее

Дискуссии вокруг
экономического роста КНР

Востоковед-энциклопедист
Н.В. Кюнер

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2002

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Заявление лидеров АТЭС в связи с недавними террористическими актами в странах АТЭС.....5
✓ Заявление лидеров АТЭС по борьбе с терроризмом.....6

ПОЛИТИКА

- ✓ В.Павлятенко. Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы.....10
А.Уолдрон. США, Китай, Россия: проблема стратегического партнерства.....36
Я.Бергер. О достоверности экономического роста Китая и "китайской угрозе".....40
А.Ларин. К вопросу о китайской "демографической экспансии".....56
А.Сенаторов. Неспешные шаги административной реформы в Японии (окончание).....71
К.Асмолов. Борьба с коррупцией в Южной Корее.....84

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- ✓ М.Титаренко. Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР.....98

ЭКОНОМИКА

- ✓ Сюй Чжимин. Добрососедство, дружба, экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией имеют широкие перспективы.....106
- А.Мозгоев. Сравнительный анализ развития экономики России и стран Восточной Азии в период современных реформ.....112
- ✓ Хоу Вэньчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции (пер. с англ. и комментарий Я.Бергера).....121

ИСТОРИЯ

- А.Москалев. Доктрина китайской нации (окончание).....141
- А.Буров. Памятные места Китая. Яньань.....158
- А.Решетов. Выдающийся востоковед-энциклопедист (К 125-летию со дня рождения Н.В.Кюнера).....163
- Ф.Хамраев. Жизнь, прожитая не зря (Памяти Турсуна Рахимова).....170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.Григорьев. Вручение дипломов доктора экономики (Honoris causa) и Почетного доктора ИДВ РАН видным представителям общественно-политических, деловых и научных кругов Китая Сюй Чжимину и Ху Дэпину.....172

РЕЦЕНЗИИ

- В.Усов. Война в Корее 1950-1953 гг.: взгляд через 50 лет.....174
- Г.Яскина. Жамбын Батмунх. Насилие не применять.....179
- Е.Цурганова. Новый подход к исследованию японской поэзии и ее переводу на русский язык (о книгах Жуковой И.В. Красные ирисы счастья и Таинство японской поэзии танка).....184
- Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2002 год.....186

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушанц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

В.Павлятенко. Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы

В статье анализируются истоки и факторы формирования внешнеполитической и оборонной стратегии администрации Дж.Буша в Восточной Азии, своеобразии концепции национальных интересов США, место и роль в ней ключевых государств региона под углом зрения выявления основных "вызовов" американской политике в Восточной Азии и "рецептов" нейтрализации последних. События показывают, как пишет автор, что Восточная Азия будет оставаться для Соединенных Штатов зоной исключительных интересов как с позиций обеспечения их собственной безопасности, так и с точки зрения экономических перспектив.

А.Уолдрон. США, Китай, Россия: проблема стратегического партнерства

Выступая на встрече российских и американских экспертов в Москве, профессор университета Пенсильвании А.Уолдрон подверг сомнению официальные китайские данные об экономическом росте КНР и высказал убеждение в растущей угрозе китайской экспансии.

Я.Бергер. О достоверности экономического роста Китая и "китайской угрозе"

Рассматриваются полемика вокруг достоверности статистических данных о росте ВВП в Китае и представления американских политологов о нарастании "китайской угрозы" по мере увеличения экономической мощи Китая. Автор статьи анализирует внутренние проблемы, создаваемые существующей моделью экономического роста в Китае, а также необходимость и возможность ее модификации.

А.Ларин. К вопросу о китайской "демографической экспансии"

По мнению автора статьи, нет оснований говорить о наличии китайской демографической экспансии в России. Однако она может стать реальностью, если не будут преодолены неблагоприятные для нашей страны тенденции, определяющие соотношение совокупной государственной мощи России и КНР. В российском обществе отношение к миграции из Китая варьирует в широких пределах: от полного ее неприятия до создания многомиллионной китайской диаспоры. Оптимальным вариантом представляется такая организация миграционного процесса, которая позволила бы российскому государству держать его под контролем, регулировать численность и состав мигрантов.

А.Сенаторов. Неспешные шаги административной реформы в Японии (окончание).

В публикуемой в номере второй части своей статьи автор показывает, что неспешность и осмотрительность, проявляемые японскими правящими структурами при реформе системы управления общественными предприятиями-

ми, оправданы не только многообразием сопряженных с реформой проблем (взаимоотношения центральной власти и органов местного самоуправления, намерение провести кадровую реформу и пр.), но и вызваны поисками компромиссов внутри правящих партий и между ними в процессе практического осуществления реформы.

К.Асмолов. Борьба с коррупцией в Южной Корее

Автор раскрывает исторические особенности и масштабы явлений коррупции в современном южнокорейском общества, место коррупции в государственной системе, формы и методы борьбы с ней, неразрывную связь коррупции с межпартийным соперничеством в РК. Основное внимание уделяется событиям 1988-2002 гг.

М.Титаренко. Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР.

Основные положения выступления директора Института Дальнего Востока РАН М.Л.Титаренко на II Байкальском экономическом форуме в сентябре 2002 г. в г. Иркутске, в котором он, опираясь на разработки Института, изложил пути реального превращения Сибири и Дальнего Востока в стратегическую базу интеграции РФ в АТР.

А.Могзоев. Сравнительный анализ развития экономики России и стран Восточной Азии в период современных реформ.

Автор рассматривает исходные ситуации при начале реформ в России и странах Восточной Азии — Китае, Южной Корее и Японии, останавливается на некоторых особенностях проведения реформ в названных странах, выделяя роль государственного регулирования и иностранных инвестиций.

Хоу Вэньчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции.

Экспорт рабочей силы и привлечение иностранных экспертов играют важную роль в Китае с момента принятия политики реформ и открытости в 1978 г. Автор из КНР характеризует политические меры и механизмы, используемые при реализации этой политики, обобщает данные о внешней миграции. Экспорт рабочей силы осуществляется в более широких рамках экономического роста и дополняет освоение новых технологий, развитие инфраструктуры и улучшение менеджмента предприятий в Китае. Способствуя внедрению новых технологий и совершенствованию менеджмента, китайское правительство поощряет работу иностранных экспертов. Оно выступает против незаконной миграции и стремится предотвратить утечку умов.

В комментарии к статье д.и.н. Я.М.Бергер подчеркивает ценность для России китайского опыта регулирования внешней миграции и отмечает, что эффективность этого регулирования во многом зависит от успеха в деле решения внутренних проблем занятости населения КНР.

А.Решетов. Выдающийся востоковед-энциклопедист (К 125-летию со дня рождения Н.В.Кюнера).

Статья посвящена крупному российскому и советскому востоковеду, ученому широкого профиля Н.В.Кюннеру, внесшему ценный вклад в научное изучение Китая, Японии, Монголии, Кореи и других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и воспитавшему не одно поколение специалистов в области истории, географии, этнографии и других отраслей гуманитарного знания.

Документы

Заявление лидеров АТЭС в связи с недавними террористическими актами в странах АТЭС

«Подтверждая приверженность Заявлению Лидеров АТЭС по борьбе с терроризмом, принятому в Шанхае 21 октября 2001 года в свете террористических актов 11 сентября 2001 года,

признавая необходимость борьбы всеми способами и в срочном порядке с вызванными террористическими актами угрозами всеобщему миру, безопасности и экономической стабильности в регионе,

Лидеры АТЭС:

1. осуждают самым жёстким образом недавние террористические акты в регионе АТЭС, в особенности на о. Бали, Индонезия, 12 октября 2002 года, взрывы на Филиппинах, в результате которых погибло и получило ранения большое число невинных людей разных национальностей и захват 23 октября в Москве большой группы заложников;

2. выражают глубокое соболезнование жертвам, их семьям, народам и правительствам Индонезии, Австралии, Филиппин и Российской Федерации, а также других стран;

3. высоко оценивают решимость Правительств Индонезии, Филиппин и Российской Федерации, а также их оперативные и целенаправленные действия по поиску и привлечению к суду исполнителей, организаторов и спонсоров этих террористических актов;

4. приветствуют принятие Правительством Индонезии Указа о борьбе с терроризмом и обращаются ко всем экономик-членам АТЭС с призывом принять меры в поддержку усилий по расследованию и наказанию по всей строгости закона лиц и групп, участвовавших в этом ужасающем преступлении против человечества, соблюдая при этом в полном объеме права человека;

5. вновь заявляют, что террористические акты в любых формах и проявлениях, совершенные где бы то ни было, когда бы то ни было и кем бы то ни было, являются зверскими и чудовищными актами насилия, которые противостоят действующему законодательству, религиозным убеждениям и фундаментальным ценностям членов АТЭС, а также представляют собой прямой вызов концепции Форума как сообщества свободных, открытых и процветающих экономик;

6. приветствуют принятие резолюций Совета Безопасности ООН 1438, 1440 и 1737 и высоко оценивают продолжающееся сотрудничество и взаимную поддержку членов Форума в целях устранения последствий террористических актов и предотвращения новых террористических атак в регионе АТЭС;

7. продолжают идти в авангарде борьбы с такими способствующими терроризму угрозами, как контрабанда и незаконная торговля людьми, отмывание денег, незаконная торговля наркотиками и оружием, что будет содействовать обеспечению стабильности, безопасности, устойчивого экономического роста, благополучия и процветания экономик Азиатско-Тихоокеанского региона;

8. поддерживают совместные усилия экономик АТЭС по смягчению тяжёлых последствий террористических актов в пострадавших экономиках;

9. призывают к укреплению международного сотрудничества по поддержке предпринимаемых в регионе усилий, направленных на искоренение терроризма и восстановление доверия к экономике региона.

Заявление лидеров АТЭС по борьбе с терроризмом

Борьба с терроризмом и содействие экономическому росту

«Год назад на встрече в Шанхае, вскоре после трагических событий 11 сентября 2001 года, мы осудили международный терроризм самым решительным образом и выразили решимость укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом. За прошедший год многое было сделано. Однако гораздо больше ещё предстоит сделать, и сегодня мы заявляем о нашей твёрдой приверженности принять как можно скорее конкретные дополнительные меры, необходимые для полной реализации принципов, которые мы зафиксировали в Шанхайском антитеррористическом заявлении.

Недавние террористические акты на о. Бали, Индонезия, 12 октября 2002 г., напоминают о жестокости терроризма и глобальных императивах противодействовать этой угрозе и бороться с ней, откуда бы она не исходила. Мы осуждаем это массовое убийство невинных людей, большинство из которых были гражданами Индонезии и Австралии, и выражаем наши глубочайшие соболезнования жертвам и их семьям.

Терроризм является прямым вызовом целям АТЭС по созданию свободных, открытых и процветающих экономик и попыткой подорвать основополагающие ценности членов Форума. Мы преисполнены решимости ускорить достижение антитеррористических целей и задач, поставленных в Шанхае в прошлом году.

Прогресс после Шанхая

В прошлом году мы обещали укрепить сотрудничество на всех уровнях в борьбе с терроризмом всеобъемлющим образом и строго выполнять наши обязательства, взятые в рамках ООН. После Шанхая мы сделали значительный прогресс, действуя индивидуально, на двусторонней основе, на региональном и глобальном уровнях с тем, чтобы выполнить наши обязательства в рамках ООН, разгромить террористические группы и пресечь финансирование терроризма.

Мы претворяем в жизнь меры, которые предусмотрены соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН, и налаживаем юридические и регулирующие механизмы в целях выполнения резолюции № 1373.

Каждая из наших экономик подписала и ратифицировала или приступает к ратификации Конвенции ООН по пресечению финансирования терроризма.

Мы создали и усовершенствовали субрегиональные и региональные антитеррористические механизмы, существенно увеличив обмен информацией между представителями правовых и разведывательных служб.

Мы повысили безопасность крупнейших портов и аэропортов в регионе.

Совместными усилиями мы ведем работу в АТЭС по внедрению более эффективной системы проверки багажа во всех аэропортах региона, улучше-

нию координации между службами иммиграции, реализации новых стандартов компьютерной безопасности, продвижению инициативы по энергетической безопасности в целях предотвращения нарушений поставок энергии на рынки, а также укреплению сотрудничества в области борьбы с пиратством.

Совместная приверженность полной реализации Антитеррор-стического заявления лидеров, принятого в Шанхае

Эти меры внесли важный вклад в дело борьбы против глобального террора. Но необходимо сделать ещё больше. По мере наращивания усилий в борьбе против терроризма экономики АТЭС должны также двигаться вперед в целях содействия всемирному экономическому росту и извлечения всеми людьми выгод, представляемых глобальными рынками.

Следовательно, мы должны обеспечить экономический рост, одновременно защищая наши границы и ведя поиск новых путей обеспечения безопасности ключевых элементов экономической инфраструктуры от возможных терактов.

Таким образом, мы, Лидеры АТЭС, решили осуществлять совместные дополнительные действия в целях полномасштабной реализации взятых на себя в Шанхае обязательств. Мы стремимся к обеспечению основных систем инфраструктуры Тихоокеанского кольца в области торговли, финансов и информационных систем с помощью следующих мер:

I. Укрепление безопасности торговли в регионе АТЭС.

На долю АТЭС приходится 60% ВВП и половина мировой торговли. Большинство мировых крупнейших аэропортов мира, включая аэропорты с наибольшей нагрузкой, находятся в экономиках АТЭС. Мы будем совместно работать в целях обеспечения безопасности потока товаров и людей посредством следующих мер:

А) Обеспечение безопасности грузовых перевозок.

- Скорейшее введение режима безопасности контейнеров для обеспечения их целостности при перевозках, выявления и проверки контейнеров высокой степени риска, а также максимальной оперативной электронной передачи упреждающей информации о перевозимых контейнерах в таможенные, портовые службы и администрации судоходства (учитывая задачи облегчения условий легальной торговли);

- Внедрение к 2005 году, где это возможно, разрабатываемых Всемирной таможенной организацией общих стандартов электронной передачи таможенной информации, позволяющих передавать сведения о грузах высокой степени риска и способствующих облегчению торговли;

- Оказание содействия частному сектору в адаптации к новым стандартам обеспечения безопасности при перевозке товаров.

Б) Обеспечение безопасности международных морских перевозок.

- Содействие введению обязательного требования наличия на судах и в портах планов обеспечения безопасности к июлю 2004 года, а также установки автоматических систем идентификации на судах определенного класса к декабрю 2004 года. Россия поддерживает предложение об установлении АСИ на судах определенного класса к декабрю 2004 года, а также предложение о наличии к июлю 2004 г. планов обеспечения портов и оценки их уязвимости для кораблей, обслуживающих суда на международных перевозках. Однако, по соображениям технической осуществимости данных мероприятий, Россия оставляет за собой право продлить сроки их реализации до 2006 года;

- Углубление сотрудничества между рабочими органами АТЭС и другими организациями по вопросам борьбы с пиратством в регионе.

В) Обеспечение безопасности международного воздушного сообщения.

- Повышение безопасности пассажиров и экипажа на воздушном транспорте путём введения как можно скорее, в любом случае к 2005 году, во всех главных аэропортах стран-членов АТЭС новой высокоэффективной системы

проверки багажа с использованием специального оборудования, укрепления к апрелю 2003 года, где это возможно, дверей пилотской кабины на пассажирских самолётах, а также поддержки системы обязательных проверок ИКАО авиационной безопасности;

- Усиление безопасности воздушных перевозок грузов путем содействия принятию руководящих принципов, разрабатываемых ИКАО и Международной ассоциацией воздушного транспорта.

Г) Обеспечение безопасности передвижения людей.

- Скорейшее введение общего глобального стандарта сбора и передачи упреждающей информации о движении пассажиров, основанного на системе EDIFACT;

- Внедрение разрабатываемых ИКАО и Международной организацией по стандартам норм применения биометрии в процедурах въезда, и там, где это возможно, выезда, а также проездных документах;

- Обеспечение наивысшей профессиональной этики всех должностных лиц пограничных и иммиграционных служб.

II. Пресечение финансирования терроризма.

Мы будем совместно работать в целях предотвращения доступа террористов к международной финансовой системе, а также использования информации о денежных потоках для определения местонахождения и ареста террористов с помощью следующих мер:

А) Полная реализация резолюций ООН и других международных инструментов.

- Ратификация Международной конвенции по пресечению финансирования терроризма к октябрю 2003 года;

- Своевременная реализация всех необходимых мер по предотвращению доступа террористов и их сторонников к международной финансовой системе, как указано в резолюции Совета безопасности ООН № 1373 и 1390. Эти меры включают:

* эффективную блокировку финансовых активов террористов;

* отнесение финансирования терроризма к разряду преступных действий;

* активизацию усилий по расследованию и судебному преследованию лиц, участвующих в отмывании денег и финансировании террористов;

* осуществление мер превентивного характера по защите целостности финансовой системы путем регулирования и контроля финансового сектора в соответствии с международными стандартами;

* совместное определение целей в соответствии с региональными интересами.

- Поддержка реализации восьми специальных рекомендаций ФАТФ по пресечению финансирования терроризма, принятие обязательств по скорейшей реализации указанных рекомендаций, призыв к МВФ и Всемирному банку приступить во взаимодействии с ФАТФ к комплексной и всеобъемлющей оценке усилий стран по реализации этих рекомендаций, а также определению сфер, где необходимо техническое содействие.

Б) Совершенствование процесса мониторинга альтернативных систем денежных переводов и некоммерческих структур.

- Поддержка работы должностных лиц и региональных органов АТЭС финансовой сферы, участвующих в альтернативных системах денежных переводов, включая аккумулирование передового опыта в сфере пресечения использования террористами этих систем;

- Защита некоммерческих организаций и лиц, осуществляющих благонамеренную благотворительную деятельность, от нецелевого использования их денежных средств спонсорами террористов, а также одобрение недавно объявленной ФАТФ передовой практики по предотвращению использования террористами средств благотворительных институтов.

В) Укрепление правоохранительных органов и регулирующих функций.

- Создание к октябрю 2003 года финансовой разведывательной службы, содействие обмену информации с другими подобными органами;
- Поддержка инициатив частного сектора, таких как Заявление Вольфсберга по пресечению финансирования терроризма, а также поощрение сотрудничества между финансовыми институтами и правительствами.

III. Обеспечение компьютерной безопасности.

Граждане экономик АТЭС составляют в настоящее время половину общего количества пользователей сети Интернет. В обеспечении надежности глобальной коммуникационной системы крайне важным является обеспечение максимальной надежности каждого её элемента, и мы совместно выражаем приверженность:

- Введению в действие к октябрю 2003 года всеобъемлющего набора законодательных актов по обеспечению компьютерной безопасности и борьбе с преступлениями в этой сфере, соответствующего международным соглашениям, включая резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 55/63 (2000 г.) и Конвенцию по борьбе с преступлениями в компьютерной сфере (2001 г.);

- Создание к октябрю 2003 года государственных органов по борьбе с компьютерными преступлениями, а также международных высокотехнологичных органов;

- Организация к октябрю 2003 года институтов по обмену данными в области оценки опасности и уязвимости (такие, как Группы по реагированию на чрезвычайные ситуации в области компьютерной безопасности).

Мы также призываем к более тесному сотрудничеству между правоохранительными органами и деловыми кругами в сфере обеспечения информационной безопасности и борьбы с компьютерной преступностью.

IV. Реализация и наращивание потенциала.

Формирование более безопасной и эффективной глобальной экономической системы в регионе АТЭС является масштабной задачей, от успеха реализации которой напрямую зависит мир и процветание на нашей планете. Достижение этих целей потребует укрепления сотрудничества, создания новых процедур и более широкого использования передовых технологий.

С учётом уже имеющегося значительного опыта подготовки кадров и других сопутствующих мер в сфере борьбы с терроризмом в регионе АТЭС, мы:

- приветствуем новые решения членов АТЭС и далее вносить вклад в дело наращивания потенциала;

- положительно оцениваем предпринимаемые международными финансовыми институтами усилия по борьбе с терроризмом в экономиках и призываем их к дальнейшей энергичной работе в этом направлении;

- поощряем партнёрство между частным сектором и экономиками АТЭС в целях выработки мер по обеспечению безопасности торговли; и

- отмечаем, что наращивание потенциала по противодействию терроризма в рамках АТЭС, должно идти в ногу со временем.»

© Информационный бюллетень
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

28 октября 2002 г.

Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы

© 2002

В. Павлятенко

В развитии современной геополитической ситуации в глобальном масштабе Восточная Азия¹ занимает важное место. По оценкам и прогнозам зарубежных аналитических центров и экспертов, в наступившем столетии регион Восточной Азии претендует не только на роль самого динамично развивающегося района мира, но и может стать ареной, на которой будут развиваться военно-политические, экономические и другие процессы, способные повлиять на изменение геополитической и геоэкономической конфигурации мира в целом. Последнее обстоятельство обуславливает пристальное внимание администрации США к данному региону и тщательность выработки стратегии по обеспечению американских национальных интересов в Восточной Азии в наступившем столетии.

Концепция национальных интересов — основа всеобъемлющей стратегии США в Восточной Азии.

Концепция национальных интересов США (КНИ) является фундаментом для разработки всеобъемлющей стратегии развития страны и обеспечения её безопасности. На основе КНИ формируются внешнеполитическая и оборонная стратегия, политика обеспечения благоприятных условий для стабильного внутриэкономического и внутривнутриполитического развития Соединенных Штатов.² По оценкам американских экспертов, в число которых входят и представители нынешней администрации Дж. Буша и Конгресса США, разработка такой всеобъемлющей концепции национальных интересов на современной этапе стала еще более важной задачей по сравнению с периодом противостояния двух сверхдержав. По их мнению, в настоящее время развитие глобальной ситуации в мире, включая политические, экономические, военные, демографические и др. аспекты, стало гораздо более непредсказуемым, что ставит перед США, как единственной сверхдержавой, многочисленные и более сложные вопросы, чем те, которые США решали в 20-м столетии.

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН.

Масштабность и сложность этих проблем обуславливают для США необходимость определения приоритетов в иерархической системе национальных интересов, обеспечение которых позволит гарантировать, как было сформулировано в докладе специально образованной Комиссии по определению национальных интересов Америки, «безопасность и процветание американского народа».³

На сегодняшний день КНИ США включает 4 основных группы национальных интересов, которые ранжируются по степени их важности и приоритетности следующим образом:

- 1-жизненные интересы;
- 2-исключительно важные интересы;
- 3-важные интересы;
- 4-второстепенные интересы.⁴

Определение приоритетности национальных интересов имеет чрезвычайно важное значение для создания оптимального механизма их обеспечения путем концентрации сил и средств на наиболее важных направлениях. Так, несмотря на то, что в американском политическом истеблишменте и обществе в целом существует довольно широкий разброс в подходах к определению жизненных интересов США, Комиссией по определению национальных интересов Америки были выделены конкретные направления и регионы, которые имеют «жизненно важное» значение для многоаспектного обеспечения национальной безопасности США.

«Жизненными» в иерархии национальных интересов США признаны те из них, которые обеспечивают не только гарантированную выживаемость страны, но и сохранение мирового лидерства США, а также материальное благополучие американского народа при различных сценариях развития глобальной ситуации. «Жизненные интересы» включают:

— предотвращение, сдерживание и уменьшение угрозы ядерного, биологического и химического нападения на США и вооруженные силы США за рубежом;

— гарантирование выживаемости союзников США и их активного сотрудничества с США в формировании международной системы, в рамках которой последние могут обеспечивать собственное стабильное развитие и процветание;

— предотвращение появления враждебных государств или организаций, прежде всего по периметру границ США;

— гарантирование жизнеспособности и стабильности основных глобальных систем (торговли, финансовых рынков, поставок энергоресурсов, окружающей среды);

— установление совместимых с национальными интересами США конструктивных отношений с государствами, которые могли бы стать их стратегическими противниками, — Китаем и Россией.⁵

«Исключительно важными интересами» считаются те, ущемление которых может нанести довольно значительный ущерб национальной безопасности, но не подрывает дееспособность правительства США сохранить лидерство в мире и безопасность американцев как нации. Эти интересы довольно обширны: предотвращение, сдерживание и снижение угрозы применения ядерного, биологического или химического оружия в любом районе земного шара; предотвращение распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки; предотвращение установления региональной гегемонии, прежде всего в районе Персидского залива; обеспечение стабильного развития союзников и

друзей США и защита их от внешних угроз; предотвращение, урегулирование и разрешение серьезных конфликтов на условиях минимально приемлемых потерь и экономических затрат в географически важных регионах; пресечение терроризма (особенно государственного терроризма), транснациональной преступности, незаконного оборота наркотиков» и др.⁶

В качестве «важных интересов» признаются те, ущемление которых «могло бы иметь существенные последствия» для способности правительства США обеспечивать безопасность и благосостояние американских граждан. Такие интересы включают в себя: массовые нарушения прав человека в зарубежных странах; защита жизни и благосостояния американских граждан, которые становятся объектом деятельности или заложниками террористических организаций; предотвращение национализации американских активов за рубежом; сохранение преимуществ в распространении информации за рубежом, обеспечивающих гарантию того, что американские ценности будут продолжать позитивно влиять на формирование культурных ценностей других наций и др.⁷

«Второстепенными интересами» считаются те интересы, которые «оказывают незначительное воздействие на способность правительства США обеспечивать безопасность и благополучие американцев, как свободной нации».⁸ Круг таких интересов включает: «поддержание баланса торговых дефицитов в двусторонней торговле; укрепление демократии как всеобщего принципа; сохранение территориальной целостности и политической системы государства; увеличение экспорта определенных секторов экономики».⁹

Таким образом, главным принципом выработки КНИ США является определение приоритетности и иерархической значимости факторов в той или иной степени влияющих на возможность и способность правительства США разрабатывать и реализовывать политику, адекватную реальным задачам по обеспечению безопасности и благополучия «свободной американской нации». Использование этого принципа позволяет прагматически концентрировать все необходимые материальные и духовные ресурсы для оптимальной реализации всеобъемлющей стратегии США в XXI веке.

Место Восточной Азии в КНИ США

Принимая во внимание тот факт, что угрозы национальным интересам формируются в различных формах и проистекают с разных направлений, Комиссия по определению национальных интересов выделила 12 регионов и проблем, которые, по мнению ее членов, должны стать предметом пристального внимания администрации Дж.Буша. Одновременно Комиссия определила как механизм и набор инструментов, так и алгоритм их использования для противодействия вызовам и угрозам, которые требуют создания «новых организационных структур».¹⁰

В число регионов включены:

- Китай, Япония и Восточная Азия в целом;
- Россия;
- Европа;
- Ближний Восток;
- Западное полушарие.

В качестве важнейших обозначены следующие проблемы:

- перспективы распространения ядерного оружия и ядерных технологий;
- распространение ОМУ;

- терроризм, трансграничная преступность, незаконный оборот наркотиков;
- международная торговля и инвестиции;
- киберпространство и информационные технологии;
- глобальная экология.

В спектре средств по обеспечению национальных интересов одно из важнейших мест отводится адекватному обеспечению необходимых потребностей для поддержания на должном уровне военного потенциала США.¹¹

Анализ приоритетных с точки зрения национальных интересов регионов и проблем свидетельствует, что Восточная Азия определяется в качестве одного из важнейших векторов политики администрации Дж.Буша по обеспечению национальных интересов. Свидетельством тому является тот факт, что «фактор Восточной Азии» присутствует в трех основных группах национальных интересов — жизненных, исключительно важных и важных. Характерно, что в Восточной Азии у США нет второстепенных интересов.

Жизненные интересы включают:

- «установление благоприятных отношений с Китаем» — потенциальным стратегическим соперником США в Восточной Азии;
- обеспечение «выживания Южной Кореи и Японии в качестве свободных и независимых государств, сотрудничающих с США в разрешении важных глобальных и региональных проблем».¹²

По оценке американских экспертов, на фоне повышения значимости новых факторов, таких как рост комплексной мощи Китая, «неразрешенность» тайваньской проблемы, распространение ОМУ и ракетных технологий, влияние США в регионе, несмотря на присутствие их 100-тысячного военного контингента, определенным образом снизилось. В этих условиях «появление нового гегемона в Азии» могло бы нанести ущерб позициям США. С этой точки зрения, хотя Китай пока и не оценивается как «угроза советского масштаба», тем не менее он во все большей мере наращивает возможности бросить вызов США и их союзникам в регионе.¹³

Рассматривая Китай в качестве ключевого элемента сохранения стабильности в регионе на современном этапе и в будущем, американские эксперты считают, что США сохраняют возможность динамичного сотрудничества с ним в различных сферах и формах, включая регулярные контакты на высшем уровне, серьезный диалог по ключевым стратегическим проблемам (Тайвань, Корейский полуостров, стабильность в Южной и Центральной Азии, режим нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий и др.). Одновременно американские эксперты считают, что вместо попытки сформировать отношения стратегического партнерства между двумя странами, для которого в настоящее время нет условий и главное — отсутствует общность целей, Вашингтону и Пекину следовало бы сконцентрировать усилия на решении более скромных задач, например, обеспечении стабильности на Корейском полуострове.¹⁴ Вместе с тем, многоплановые связи с Китаем «не могут занимать в иерархии приоритетов более высокое место, чем их отношения с региональными союзниками — Японией, Южной Кореей и Австралией», поскольку укрепление системы союзов — «ключ к успеху США в Азии».¹⁵

Исключительно важные интересы включают в себя:

- сохранение мира в районе Тайваньского пролива и на Корейском полуострове;

— достижение долгосрочного урегулирования отношений между Китаем и Японией на условиях, выгодных США.

Интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии в краткосрочной перспективе наиболее реальную угрозу представляет не столько «гегемония Китая», сколько потенциальная возможность возникновения локальных войн в районе Тайваньского пролива или на Корейском полуострове.

Несмотря на наблюдаемое в последнее время некоторое снижение напряженности на Корейском полуострове благодаря проводимой Сеулом «политике солнечного тепла» и др., политика северокорейского режима, считают американские эксперты, продолжает представлять угрозу стабильности и безопасности в данном районе. В этой ситуации сотрудничество с Китаем по «упорядочиванию поведения Пхеньяна» имело бы большое значение.

Ситуацию в Тайваньском проливе американские эксперты рассматривают как не менее опасную, чем на Корейском полуострове. Несмотря на расширение торговых связей между Пекином и Тайбэем, политические контакты между ними «балансируют на грани полного срыва», и обе стороны увеличивают закупки современного вооружения и военной техники (ВВТ), готовясь к возможному конфликту. «Поглощение» Тайваня КНР силовым путем, по мнению американских экспертов, будет означать «провал лидерства США и поставит вопрос об их надежности как союзника, что в свою очередь будет способствовать подрыву чрезвычайно важной для Америки системы двусторонних союзов в регионе».¹⁶ Поэтому, до мирного разрешения тайваньской проблемы, «США должны поставлять на остров оборонительные системы и демонстрировать военную поддержку (Тайбэя)».¹⁷

Такие рекомендации Комиссии по определению национальных интересов обусловлены тем, что, по мнению ее членов, критика Китая в адрес США по широкому кругу проблем, включая поставки ВВТ на Тайвань, планы создания ПРО ТВД в регионе, укрепление союза с Японией, носит исключительно риторический характер. На самом деле, считают они, «Китай в большой мере демонстрирует желание расширить свое влияние и увеличить престиж в рамках ныне существующей международной системы, чем стремится к (ее) радикальным переменам».¹⁸

Как полагают члены Комиссии, ключ к обеспечению исключительно важных интересов США в Восточной Азии и сохранению долгосрочной стабильности — это сохранение их военного присутствия в регионе, основу которого составляют 7-ой флот США и американская система передового военного базирования, созданная в рамках двусторонних союзов с рядом стран. Любое одностороннее сокращение военного присутствия США инициирует усиление соперничества между Китаем и Японией за лидерство в регионе. Япония уже демонстрирует желание стать «нормальной» страной с более независимой от США внешней и военной политикой. И хотя США приветствуют участие Японии в укреплении региональной безопасности, тем не менее, считают американские эксперты, «этот процесс не должен развиваться за счет союза Японии с Соединенными Штатами».¹⁹

Важные интересы США в Восточной Азии включают:

- продолжение движения региональных стран, включая Китай, к демократии и рыночной экономике;
- большую открытость региональных рынков для американских товаров, услуг и инвестиций;

— мирное разрешение территориальных споров, таких как споры в Южно-Китайском море или по островам Сэнкаку.²⁰

Таким образом, разработанная вышеуказанной Комиссией система национальных интересов США в Восточной Азии свидетельствует, что в долгосрочной перспективе одной из важнейших проблем для американской администрации будет проблема выработки и реализации стратегии в отношении «накачивающего мускулы» Китая, поиска путей по вовлечению Пекина в международную систему по обеспечению «стабильной безопасности» в регионе на условиях сохранения доминирования США в Восточной Азии.

Перспективы развития внешнеполитической обстановки в Восточной Азии и основные вызовы политике США

Концепция национальных интересов представляет собой основу для выработки стратегии всестороннего развития и обеспечения безопасности США, определяет основные направления укрепления национальной безопасности. Одним из важных инструментов реализации КНИ являются прогноз и планирование: на основе прогнозных оценок развития глобальной и региональной ситуации во всех сферах осуществляется выработка реальной политики, планирование конкретных мероприятий по обеспечению всех групп национальных интересов.

Накануне и после прихода к власти администрации Дж.Буша ведущими экспертами США — представителями разведсообщества, ВС и госдепартамента, бизнеса и академических кругов, были подготовлены оценки и прогнозы развития ситуации в Восточной Азии в краткосрочной (до 2005 г.) и среднесрочной (2015 — 2020 гг.) перспективах и были сформулированы рекомендации по выработке оптимальной стратегии США по обеспечению национальных интересов. Все без исключения прогнозы структурно включали в себя: общую оценку ситуации в регионах и основных тенденций ее развития, определение главных и второстепенных вызовов США, рекомендации по наиболее эффективному противодействию этим вызовам.

Большинство американских экспертов считают, что в среднесрочной перспективе значимость Восточной Азии с точки зрения национальных интересов США будет возрастать как в плане позитивных тенденций развития — рост экономики, демократическое развитие, укрепление внутривосточной стабильности региональных государств, так и с точки зрения негативных тенденций, источником которых могут стать «экономическая отсталость и внутрирегиональные противоречия». Особое опасение вызывает Северо-Восточная Азия, где, по оценкам экспертов «Комиссии США национальной безопасности в 21 веке», созданной еще в 1998г. на основе принятого тогда Конгрессом и поддержанного президентом закона, может с большой степенью вероятности возникнуть серьезный военный конфликт. Такой вывод, по их мнению, базируется на том, что это — «единственный регион, где между основными державами существуют территориальные споры, где использование силы могло бы привести к нарушению сложившегося баланса сил, что в конечном счете оказало бы негативное воздействие на глобальную систему международных отношений в целом.²¹

Оптимистический сценарий развития ситуации в Восточной Азии базируется на предположениях о том, что в среднесрочной перспективе Восточная Азия «могла бы стать зоной относительно мирного развития»: в

большинстве стран региона сформированы демократические правительства, тесно связанные и сотрудничающие с целым рядом глобальных и региональных «экономических и политических институтов».²² В частности, расширение функций таких организаций, как Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатский региональный форум (АРФ), форум Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) за счет «обращения к новым транснациональным проблемам», может способствовать тому, что в регионе будут набирать силу тенденции аналогичные тем, что уже стали доминирующими в Европе, а именно: формирование системы коллективной безопасности, институализация механизма контроля над вооружениями.²³ Повышение благосостояния, рост качества образования, повышение технологического уровня развития экономики, относительной открытости деятельности правительств и др. — все это, будет способствовать позитивным сдвигам в развитии ситуации в Восточной Азии, а соответственно, и служить делу обеспечения национальных интересов США.

Однако, как считают эксперты «Комиссии по национальной безопасности в 21-м веке», подобные «оптимистические оценки основываются на умозрительных предположениях и нет никакой гарантии», что реально ситуация в Восточной Азии будет развиваться именно по такому сценарию. Напротив, на сегодня существует больше предпосылок к развитию ситуации в регионе по негативному для интересов США сценарию. В исследовании «Глобальные тенденции до 2015 г.», подготовленном экспертами американского Национального Совета по разведке, прогнозируется, что в ближайшие 15 лет ситуация в Восточной Азии будет характеризоваться неравномерным экономическим развитием (как отдельных государств, так и их субъектов), усилением политической и национальной самостоятельности и «самоуверенности», нежели идеологической активности. Все это может привести к наращиванию потенциала «стратегической напряженности, вплоть до возникновения реального конфликта».²⁴

В экономическом плане, считают эксперты Совета, правительства стран региона будут считаться с необходимостью приспособляться к нормам функционирования рыночной экономики, торговли и инвестирования, но в то же время будут искать пути минимизации экономических, политических и социальных последствий глобализации.²⁵ Богатые общества — Япония, Республика Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур, «богачи в Китае и в других местах» — будут становиться богаче; бедные общества — Вьетнам, Лаос, Камбоджа, «сельские районы западного Китая и другие районы в регионе» — станут все больше отставать в своем развитии. Китай во все большей мере будет втягиваться в мировую экономику за счет иностранных инвестиций, внешней торговли и интернационализации рынков капиталов. Ключевыми проблемами, воздействующими как на экономическое положение, так и на политическую стабильность, будут продолжать оставаться проблемы старения населения Японии, проблемы обеспечения Китая энергоносителями и водой, политического лидерства в Индонезии, Китае и др.²⁶

В области региональной безопасности, считают эксперты Совета, после исчезновения двупольярной системы главными проблемами станут: способность региональных лидеров справиться с нарождающимся противостоянием между державами (США-Китай, Китай-Япония, Китай-Индия), с проблемами «горячих точек» (Тайвань, Корейский полуостров, Южно-Китайское море), проблемами национальных меньшинств и религиозных общин (Китай, Индонезия, Малайзия, Филиппины). При этом, ряд потенциально опасных ситуаций в

регионе могут в течение ближайших 15 лет перерасти в прямую военную конфронтацию.²⁷ Такие факторы, как влияние на региональную ситуацию наращивающего экономическую и военную мощь Китая, неопределенные перспективы воссоединения двух корейских государств, эволюция политических устремлений и материальных возможностей Японии как регионального лидера — все эти и другие факторы приносят элементы большой неопределенности в прогнозирование развития ситуации в регионе.

Весьма неопределенными в среднесрочной перспективе будут оставаться и отношения региональных стран с США. В силу отсутствия в регионе явного лидера в военно-политической области, Соединенные Штаты будут продолжать играть доминирующую роль в политической, экономической и военной областях. Вместе с тем, многие страны в регионе будут испытывать беспокойство относительно конечных целей США в Восточной Азии. Это беспокойство связано с тем какую линию поведения в регионе выберут США в ближайшие 5-10 лет: или США будут «уходить» из региона, или же они будут наращивать усилия в направлении укрепления своей доминирующей роли в регионе.²⁸ Что же касается «ключевых региональных государств, прежде всего Китая и Японии, то они будут продолжать «лабиринтировать», используя политико-дипломатические, экономические и военные средства для обеспечения собственных интересов, особенно в случае ухудшения обстановки в регионе.²⁹

Япония и другие страны, считают эксперты Совета, будут выступать за сохранение присутствия США в регионе с тем, чтобы противодействовать росту влияния Китая. Вместе с тем, Япония и Китай будут расширять двусторонние экономические отношения, хотя исторические, территориальные и стратегические разногласия будут поддерживать имеющуюся настороженность по отношению друг к другу. Китай в свою очередь будет развивать тесные экономические связи с США, но одновременно будет расширять всестороннее взаимодействие с Россией и другими странами с целью противодействия давлению со стороны США, ослабления американской поддержки Тайваню и позиции США по созданию благоприятной для их интересов системы безопасности в Восточной Азии в целом. В этом смысле вполне реальной представляются американо-китайская конфронтация по вопросу о решении «тайваньской проблемы» и более широкому спектру проблем безопасности.³⁰ Что же касается Японии, то ее лидеры, сохраняя союз с США, будут все меньше полагаться на США в решении некоторых проблем безопасности. Укрепляя в себе уверенность в способности обеспечивать свою безопасность без помощи США, японские лидеры, по мнению экспертов Совета, будут все чаще выступать внутри и во вне страны с инициативами, которые обеспечивали бы интересы Японии без опоры на американо-японский союз.³¹

Тесные экономические связи с США и поддержка региональными странами военного присутствия США в Восточной Азии являются вескими аргументами в пользу того, что эти страны не будут оказывать серьезного противодействия американской политике в целом. Однако они по-разному будут реагировать на политику США по обеспечению американских национальных интересов в регионе. В частности, Япония будет поддерживать планы развертывания ПРО ТВД, Китай будет оказывать сильное противодействие их реализации, а Республика Корея, скорее всего, будет дистанцироваться от нынешних дебатов по этой проблеме.³² Стремление Японии протолкнуть идею создания регионального валютного фонда и получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН, с одной стороны, вроде бы, осложняет реализацию

лидерства США в Восточной Азии, что совпадает с целью китайцев, но с другой — эти устремления работают против намерений Китая «обуздать региональные и глобальные мощь и влияние Японии». Противодействие Японии и Республики Корея отстаиваемой США политике либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией не поддерживается странами Юго-Восточной Азии.³³

Вместе с тем, считают американские эксперты, указанные «преимущества региональной разобщенности» могут быть утрачены, если США не учтут следующих обстоятельств:

— наблюдаемый в последнее время спад в экономике США «наверняка усилит неустойчивость партнеров по обеим сторонам Тихого океана по всему спектру проблем торговли»;

— жесткая позиция США в отношении передового базирования и связанных с этим проблем могла бы инициировать рост националистических настроений в Японии и, возможно, в Республике Корея;

— усиление напряженности в американо-китайских отношениях способно ослабить поддержку США со стороны региональных стран, которые «неохотно выбирают» между двумя державами;

— провал политических инициатив США в Восточной Азии в результате противодействия со стороны государств региона может вызвать ответную реакцию в США, дальнейшее снижение заинтересованности США в налаживании конструктивного сотрудничества с правительствами этих стран.³⁴

Таким образом, анализ современного состояния военно-политической обстановки (ВПО) в Восточной Азии и факторов влияющих на ее развитие в среднесрочной перспективе, дает возможность выделить весь спектр «угроз/вызовов», с которыми США столкнутся в краткосрочной и среднесрочной перспективе при реализации всех категорий национальных интересов в Восточной Азии, включая «жизненные». Эти «вызовы» исходят как от отдельных стран, так и обусловлены перспективами разрешения конфликтных ситуаций в горячих точках региона, таких как Корейский полуостров и Тайваньский пролив.

«Китайская угроза» — Китай в силу ряда известных объективных причин экономического, политического, военного, демографического и иного характера, по оценкам американских экспертов, на сегодня является одним из центральных игроков на азиатской сцене, а в перспективе «может доминировать а азиатских делах». Поэтому, считают они, для США является исключительно важным иметь четкую концепцию взаимоотношений с Китаем на ближайшие 15-20 лет.³⁵ Это тем более важно, что «в Вашингтоне нет и не будет консенсуса» в вопросе формирования американской политики в отношении КНР, поэтому сверхзадачей является выработка такой политики «в условиях отсутствия консенсуса».³⁶ Республиканцы — представители партии власти — разделены на две основные группы: те кто полагают, что Китай имеет огромный экономический и торговый потенциал, который следует использовать в интересах США, и те, кто рассматривает Китай не столько как перспективный рынок для продукции США, сколько, серьезного в перспективе противника. Такой дуалистический подход в оценке Китая — либеральный и консервативный — характерен в целом для американского политического, делового и научного сообщества.

Либеральный подход к Китаю строится на основе оптимистических оценок перспектив его развития. Он базируется на виртуальной возможности

проведения политических реформ после «мирного кризиса коммунистической системы», создания парламентской системы «не менее демократичной, чем на Тайване» и т.п. Даже умеренная «демократизация» Китая может иметь положительные последствия с точки зрения его экономического развития через международное сотрудничество, что в свою очередь изменит приоритеты стратегии Китая на международной арене в сторону умеренности и большего либерализма и плюрализма. Такой Китай, по мнению экспертов «Комиссии по национальной безопасности в 21 веке», несмотря на сохранение потенциальных сфер столкновения интересов, был бы вполне приемлем для США с точки зрения их национальных интересов.³⁷ Либералы видят практическую возможность реального «наполнения» американо-китайского партнерства в связи с формированием международной коалиции по борьбе с терроризмом после трагедии 11 сентября. По их мнению, совместная борьба с терроризмом «улучшит двусторонние отношения, оградит США и Китай от конфликтов и взаимного непонимания, приведет к более прагматичным и управляемым отношениям».³⁸ «Позитивная повестка» двустороннего сотрудничества могла бы включать: сотрудничество в отношениях с исламским миром, совместные антитеррористические мероприятия, сотрудничество в пресечении международной торговли наркотиками и нераспространении вооружений.³⁹

Однако сегодня среди большей части американских экспертов и политиков доминируют скорее негативные ожидания в отношении Китая, в лице которого персонифицируются основные вызовы США в Восточной Азии и которые могут стать действительностью в недалеком будущем.⁴⁰ И хотя Пекин открыто не классифицируется как «враг или противник», однако считается, что он потенциально может стать «конкурентом США за влияние в регионе» и осложнить им «защиту их краткосрочных и долгосрочных национальных интересов в регионе».⁴¹

Предметом особой озабоченности американской стороны является «китайская военная угроза», «неадекватный рост» военных расходов, которые, по оценке директора ЦРУ Дж.Тенета, к 2005 г. могут удвоиться,⁴² а к 2025 г. Китай возможно станет главной военной державой в регионе.⁴³ Следует подчеркнуть, что американские эксперты не переоценивают современный военный потенциал КНР: «нынешний Китай — не вчерашний Советский Союз».⁴⁴ Однако, наличие и наращивание Китаем всех компонентов стратегических ядерных сил (наземных, воздушных, морских), практические шаги по их модернизации, в том числе и за счет технологических достижений США,⁴⁵ наращивание и модернизация обычных вооружений и др. — все это обуславливает, по мнению многих американских политиков и экспертов, необходимость «ответных действий» со стороны США вплоть до «пересмотра фундаментальных основ внешней политики в отношении Китая».⁴⁶ Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что рост военной мощи КНР способен спровоцировать рост агрессивности в региональной политике китайского руководства (Тайвань, острова Спратли и Сэнкаку).⁴⁷

Алармистские прогнозы американских политиков и экспертов в отношении перспектив «китайской угрозы» и американо-китайских отношений в целом обусловлены во многом отсутствием достаточных оснований для американо-китайского «стратегического партнерства», которое было провозглашено администрацией Б.Клинтон и всячески эксплуатировалось ею в собственных интересах внутри страны и на международной арене. Как считают некоторые эксперты в регионе, в основе «трений» между Пекином и Вашингтоном —

«отсутствие мотивов для стратегического сотрудничества, несмотря на тесные экономические связи».⁴⁸ По мнению исполнительного директора программы «Безопасность в АТР» школы им. Дж.Кеннеди Гарвардского университета И.Фейгенбаума, Китай и США кардинально расходятся по шести фундаментальным проблемам: 1) принципам формирования и организации международной системы; 2) «правилам поведения» государств на международной арене; 3) по принципам построения двусторонних отношений; 4) принципам применения легитимных военных акций против других государств; 5) в определении наступательных, оборонительных и сдерживающих видов вооружений и стратегий; 6) в оценке изменения роли государства в условиях глобализации.⁴⁹

Но самое главное — США и Китай являются друг для друга «одним из главных препятствий» на пути к достижению их стратегических целей и обеспечению национальных интересов. По мнению известного специалиста по международным отношениям Нанзанского университета (г.Нагоя, Япония) Р.Лима, в политических и аналитических кругах большинства стран региона существует твердая убежденность в том, что «ни одно из правительств США не желает, чтобы в Восточной Азии у Китая оставались полностью свободными руки».⁵⁰ В то же время, китайская сторона считает, что только США могут воспрепятствовать Пекину занять лидирующие позиции в регионе.⁵¹

Центральной проблемой американо-китайского противостояния — открытого и скрытого — продолжает оставаться проблема Тайваня, которая, по оценкам некоторых американских экспертов, является «едва ли не единственной проблемой, которая могла бы спровоцировать США и Китай на развязывание вооруженного конфликта между собой в будущем».⁵² Такие оценки, на первый взгляд, носят «завышенный характер». Вместе с тем следует подчеркнуть, что тайваньская проблема в глазах американцев напрямую затрагивает национальные интересы США, которые относятся к категории «исключительно важных». В том случае, если в будущем Китай разрешит проблему «возвращения острова в лоно родины» силовым путем, США, по оценкам, утратят свою роль «балансира» в регионе, их престиж как регионального лидера будет подорван, при том, что американские жизненные интересы будут сохранены. С другой стороны, КНР учитывает то обстоятельство, что решение тайваньской проблемы силовым путем на современном этапе может серьезно подорвать позитивный имидж Пекина у региональных стран, свести на нет достигнутые в последнее время благоприятные для КНР результаты во взаимоотношениях с ними и толкнуть их «в объятия Вашингтона». Эти обстоятельства, в конечном итоге, определяют перспективы «тайваньской проблемы», ее места в американо-китайских отношениях в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Жесткие по своей форме заявления Пекина в отношении готовности использовать «все способы для возвращения Тайваня» и демонстративные военные приготовления в соседней с островом провинции Фуцзянь создают ошибочные представления о перспективах разрешения проблемы в будущем. Многие американские эксперты отмечают, что «в настоящее время китайскую элиту вполне устраивает нынешний уровень взаимоотношений (Пекина) с Тайванем» и Китай вряд ли будет их подрывать.⁵³ Более того, некоторые специалисты считают, что растущий объем тайваньских инвестиций в экономику Китая ставит вопрос о политических последствиях: реальной материализации какого-то из вариантов воссоединения — «не быстро, но и не такого уж от-

даленного», что будет означать для Вашингтона «совершенно новую расстановку стратегических сил» в регионе.⁵⁴

«Корейская проблема» — Проблема американо-северокорейских отношений и ситуации на Корейском полуострове в целом относится к категории исключительно важных интересов США, поскольку потенциально позитивное или негативное ее разрешение могут иметь те или иные далеко идущие политические, военные и экономические последствия для всеобъемлющих позиций США в Восточной Азии.

Администрация Дж.Буша с самого прихода к власти заняла более жесткую позицию в отношении КНДР, чем предшествующая администрация. Президент США, по сути, достаточно негативно оценил объявленный президентом Республики Корея Ким Тэ Чжуном в 2000 г. курс в отношении КНДР, получивший название политики «солнечного тепла»; в послании «О положении в стране» 2002 г. Дж.Буш отнес КНДР к странам «оси зла».⁵⁵ Министр обороны США Д.Рамсфелд постоянно заявляет, что «усилия (КНДР) по разработке оружия массового уничтожения» и «продажа ракетных технологий в другие страны» представляют «реальную угрозу для США».⁵⁶ «Ракетный фактор» широко используется для обоснования необходимости создания ПРО ТВД в Восточной Азии, которая, фактически должна стать составной частью НПРО США. Оценивая политику новой администрации в отношении КНДР, известный специалист по проблемам безопасности в Восточной Азии, директор азиатской программы Центра международной политики в Центре им. Вудро Вильсона С. Харрисон считает, что политика Дж. Буша «провалилась потому, что его администрация не пожелала дать Северу что-либо значительное в обмен на сделанные Северной Корее уступки, которых добивался Вашингтон».⁵⁷

Многие эксперты указывают на то, что корейская политика Дж. Буша формируется под сильным влиянием «ястребов» в администрации и конкретно нынешнего заместителя госсекретаря Р.Армитиджа, под руководством которого в 1999 г. составлялся доклад о политике в отношении КНДР. В докладе, в частности рекомендовалось, что в случае «провала дипломатических усилий» необходимо предусмотреть применение превентивных силовых акций против Севера.⁵⁸ По оценке известного специалиста по проблемам Азии из исследовательской службы конгресса США Л.Никша, Буш уже реализует некоторые рекомендации этого доклада, в частности, об увязывании начала мирных переговоров с сокращением Пхеньяном вооруженных сил общего назначения, что свидетельствует, о «буквальном совпадении подхода Буша с рекомендациями группы Армитиджа».⁵⁹

Вместе с тем, как представляется, подобная жесткая позиция республиканской администрации, которая со всей очевидностью блокирует процесс нормализации ситуации на Корейском полуострове, во многом обусловлена не столько «непредсказуемым поведением» Пхеньяна, сколько «видимой на горизонте» проблемой воссоединения Кореи со всеми ее последствиями. Именно эта перспектива может не только изменить «политическую конфигурацию» в регионе и стать «катализатором геополитических перемен в Азии в 21 веке»,⁶⁰ но и кардинальным образом отразиться на всеобъемлющих позициях США в регионе и американских национальных интересах в их нынешней формулировке. Прежде всего, «ключевой переменной величиной» этой проблемы станут американо-китайские отношения и американо-японский союз.

Даже при самом благоприятном развитии американо-китайских отношений Пекин «без энтузиазма» воспримет появление на его границе объеди-

ненной, демократической и рыночной Кореи, союзной с США и имеющей на своей территории американские силы передового базирования. Более того, считают эксперты национального совета по разведке, объединяющие сегодня обе стороны интересы, касающиеся Корейского полуострова а именно: стремление избежать широкомасштабного вооруженного конфликта, нераспространение ОМУ — после объединения перестанут работать и напротив — будет наблюдаться их расхождение, прежде всего, в отношении системы передового базирования ВС США и будущего американо-корейских отношений.⁶¹ Можно ожидать, что Пекин будет настойчиво требовать от Кореи прекратить поддерживать американское военное присутствие на Корейском полуострове; в случае реализации этих требований Япония останется единственной страной в регионе, на территории которой дислоцируются силы передового базирования США, что в свою очередь вызовет внутренние дебаты в стране по этому вопросу, которые могут нанести ущерб американо-японскому союзу.⁶²

С другой стороны, объединенное Корейское государство будет пристально следить — соответствует ли американо-японский союз потребностям региональной безопасности. Тесное американо-японское взаимодействие в сфере безопасности, которое по оценке многих экспертов, имеет эффект сдерживания «проекции японской мощи», в целом, пока, позитивно воспринимается Сеулом; всякое же движение Японии в сторону развития самостоятельных военных возможностей в случае возникновения проблем в американо-японском союзе, неизбежно повлечет за собой «стратегическое состязание в Северо-Восточной Азии» и пересмотр объединенной Кореей ее целей в сфере обеспечения безопасности.⁶³ Такой пересмотр потенциально может иметь для США негативный характер, поскольку существует вполне реальная перспектива того, что военная элита в Республике Корея будет настаивать на приобретении «потенциала сдерживания».⁶⁴

Негативные для США последствия создания объединенного Корейского государства признаются и «ястребами» администрации Буша. В частности считается, что объединенная Корея может инициировать вопрос о целесообразности американского военного и политического присутствия на полуострове», что в конечном итоге может привести к еще большему росту влияния Китая и «политической изоляции Японии в регионе».⁶⁵ Поэтому, по мнению «ястребов», уже сегодня одной из главных целей становится упрочение позиций США путем укрепления как двусторонних отношений с Японией и Республикой Корея, так и углубления взаимодействия в треугольнике США-Япония-Республика Корея в целом. Для этого рекомендуется решить следующие задачи.

— во-первых, использовать нынешнее напряжение в отношениях с Севером для укрепления сотрудничества с Японией и Республикой Корея в сфере безопасности;

— во-вторых, существенно повысить уровень союзных отношений с Японией и Республикой Корея, «вывести их за рамки северокорейской проблемы».

— в-третьих, придать более четкую конфигурацию тройственному союзу США-Япония-Республика Корея как средству утверждения американского присутствия в регионе. С учетом наличия конкретных проблем в формировании «японо-южнокорейской составляющей» этого союза, предпринять продуманные меры к ее укреплению, которые бы гарантировали невозможность для Японии и Республики Корея принимать самостоятельные решения в вопросах обеспечения безопасности вне рамок тройственного союза.

— в-четвертых, консолидация трехстороннего союза должна осуществляться так, чтобы «не раздражать Китай», а напротив — должна быть для него прозрачной и содержать «успокоительные элементы», включая изменение характера военного присутствия США на Корейском полуострове (опора на воздушную и морскую мощь при рациональном сокращении сухопутного присутствия).⁶⁶

Таким образом, как представляется, «корейский вызов» национальным интересам США обусловлен не только и не столько «поведением Пхеньяна», сколько реально существующей перспективой кардинальных перемен на Корейском полуострове в случае объединения двух корейских государств и как результат неизбежных геополитических изменений в данном субрегионе, которые, скорее всего, будут иметь негативные последствия для интересов и позиций США в Восточной Азии.

«Вызовы регионального баланса сил» — При оценке перспектив формирования ВПО в Восточной Азии и выработке рекомендаций для администрации американские эксперты и аналитики большое место отводят анализу внутрорегиональных факторов, прежде всего состоянию и перспективам баланса сил между самими региональными странами, определению лидеров и аутсайдеров и взаимоотношениям между ними. В этом смысле в наступающем столетии в Восточной Азии просматривается еще один «вызов» национальным интересам США.

По оценкам экспертов Комиссии по национальной безопасности в 21 веке, «геополитический треугольник Китай-Корея-Япония» является предметом исключительной обеспокоенности США. Источником такой обеспокоенности служит то, что «уровень недоверия и открытого страха в отношениях между тремя странами является долгосрочной реальностью». ⁶⁷ Китайская политическая, экономическая и военная элита ревниво наблюдает за развитием Японии и «жаждет восстановить достоинство китайской нации, в известной мере и за счет Японии»; «почти все корейцы, как правило, с негодованием относятся к Японии, но опасаются идти на сближение с Китаем»; «японцы боятся исторической мести со стороны китайцев и корейцев и не в состоянии полностью преодолеть наследия прошлого». ⁶⁸ В этих условиях, отмечают эксперты Комиссии, инициировать широкомасштабный военный конфликт между странами треугольника могли бы «и националистический и агрессивный Китай, и националистическая объединенная Корея, обладающая ядерным оружием, и милитаристски экспансивная Япония». Источником такого конфликта может стать также и «последовательное наращивание стратегического ядерного потенциала Китая, который подорвет доверие к гарантиям США по отношению к Японии, Корею, Филиппинам и другим странам». ⁶⁹

Американские специалисты полагают, что наиболее конфликтоопасной является ситуация на Корейском полуострове. Срыв мирного процесса воссоединения с последующим военным конфликтом между Севером и Югом нанес непоправимый ущерб американско-японским отношениям в сфере безопасности. Если ядерная программа Севере не будет «закрыта», в рамках воссоединения Кореи, Япония в этих условиях была бы вынуждена «стать ядерной державой» и тогда «треугольник состоял бы из трех ядерных государств». ⁷⁰

Что же касается Японии, то отсутствие положительных результатов в улучшении экономического положения в целом и в проведении политических и экономических реформ может привести к власти консервативных лидеров, которые займутся воссозданием «милитаристских традиций», «восстановлением

и рекультивацией национальной гордости и привнесут в национальное сознание японцев дух соперничества с восходящим Китаем и не исключено — разорвут двусторонние отношения по безопасности с США». «Если в треугольнике произошли бы столь тектонические сдвиги, — отмечается в докладе указанной комиссии — то это будет самым серьезным вызовом, с которым придется столкнуться Соединенным Штатам».⁷¹

Усиление тенденций в направлении формирования принципиально новой расстановки сил в регионе может инициировать в странах Восточной Азии мощное движение против военного присутствия США. Несмотря на то, что опасения стран региона в отношении «угрозы Китая» объективно способствуют «бесконфликтному» наращиванию американского военного присутствия, эксперты Комиссии считают, что в Восточной Азии «при стечении определенных обстоятельств» страны, на территории которых находятся американские базы, могут потребовать от США сократить или даже ликвидировать их военное присутствие. Наличие американских баз может спровоцировать применение против них ракетных и авиационных систем, оснащенных ОМУ, тем более, что многие страны Восточной Азии обладают или стремятся создать такие виды вооружений. Таким образом, эти базы являются скорее источником опасности, нежели защиты от нее. Это обстоятельство, опасаются американские эксперты, может подтолкнуть региональные страны, прежде всего Японию и Республику Корея, потребовать от США сократить или полностью прекратить их военное присутствие в этих странах. Сокращение военных обязательств США и их вовлеченности в дела Восточной Азии «увеличит вероятность роста нестабильности в условиях борьбы государств региона за определение нового регионального баланса сил».⁷²

«Японский вызов» — «Японский вызов» кардинально отличается от других «вызовов», с которыми США могут столкнуться в Восточной Азии в 21 веке. Суть вызова состоит в следующем: развитие ситуации на региональном и глобальном уровнях и внутренние перемены во внутренней жизни Японии создают предпосылки для качественной «эволюции стратегической культуры Японии», обретения Токио большей самостоятельности в формировании его внешнеполитической стратегии; более независимый курс Японии неизбежно отразится как на самой сути американско-японского союза, так и на стратегических интересах США в Восточной Азии. По оценке директора программ международной безопасности Центра стратегических и международных исследований, бывшего заместителя министра обороны США в последней администрации Б.Клинтон К. Кэмбелла, американско-японские отношения на современном этапе представляют собой «фундаментальный парадокс»: с одной стороны, они по своей важности занимают самое высокое место в иерархии отношений США со странами Восточной Азии, а с другой — «они крайне неустойчивы». И именно в этой неустойчивости — «огромный вызов (для США)».⁷³

С точки зрения «объективных показателей», укрепление Японией союзнических отношений с США продолжает служить «фундаментом ее дипломатии и обеспечения безопасности»; американско-японский союз для Токио остается «критическим с точки зрения поддержания баланса в регионе». Внешнеполитическая стратегия Японии по-прежнему ориентирована на «сохранение военно-политической вовлеченности США в дела Восточной Азии».⁷⁴

Вместе с тем, Токио предпринимает меры к «большей независимости в формировании его военного потенциала, и укреплению внешнеполитических позиций, к созданию региональной экономической структуры». В вы-

шеупомянутом докладе-прогнозе Национального совета по разведке отмечается, что несмотря на отсутствие признаков широкомасштабного «перевооружения» Японии, обращают на себя внимания некоторые конкретные факты, а именно: решение о создании группировки разведывательных спутников, существующая программа запусков ИСЗ собственными ракетносителями дает возможность для создания потенциала современных баллистических ракет, обладание 4-мя самыми быстродействующими в мире ЭВМ, осуществление программы по переработке плутония, которая «в глазах многих представляется как виртуальная ядерная мощь».⁷⁵ В целом, считают эксперты совета, Япония на сегодня «не менее лояльна в отношении американско-японского союза, чем прежде, но стала более напористой в плане пересмотра ее роли в рамках союза, в создании независимой военно-производственной базы»; она готовится «к потенциальным потрясениям в будущем», которые могут поставить под вопрос «не только присутствие американских баз в Японии, но и само существование союза».⁷⁶

Одним из вызовов Вашингтону на японском направлении являются препятствия на пути осуществления вместе с Токио скоординированной политики по так называемому «вовлечению Китая».⁷⁷ Суть вызова состоит в том, что оба партнера пользуются различными инструментами для достижения этой цели и задача США — максимизировать эффективность механизма взаимных консультаций для проведения скоординированного курса в отношении КНР».⁷⁸ Препятствиями к такой координации заключаются в следующем: а) общие расхождения Токио и Вашингтона в отношении Китая; б) японский и американский бизнес — соперники за установление влияния и получение преимуществ на китайском рынке и это состязание может подорвать «энтузиазм совместного подхода к решению экономических проблем»; в) разное историческое прошлое (в отношениях с Китаем), отличающиеся политические инструменты и стратегические ставки;

г) то обстоятельство, что параллельное движение предполагает возможность существенного пересмотра американских интересов в разрешении важных проблем, таких как Корея и Тайвань.⁷⁹

В рамках виртуального треугольника США-Япония-Китай Вашингтон отводит важное место экономическому потенциалу Японии, как инструменту «сдерживания влияния Китая в Юго-Восточной Азии».⁸⁰ Однако неспособность Японии уже в течение длительного времени преодолеть экономический застой вызывает беспокойство американской администрации, поскольку нарушает планы США использовать Японию не только «в своей игре на китайском направлении», но и в других стратегических разработках Вашингтона для Восточной Азии в целом. Кроме того, указывают американские эксперты, политика Токио, направленная на снижение курса иены по отношению к доллару негативно отражается на чувствительных экспортных секторах американской экономики и создает реальные предпосылки к повышению уровня торговых противоречий (между США и Японией).⁸¹

Вместе с тем, главное противоречие состоит в том, что в стремлении создать «виртуальный треугольник» посредством «вовлечения Китая», США, как представляется, хотели бы ограничить самостоятельность Японии в выработке и реализации ее китайской политики, еще больше укрепить двусторонний союз «на американских условиях», поскольку сохранить роль «главного балансира» в регионе было бы «проще и дешевле при наличии союза с японцами, чем без него».⁸²

Кроме того, «сдерживание» Японии не в последнюю очередь обусловлено довольно активным формированием тенденций паназиатизма в Восточной Азии. Паназиатизм, как составная часть транс-тихоокеанских взаимоотношений при лидирующей роли США — вариант, приемлемый для Вашингтона. И на сегодня состояние вышеуказанных тенденций носит с точки зрения США допустимый характер, равно как не внушает серьезных опасений и японо-китайское сотрудничество. Однако, как считают американские эксперты, «закрытые формы паназиатского регионализма» могут развиваться в направлении «неблагоприятном для интересов США». Поэтому, тем необходимо гарантированно обеспечивать «здоровые транс-тихоокеанские экономические связи для их гармонизации с паназиатским регионализмом».⁸³

О некоторых перспективах политики администрации Дж.Буша в Восточной Азии

Сопоставление анализ внешнеполитического курса администрации Б.Клинтон в Восточной Азии с заявлениями и практическими шагами администрации Дж.Буша в отношении стран региона, по оценкам американских экспертов, не дает, в общем, оснований говорить о «революционных преобразованиях» в стратегии новой администрации. Напротив, считается, что за исключением «отдельных новых моментов» в основе своей главные стратегические установки остаются в силе, поскольку национальные интересы США «не зависят» от смены хозяина Белого дома.⁸⁴ По таким фундаментальным направлениям, как «поддержание Соединенными Штатами союзнических обязательств, сохранение американского военного присутствия, соблюдение демократических свобод и прав человека, поддержка тенденций к развитию глобализации» — по этим и другим аспектам стратегии США всегда будет иметь место «двухпартийный консенсус».⁸⁵

Вместе с тем, несмотря на то, что сам нынешний президент США не обладает большим опытом в ведении международных дел, многие эксперты обращают внимание на тот факт, что «команда Буша» подобрана более профессионально, чем у Б.Клинтон, особенно на азиатском направлении. В этой связи отмечается, что она построена по определенной модели: высшие посты в Белом доме, госдепартаменте и соответствующих подразделениях Пентагона занимают «европеисты», а во втором эшелоне руководства доминируют специалисты по АТР, которые в подавляющем числе являются «практиками в вопросах обеспечения безопасности».⁸⁶ Большинство из них обладает опытом работы в Пентагоне, и хотя они «не столь опытны с точки зрения дипломатического искусства, их предыдущий опыт гарантирует, что в международных делах они будут меньше идеалистами и больше реалистами, и станут руководствоваться холодным расчетом в соответствии с национальными интересами и ставкой на скорейшее достижение конечных результатов».⁸⁷

Визит Дж.Буша в Японию, Республику Корея и Китай в феврале 2002 г. в определенной мере обозначил некоторые приоритетные направления внешнеполитического курса его администрации в Северо-Восточной Азии. В Японии американский президент, действуя по «старой доброй традиции», заверил, что американо-японский союз является «основой стратегии» США в регионе и что он прочен как никогда прежде.⁸⁸ В Сеуле президент США публично поддержал политику «солнечного тепла», и четко заявил, что его страна не намерена применять силу в отношении Севера, а также подтвердил свою приверженность

двустороннему военно-политическому союзу с РК и американские гарантии безопасности последней.⁸⁹

Неоднозначными оказались результаты поездки Дж.Буша в Пекин. Несмотря на то, что официально переговоры были оценены обеими сторонами как «конструктивные и плодотворные», в ходе визита выявились и существенные разногласия. Во-первых, Вашингтон категорически отказался признавать террористами активистов сепаратистского движения за создания «Восточного Туркестана». Во-вторых, впервые за многие годы американский президент уклонился от публичного подтверждения принципа «одного Китая» и заявил, что Вашингтон намерен следовать Акту об усилении безопасности Тайваня от 1999 г. и готов обеспечить «защиту» острова в случае агрессии. Все это дало основание региональным специалистам по проблемам безопасности считать, что на нынешнем этапе при выработке американской стратегии в регионе «победили ястребы».⁹⁰

Однако главное противоречие, которое было отмечено во всех трех столицах, касалось позиции США в отношении КНДР. Накануне визита в «Послании нации» от 29 января 2002 г. Дж.Буш отнес Северную Корею к странам «оси зла» и подтвердил готовность США принять «самые решительные меры» против нее. Однако именно такая позиция и угрозы администрации США в корне противоречат интересам Японии, Республики Корея и Китая, всерьез опасаящихся обострения ситуации на Корейском полуострове в случае принятия Вашингтоном «решительных мер» против КНДР. Обращает на себя внимание тот факт, что, по оценкам экспертов из стран региона, последствия (сегодня пока гипотетические) «наказания Севера» вышли бы далеко за рамки отдельной акции. В Южной Корее усиливаются подозрения насчет того, что США преследуют сугубо эгоистические цели, игнорируя интересы союзника, что сведет к росту антиамериканских настроений.⁹¹ Как считает в этой связи один из советников правительства Республики Корея по делам КНДР, «если Вашингтон будет проводить жесткую линию в отношении Северной Кореи, все южнокорейцы повернутся спиной к США, и это повлечет за собой эрозию американо-южнокорейской системы безопасности».⁹² Анализ поступающей информации дает основание считать, что пока у администрации Дж.Буша нет цельной концепции политики в регионе.⁹³ Вместе с тем, базируясь на рекомендациях «мозговых трестов», независимых экспертов, отдельных конгрессменов и сенаторов и учитывая другие составляющие проблемы (такие, как объективные особенности развития ситуации в регионе и изменение роли ряда государств в ее формировании, внутривосточная ситуация в самих США, азиатский опыт «команды Буша»), представляется возможным определить некоторые приоритеты политики республиканской администрации в Восточной Азии.

Общий «Баланс сил»

Обеспечение всех групп интересов США в регионе по американским оценкам возможно лишь при сохранении «баланса сил», который подразумевает удержание за США доминирующих позиций во всех жизненно важных сферах — безопасности, торговле, политике. Главный инструмент достижения этого баланса — военное присутствие США в регионе, сохранение системы передового базирования, дальнейшее укрепление военно-политических союзов с Японией и Республикой Корея. Военное присутствие США «создает условия, благоприятствующие экономической и стратегической стабильности в регио-

не»; отсутствие такового — «создаст условия для пересмотра стратегической архитектуры в регионе, что в свою очередь повлечет за собой гонку вооружений между региональными странами, борьбу за контроль над Корейским полуостровом, морскими и воздушными путями в западной части Тихого океана и даже может инициировать гонку ядерных вооружений».⁹⁴ Особенности развития военно-политической ситуации в АТР требуют от США выбора оптимального, с точки зрения военной стратегии и экономного расходования средств, размещения вооруженных сил в регионе. В связи с этим назрела необходимость пересмотра структуры базирования американских вооруженных сил в регионе в направлении создания «более обширной системы передового базирования, развернутой по всей тихоокеанской зоне».⁹⁵

Конкретные мероприятия по реструктуризации военного присутствия могли бы включать:

- обеспечение возможностей ведения силами передового базирования эффективных боевых действий в стратегически важных районах;

- адекватное финансирование воздушного и морского транспорта для формирования потенциала, достаточного для организации переброски этих сил, а также обеспечение их противовоздушного и противоракетного прикрытия;

- достижение господства в воздухе и на море в районах потенциальных конфликтов и контроля морских коммуникации;

- осуществление разведывательного обеспечения, включая сбор развединформации, формирование специальных подразделений военной разведки и групп для анализа и разведанных др. Фокус всех военных приготовлений должен быть сосредоточен на повышении боевых возможностей вооруженных сил США в регионе, а не на их количестве.⁹⁶ Оценивая роль вооруженных сил США в обеспечении национальных интересов в регионе, председатель подкомитета по разведке и национальной безопасности конгресса США Д.Берютер подчеркнул: «...сегодня сохранение (в Восточной Азии) нашего 100-тысячного контингента сил передового базирования является насущной необходимостью. Военная сила — краеугольный камень нашей стратегии безопасности».⁹⁷

Двусторонние отношения

Китай. Политика в отношении Китая, очевидно, будет формироваться на основе сочетания двух подходов: 1) Китай — не стратегический партнер, но и не враг; «Китай — конкурент, потенциальный соперник в регионе, но одновременно и торговый партнер, желающий сотрудничать там, где наши стратегические интересы частично совпадают» (госсекретарь К.Пауэлл);⁹⁸ 2) Китаю следует знать, что не существует причин, по которым он не мог бы иметь хорошие отношения с США, однако Пекин должен отдавать себе отчет в том, что «мы имеем конкретные фундаментальные интересы (в регионе) и вправе рассчитывать на понимание этих интересов» (вице-президент Д.Чейни).⁹⁹

Признавая важность взаимоотношений с Китаем с точки зрения региональной безопасности, члены команды Дж.Буша, в отличие от предыдущей администрации, являются «япоцентристами» и прагматиками, что подразумевает более жесткий подход к Китаю в контексте всеобъемлющих интересов США в регионе. Как специалисты по проблемам безопасности члены команды Дж. Буша с большей настороженностью относятся к масштабам и целям модернизации вооруженных сил Китая как с позиции обеспечения безопасности Тайваня, так и с точки зрения ее влияния на способность вооруженных сил США «свободно оперировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе».¹⁰⁰ В этой

связи заявление Дж.Буша о том, что США предпримут «любые меры, которые потребуются» для защиты Тайваня, видимо, не следует рассматривать как стандартное риторическое высказывание. В рекомендациях, подготовленных экспертами республиканского «мозгового треста» «Хэритидж фаундэйшн» для администрации Дж.Буша, в качестве внешнеполитической задачи на китайском направлении в 2003 г. определяется: «Вашингтон не должен позволить, чтобы его желание наладить хорошие отношения (с Китаем) порождало надежды на возможность достижения компромисса за счет стратегических, политических и экономических интересов США в Азии».¹⁰¹

Япония. Администрация Дж.Буша преисполнена решимости «вновь сделать Японию центром стратегии США в Азии» путем расширения масштабов сотрудничества, координации действий и консультаций по проблемам, представляющим взаимный интерес.¹⁰² Цель укрепления американо-японского союза — «превратить Японию в своего рода Великобританию на Дальнем Востоке».¹⁰³ Достижение этой цели должно быть обусловлено решением ряда задач и должно осуществляться по следующим направлениям.

1. Японии следует преодолеть табу на коллективную оборону: руководство страны не должно всецело полагаться ст.9 Конституции и избегать совместных военных действий по обеспечению интересов собственной безопасности. В исследовании американского Национального оборонного института, проведенном в 2000 г. под руководством нынешнего зам.госсекретаря Р.Армитиджа, подчеркивалось: «Японский запрет на коллективную самооборону сдерживает уровень союзнического сотрудничества. Ликвидация этого запрета позволила бы более тесно взаимодействовать в обеспечении безопасности».¹⁰⁴

2. Япония должна четко осознавать, что американо-японский союз имеет как региональную, так и глобальную направленность. Поскольку жизненные интересы Японии и США совпадают и на глобальном и на региональном уровнях, «ей следовало бы взять на себя, по крайней мере, вспомогательную роль в защите этих интересов».¹⁰⁵

3. В рамках союза с США Японии нет необходимости разрабатывать и принимать на вооружение такие виды наступательного вооружения как авианосцы, ядерные подлодки, тактические крылатые ракеты и т.д. Вместе с тем необходимо активизировать проведение совместных учений, обмен разведывательной информацией; сотрудничество в области разведывательной деятельности должно постоянно совершенствоваться.¹⁰⁶ В перспективе следует предусмотреть создание объединенного командования по примеру американо-южнокорейского.

4. Японии нужно стать участником региональной системы безопасности с участием США и Республики Корея. Расширение такого сотрудничества привело бы в перспективе к созданию того, что «может быть названо «Тихоокеанская НАТО» или Тихоокеанское «Партнерство ради мира». Подобная организация могла бы более эффективно сдерживать как военную мощь Китая, так и расширение его территориальных амбиций».¹⁰⁷

5. Одним из ключевых элементов перестройки союзнических отношений должно стать сотрудничество в сфере высоких технологий. При этом ведущие американские эксперты считают, что, обеспечив Японии более широкий доступ к американским технологиям, прежде всего военного характера, Вашингтон сможет с полным правом потребовать усилить роль Токио в сфере обеспечения региональной безопасности.¹⁰⁸

6. Активизация роли Японии не может быть успешной без решения трех важнейших задач: 1) реформирование чрезмерно регулируемой японской экономики; 2) перестройка политической системы; 3) приход к руководству страной лидеров нового поколения, способных решительно и твердо проводить политику внутренних реформ и отстаивать национальные интересы страны на международной арене.¹⁰⁹

Корейский полуостров. Сохранение и укрепление военно-политического союза с Сеулом является одной из важнейших стратегических задач нынешней американской администрации. Можно считать, что администрация Дж.Буша уже приступила к «пересмотру политики на Корейском полуострове».¹¹⁰ В нынешних подходах США к корейской проблеме отражаются — возможно, в равной мере — как взгляды «ястребов», так и воззрения более умеренных политиков. Новые тенденции, вероятно, могут отражаться в ниже следующем:

1. Активизируется процесс координации политики США, Японии и Республики Корея в отношении развития событий на Корейском полуострове в целом.

2. Формы и методы, используемые в интересах укрепления американо-японского военно-политического союза, будут применяться и в отношениях между Вашингтоном и Сеулом.

3. Администрация США, видимо станет более активно побуждать Сеул прилагать усилия к достижению «экономической привязки» к себе Пхеньяна, что сделало бы политику последнего более управляемой и прогнозируемой.

4. Могут быть предприняты практические шаги по созданию конкретных механизмов координации действий Вашингтона и Сеула как в отношении изменений ситуации на Корейском полуострове, так и объединения военных усилий в случае негативного для Вашингтона развития общей обстановки в Восточной Азии.

5. Не исключено, что к непосредственному обсуждению и решению проблем Корейского полуострова будут в той или иной форме привлекаться как полноправные участники Россия и Япония.¹¹¹

Таким образом, если даже только часть указанных соображений будет реализовываться в политике новой администрации США, это будет свидетельством качественных изменений в восточноазиатской стратегии США.

* * *

Таким образом, бесспорно, что Восточная Азия была и будет оставаться для Соединенных Штатов зоной исключительных интересов как с позиций обеспечения их собственной безопасности, так и с точки зрения экономических перспектив. Это обусловлено тем, что в данном регион находит отражение весь спектр национальных интересов, как их определяют в США. Нарушение нынешнего политического, экономического, военного баланса в Восточной Азии способно самым непосредственным образом сказаться на общестратегических позициях США как доминирующей державы не только в данном районе, но и в глобальном масштабе.

Очевидно, что развитие военно-политической обстановки и экономической ситуации в Восточной Азии обуславливает необходимость выработки на современном этапе новых «правил поведения» и определения места заинтересованных отдельных стран в формировании «регионального и глобального порядка», что создает предпосылки для новой расстановки сил на региональной

арене и т.д. Все эти реалии заставляют Соединенные Штаты искать пути и формы сохранения своих доминирующих позиций в регионе, вырабатывать и корректировать стратегию и тактику их обеспечения.

Одним из главных принципов концепции национальных интересов США является принцип **приоритетности факторов** воздействующих в той или иной степени на ограничение возможности и способности правительства США разрабатывать и реализовывать адекватную политику по обеспечению безопасности и благополучия «свободной американской нации». Принцип приоритетности позволяет прагматически концентрировать все необходимые материальные и духовные ресурсы для оптимальной реализации всеобъемлющей стратегии США в XXI веке.

Иерархия национальных интересов США в Восточной Азии свидетельствует, что главной долгосрочной проблемой для США будет выработка и реализация стратегии в отношении Китая, поиск путей «упорядочения» неизбежного роста мощи и влияния этой страны. Именно Китай, по оценкам американских экспертов, превратится в один из самых главных «вызовов» для американской политики, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

Наряду с «китайским вызовом» в перечне проблем, с которыми столкнется нынешняя и будущие администрации США, присутствуют проблемы как стратегического сотрудничества с Японией, взаимоотношений с Республикой Корея и развития ситуации на Корейском полуострове в целом, так и проблемы многосторонних взаимоотношений в рамках «виртуальных» и реальных региональных геополитических и геоэкономических построений.

Политика администрации Дж.Буша в Восточной Азии будет формироваться под воздействием многих объективных и субъективных факторов. К первым относится общий контекст развития ситуации в регионе, политика отдельных государств, состояние экономической составляющей как в мире в целом, так и в его отдельных регионах, включая Восточную Азию и сами Соединенные Штаты. Ко вторым — адекватность состава и подходов «команды Буша», уровень влияния той или иной группы на президента, сама его личность.

Вместе с тем уже сегодня становится очевидным, что внешнеполитический курс администрации Дж.Буша в Восточной Азии отличается от политики предыдущей администрации не столько по содержанию, сколько по формам и методам ее реализации, темпам принятия решений и воплощения их в жизнь. Очевидным является также и то, что нынешнее руководство США не в состоянии «загонять в угол» ряд проблем, которые нуждались в решении еще в годы правления демократов, и поэтому может оказаться вынужденным переводить их в плоскость практического реагирования. К таким проблемам относятся: расширение прав Японии в рамках двустороннего союза, выработка новых форм партнерства с Республикой Корея, двусмысленность и противоречивость политики в тайваньском вопросе и др.

В США есть понимание того, что сохранение сегодняшних лидирующих позиций в Восточной Азии в политической, военно-стратегической, экономической и других сферах «не может быть автоматическим, вечным», хотя бы в силу того, что в регионе развиваются объективные процессы, часть из которых находится вне влияния Вашингтона. Это обстоятельство в ряде случаев требует от администрации США активной работы по формированию свежих подходов для обеспечения их интересов в регионе, разработки новых критериев обеспечения безопасности в целом.

Одним из характерных аспектов в формировании региональной стратегии всех последних американских администраций, будь то при Б.Клинтоне или Дж.Буше-младшем, является явное стремление игнорировать «российский фактор». С одной стороны, события в России послужили стимулом для попыток закрепления этого подхода в курсе Вашингтона. Вместе с тем, анализ происходящих сдвигов и тенденций в американско-российских отношениях дает основания предполагать, что уже в краткосрочной перспективе этот «пробел» может быть устранен и «фактор России» станет во все большей мере учитываться в американской стратегии на ее восточно-азиатском направлении.¹¹²

1. В настоящей статье акцент делается на наиболее важных с точки зрения американской стратегии странах обширного региона Восточной Азии — КНР, Японии, Республике Корея и КНДР.
2. См.: Арин О. Двадцать первый век: мир без России. М., 2001. С.93-108.
3. America's National Interests. The Commission on America's National Interests. July 2000. P.2. В состав Комиссии помимо советника Дж.Буша по национальной безопасности К.Райз и заместителя госсекретаря Р.Армитиджа вошли 2 сенатора (Б.Грэхэм и Дж.Маккэйн), высокопоставленные сотрудники предыдущих администраций, руководители и ведущие эксперты основных американских «мозговых трестов».
4. Ibidem.
5. Ibid. P.5.
6. Ibid. P.6.
7. Ibid. P.7.
8. Ibid. P.8.
9. Ibidem, P.8
10. The Department of Homeland Security. President George W.Bush, June 2002 (Послание президента Дж.Буша о создании министерства внутренних дел США) // The New-York Times. June 8, 2002.
11. America's National Interests. P.23.
12. Ibid.. P. 24.
13. Ibid. P.25
14. Ibid.
15. Ibid. Pp. 24,25.
16. Ibid. P. 26.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Ibid. P. 24.
20. Ibid.
21. New World Coming: American Security in the 21st Century. Supporting Research and Analysis // The Phase I Report on the Emerging Global Security Environment for the First Quarter of the 21st Century: The United States Commission on National Security/21st Century, September 15. 1999, P.70. В 1997 г. члены Конгресса США под влиянием изменившихся условий на международной арене приняли решение о необходимости проведения глубокого анализа путей и механизмов обеспечения национальной безопасности США в наступающем столетии. В середине 1998 г. на основании федерального закона такое исследование было начато под эгидой министра обороны США. Сопредседателями Комиссии стали конгрессмены У. Рудман и Г.Харт. (Иногда ее называют «Комиссия Рудман-Харт»).
22. Ibid.. P.73.
23. Ibid. P.74.
24. Global Trends 2015 (ed. by National Intelligence Council). Washington, 13 December, 2000. P.44. Национальный совет по разведке — «мозговой центр» разведсообщества США, который объединяет в своем составе действующих и отставных высокопоставленных дипломатов, сотрудников госдепартамента и ЦРУ, военных. Директор центра — Д.Гэнон. Цитируемый здесь доклад является продолжением аналогич-

- ного по задачам доклада от 1997 г. Global Trends 2010 и нацелен на то, чтобы «стимулировать политиков США думать нетрадиционно и шире».
25. Ibid. P.45.
 26. Ibid.
 27. Ibid. P.44.
 28. Ibid. P.45.
 29. Ibid.
 30. Ibid.
 31. Ibid.
 32. East Asia and the United States: Current Status and Five-Year Outlook. September, 2000. P.5//www.odci.gov/nic/pubs/conference_reports/ea_current_status.htm
 33. Ibid.
 34. Ibid.
 35. Campbell Kurt. New Politics in Washington & The US-Japan Relationship. August 2, 2001.
 36. Ibid.
 37. US Commission on National Security/21st Century. P.76-77.
 38. Hachigian N., Mulvenon J. A Chance to Get Closer to China // Los Angeles Times. September 27, 2001.
 39. September 11 and US-China Ties: A Chance for a New Strategic Relationship? A Discussion with Richard Solomon, President of The United States Institute of Peace. December 12, 2001: The Nixon Center. Washington, DC // Program Brief. Vol.7.#22.Nixon Center,2001.
 40. Bereuter Doug. Perspective on US National Interests // The B.C.Lee Lectures: Heritage Foundation. March 6, 2001. Pp.8-9.
 41. Bereuter D. Op.cit.
 42. Tenet G.J. Worldwide Threat — Converging Dangers in Post 9/11 World. Testimony of Director of Central Intelligence Before the Senate Armed Services Committee. 19 March 2002.
 43. US Commission on National Security/21st Century. P.76-77.
 44. Bereuter D. Op.cit.
 45. Recommendations of The Selected Committee Transmitted on January 3, 1999 to the President and Congress — Select Committee of the United States House of Representative (Cox Committee). В 1999 г. специальной комиссией, известной как «комиссия Кокса», был подготовлен фундаментальный доклад о промышленном шпионаже КНР в США, в котором содержались рекомендации для администрации Б.Клинтон по предотвращению таких действий КНР и практическим мероприятиям по защите технологической безопасности Соединенных Штатов. Эти рекомендации касались конкретно министерства энергетики, министерства обороны, ФБР, ЦРУ и других «причастных организаций».
 46. Bereuter D. Op.cit.
 47. US Commission on National Security/21st Century. P.78.
 48. Lague D., Saywell T. A Growing Storm for East Asia // Far Eastern Economic Review. May 17, 2001.
 49. Feigenbaum E.A. China's Challenge to Pax Americana // The Washington Quarterly. Summer 2001. Vol.24. # 3. Pp. 31-43.
 50. Lague D., Saywell T. Op.cit.
 51. Tenet G.J. Op.cit.
 52. Bereuter D. Op.cit.
 53. Ellings R.J., Friedberg A.L. Strategic Asia in Light of September 11, 2001. P.11//Strategic Asia 2001-02. The National Bureau of Asian Research, 2001.
 54. Tucker N.B. If Taiwan Chooses Unification, Should the United States Care?//The Washington Quarterly. Summer 2002. Vol.25. # 3. Pp.15-28.
 55. The President George W. Bush State Union Address. Washington, January 29,2002//www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01
 56. Ramsfeld N. Korea's Arms a Threat//Washington Post. November 16, 2001.
 57. Harrison S. Korean endgame: A Strategy for Reunification and Disengagement: Princeton University Press, 2002//www.wvics.si.edu/NEWS/digest/korendgame.htm

58. Larkin J., Hiebert M. Axis of Uncertainty//Far East Economic Review. February 14, 2002.
59. Ibid.
60. East Asia and the United States: Current Status and Five-Year Outlook. P.81.
61. Ibid.
62. Ibid.P.82.
63. Ibid.
64. Ibid. Такие прогнозы вовсе не выглядят спекулятивными, если учесть, что в 1976 г. Сеул под нажимом Вашингтона закрыл свою ядерную программу, которая по оценке многих специалистов была «весьма продвинутой».
65. Cha V.D. Korea's Place in the Axis // Foreign Affairs. May/June, 2002 // www.foreignaffairs.org/20020501facssay_8059/victor-d-cha/korea-s-place-in-the-axis.html
66. Cha V. Д. Op.cit.
67. US Commission on National Security/21st Century. P.79.
68. Ibid.
69. Ibid.
70. Ibid. P.80.
71. Ibid.
72. Ibid. P.81.
73. Campbell K. New Politics in Washington & The US-Japan Relationship, Hotel Okura Executive Luncheon Meeting: Series #3. August 2, 2001 // www.glocom.org/special_topics/okura/200109_new_politics/index.html
74. East Asia and the United States: Current Status and Five-Year Outlook. P.80.
75. Ibid. P.79.
76. Ibid.
77. Armacost M.H., Pyle K.B. Japan and Engagement of China: Challengers for U.S. Policy Coordination//NRB Analysis. Vol.12. # 5. December 2001. P.1.
78. Ibid. P.3.
79. Ibid.
80. Glosserman B. U.S.-Japan Relations: Setting New Standards//Comparative Connections. A Quarterly E-Journal on East Asian Bilateral Relations. Vol.4. # 1. First Quarter 2002. P.16.
81. Glosserman B. Op.cit. P.17.
82. Armacost M.H., Pyle K.B. Op.cit. P.25.
83. Ibid.
84. Berry N., Bush Versus Clinton: Continuity and Changes in Asia-Pacific Policies, June 21, 2001//www.cdi.org
85. Ibidem.
86. Mitchell D., Implications of the New Bush Administration for East Asia: U.S.View // www.nautilus.org/nukepolicy/workshops/shanghai-01/mitchellpaper.html
87. Mitchell D., Op.cit, P.3
88. President Discusses Unity Between the U.S & Japan-Remark by the President to the Diet, The Diet, Tokyo//www.whitehouse.gov/news/releases/2002/02/20020218-2.html
89. Bush reaffirms Pacific security//International Herald Tribune, February 20, 2002
90. Larkin J., Murray H., Op.cit, P.6
91. Ibidem.
92. Ibid.
93. Подписанный Дж.Бушем 17 сентября 2002 г. документ под названием «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» не дает четкого представления о целостной стратегии в Восточной Азии/ - The National Security Strategy of the United States of America, September, 2002 // www.whitehouse.gov/nsc/nss.html
94. Wortzel L.M., Planning for the Future: The Role of U.S. Forces in Northeast Asian Security, July 26, 2001, Heritage Foundation
95. Calder K.E., The New Face of the Northeast Asia, Foreign Affairs, January/February, 2001//www.foreignaffairs.org/20010101FAESSAY4247-faarticles/ken
96. Wortzel L.M., Op.cit.
97. Bereuter D., Op.cit.

97. Bereuter D., Op.cit.
98. Mitchell D., Op.cit
99. Bereuter D., Op.cit
100. Mitchell D., Op.cit
101. Issues 2002: The Candidate's Briefing Book (ed. by Butler S.M. and Holmes K.R.), Heritage Foundation, 2002//www.heritage.org/issues
102. Mitchell D., Op.cit
103. Asher D., Could Japan Become the "England of the Far East", American Enterprise Institute, June 2001
104. Ibidem.
105. Asher D., Op.cit.
106. Ibid.
107. Ibid.*
108. Ibid.
109. Calder K., Op.cit.
110. Mitchell D., Op.cit.
111. Calder K., Op.cit. Данная статья была написана до сентябрьской 2002 г. исторической поездки премьер-министра Японии Дз.Коицзуми в КНДР. Поэтому, принимая во внимание непреходящую значимость данного визита и многоплановую роль России в этой связи, представляется возможным говорить о правильности прогнозирования данной тенденции в обновленной политике США на Корейском полуострове.
112. См. The National Security Strategy of the United States of America, PP.26-27

США, Китай, Россия: проблема стратегического партнерства

© 2002

А. Уолдрон

Обсуждаемая мной тема будет касаться напряжения, существующего между экономическими и стратегическими интересами Китая, США и России.

Сегодняшний период китайско-российско-американских отношений был положен осознанием Китаем необходимости США в роли противовеса советской мощи. Последовательно Китай начал сложный процесс стратегического сближения с США, который был воспринят многими в Вашингтоне, возможно, с излишним энтузиазмом.

Сегодня мы все еще слышим о Китае как о стратегическом партнере. Господин Клинтон употреблял этот термин, а также и господин Путин во время его переговоров с господином Цзяном более года назад.

Я хотел бы вкратце затронуть две проблемы, которые непременно возникают при попытке любой страны сблизиться с Китаем по стратегическим соображениям.

Первой проблемой, по моему мнению, является отсутствие у Китая четких представлений о его собственных национальных интересах и о средствах их достижения. Должен ли он сблизиться с США, с их самым большим и необходимым рынком сбыта? Или — с Россией, бывшим врагом Запада и сегодняшним самым важным поставщиком оружия Китаю? Или — с такими государствами, как Иран, Ирак, Северная Корея, бывшая Сербия Слободана Милошевича и так далее, то есть со странами, не имеющими ничего общего между собой, кроме факта, что они являются диктатурами и находятся в постоянном конфликте с подавляющим большинством остальных государств мира?

Вторая проблема, несомненно, состоит в том, что, хотя мы обсуждаем стратегию, на самом деле отношения с Китаем обеих стран — США и России — базируются на экономической основе и имеют минимальную стратегическую основу.

Позвольте мне кратко обсудить сегодняшнее положение китайской экономики. Достижения Китая в области экономики даже больше, чем его растущая военная мощь, создают его национальный и международный облик и престиж. Однако я докажу, что действительность представляет из себя иную картину. Поэтому сегодняшняя проблема Китая заключается в том, что, хотя его статус экономически развитой державы не вызывает ни у кого сомнений, на самом деле ему приходится прилагать усилия, чтобы поддерживать эту репутацию.

Я считаю, что наиболее проницательным ученым в области прошлого и настоящего китайской экономики является профессор Томас Равски из Питтсбургского университета.

Недавно Равски привлек внимание прессы, потому что он высказал сомнения по поводу темпов роста китайской экономики, которые обычно оцениваются в семь процентов и больше.

Используя разнообразные статистические методы, Равски заявил, что по меньшей мере начиная с 1998 г. китайская экономика замедлила или даже, возможно, прекратила свой рост. Это заявление получило непрямо подтверждение, когда премьер-министр Чжу Жунцзи заявил, что без вмешательства государства китайская экономика обрушилась бы в том же году.

Большинство китайских специалистов остаются скептиками по поводу теории Равски. Однако я, тем не менее, скорее всего согласился бы с его точкой зрения. Почему? Превыше всего, по следующей причине. Профессор Равски является личным другом многих выдающихся китайских экономистов и статистиков в течение более двадцати лет. В 1989 г. он наблюдал за демонстрациями в Пекине из окна Государственного статистического управления.

Я уверен, что его друзья в Китае не позволили бы ему выступать с совершенно неправильными заявлениями. Они предупредили бы его в частном порядке, и он бы их послушался.

Таким образом, я думаю, что на самом деле ведущие китайские экономисты используют Равски в качестве посредника, чтобы уведомить мир о подлинном положении в Китае.

Какие же проблемы возникают в данной ситуации? Позвольте мне упомянуть несколько наиболее важных из них.

Одна из них заключается в излишней зависимости китайской экономики от иностранных капиталовложений и рынков сбыта. Половина внешнего торгового оборота Китая зависит от иностранных инвестиций.

Китай занимает лидирующие позиции в компьютерном и телекоммуникационном экспорте благодаря промышленности, которая является собственностью Тайваня приблизительно на семьдесят процентов. Подобная ситуация существует во многих областях, результатом чего, по мнению профессора Гарвардского университета Хуан Яшэна, является повсеместная низкая конкурентоспособность собственно китайских фирм, обусловленная коммунистической системой. Если убрать четыреста или пятьсот миллиардов долларов, которые были инвестированы в Китай за последние двадцать лет, он выглядел бы абсолютно другим и не был бы таким развитым, с экономической точки зрения, государством.

Трудно не прийти к заключению, что приток все новых зарубежных капиталов скорее, чем истинный рост продуктивности и рентабельности китайской экономики, играл первостепенную роль в сотворении китайского экономического чуда.

Очевидный рост к тому же чрезвычайно зависит от государственных затрат. Эксперты считают, что два процента роста китайской экономики — результат государственного инвестирования.

К сожалению, в большинстве случаев, проект, выполненный с помощью государственных инвестиций, немедленно после его окончания начинает требовать субсидий, так как он не является прибыльным и никогда таким не будет. К тому же вложенный капитал никогда не сможет окупиться.

Большая часть богатства, непродуманно истраченного впустую, — это накопления китайского народа, помещенные в банки. Но не все. Все возрастающее количество берется в долг китайским правительством, что, в свою очередь, ведет к хроническому финансовому дефициту. Без сомнения, этот

дефицит является итогом неадекватного сбора налогов, а также итогом огромного расточительства на такие престижные проекты, как Олимпийские игры, программа исследования космоса, новый город Пудун в Шанхае и значительное повышение зарплаты государственным деятелям.

Общий национальный долг, по официальным данным, представляет 190 млрд. юаней, то есть 17% от официального ВВП.

Эти статистические данные печальны, и они становятся по-настоящему тревожащими, когда мы задумываемся о том, что многие цифры они не включают.

Одним из таких упущений является общая сумма невозвращаемых кредитов, предоставленных государственными банками государственным предприятиям. Эта сумма, составляющая от четырехсот до шестисот миллиардов долларов, превышает половину ВВП.

Другая бомба замедленного действия — это не гарантированные достаточными фондами пенсионные пособия государственных предприятий, сумма которых достигает приблизительно шестисот миллиардов долларов. Эти статистические данные не включают в себя потребности миллионов крестьян, для которых не предусмотрено никаких пенсионных пособий.

Существует также проблема утечки капиталов за границу. Бегство капитала из Китая было оценено экономистами Пекинского университета в двадцать-тридцать миллиардов долларов за последние несколько лет.

Безусловно, Китай принял достаточно рискованный подход к своему экономическому развитию. Почему? Я думаю, что это происходит по политическим мотивам.

Китай является очень нестабильной страной. Политика китайского руководства остается неопределенной. Население испытывает недовольство, а экономика, являющаяся единственной опорой правительства, остается шаткой.

После резни 1989 г. новое правительство, пришедшее к власти в нарушение всех возможных правовых норм, использовало повышение уровня жизни китайского населения, чтобы укрепить свою шаткую легитимность. Превыше всего новое правительство опасается возобновления народных протестов и стремится отвлечь внимание от внутренних проблем. Поэтому оно внедряет ярко выраженный национализм на государственном уровне, ведет националистические пропаганду и внешнюю политику. Оно также начало развитие вооруженных сил.

Я считаю, что гонка вооружений в Китае представляет из себя попытку коммунистической партии отвлечь внимание народа от внутренних национальных дел в сторону международных вопросов и таким образом использовать национальные чувства для укрепления легитимности и престижа правительства, которое на самом деле является недееспособным.

Китайское правительство, несомненно, полагает, что экономическое развитие может заменить демократизацию, приватизацию и другие необходимые реформы. Многие наблюдатели считают, что Китай достигнет успеха в этом отношении.

Однако необходимо принимать во внимание сказанное выше о китайской экономике, чтобы понять, почему я считаю такую подмену невозможной.

Экономика на самом деле не источник стабильности, а, напротив, источник множества проблем, и только прочная и законная политическая система в состоянии их разрешить. Однако, китайская система никогда не была столь слабой и нестабильной, как сегодня, даже если не брать во внимание ее недостаточную политическую прозрачность.

Действительно, сегодняшние напряженные социальные условия могут привести, по моим предположениям, в ближайшие несколько лет к серьезным

события, к которым мир будет совершенно не подготовлен. Сегодня даже многие китайцы предостерегают об этом.

Вполне возможно, что в Китае возникнет ситуация, сравнимая с той, которая сопровождала конец СССР.

Во избежание возникновения подобной ситуации, китайское правительство делает все ставки на международную поддержку, на рост богатства и власти, на подавление общественного мнения и на определенный вид национализма. Как ни парадоксально, обе стороны, Москва и Вашингтон, содействуют Китаю в этом процессе, возможно, против своих собственных интересов.

В восемнадцатом веке существовала так называемая трехсторонняя торговля ромом, сахаром и рабами между Англией, Вест-Индией и Северо-Американскими колониями.

В наше время также существует странная трехсторонняя торговля с Китаем. Тайвань, Гонконг, Япония, Европа и США осуществляют огромные капиталовложения в Китае, что, в свою очередь, облегчает массивный экспорт из Китая на их рынки, создавая ему гигантское положительное сальдо торгового баланса. Большая часть денег, заработанных таким образом, идет на военную модернизацию, в которой ключевым компонентом является закупка Китаем передового военного оборудования из России, которое сам Китай был бы не в состоянии произвести.

На настоящий момент Китай не предоставил никаких достоверных данных о том, что он отказался от своих амбициозных притязаний на превосходство в азиатском регионе, на вооруженный захват Тайваня, а также на так называемое возвращение огромных территорий, которые сейчас принадлежат России. Другими словами, китайское военное развитие представляет прямую угрозу не только США и ее союзникам, но также и самой России.

Как же это стало возможным? Благодаря деньгам из США и вооружениям из России Китай в состоянии угрожать обеим вышеуказанным странам.

По моему мнению, эта окольная торговля, то есть американские доллары за российское вооружение, не отвечает нашим обоюдным интересам. Намного лучше были бы укрепление прямых связей между Россией и Западом, что, по-настоящему, в наших взаимных интересах, и создание общими двусторонними усилиями мирного и даже свободного Китая.

О достоверности экономического роста Китая и "китайской угрозе"

© 2002

Я. Бергер

Официальные китайские данные о высоких темпах экономического роста время от времени возбуждают у некоторых зарубежных наблюдателей сомнения и стремление их опровергнуть. Речь в данном случае идет не о вполне оправданном и обоснованном уточнении статистики с помощью более углубленных исследований, а о попытках отрицать сам факт быстрого экономического развития КНР.

Очередным возмутителем спокойствия с недавней поры стал профессор Питсбургского университета Томас Дж. Равски, выступивший в ряде печатных изданий со статьями, в которых подверг критическому анализу как состояние китайской статистики, так и вытекающие отсюда дефектные, с его точки зрения, данные последних лет, коренным образом меняющие представления о положении в экономике страны.

Профессор Равски — известный специалист, автор многих работ по истории и экономике Китая, по сравнительной экономике. В конце 70-х годов он подготовил для Мирового банка доклад "Экономический рост и занятость в Китае". Именно поэтому его выводы были опубликованы не только в специализированных изданиях, но и стали достоянием широкой аудитории — благодаря публикациям в таких популярных западных средствах массовой коммуникации, как "Файненшл таймс", "Экономист", "Уолл-стрит джорнэл", "Коммерсиал уикли" и др.

Основой этих публикаций стала написанная проф. Равски в 2001 г. статья "Что происходит с китайской статистикой о росте ВВП?"¹. В этой статье ставились под сомнение официальные данные о темпах роста ВВП в Китае с 1997 по 2000 г. Статья обращала внимание на ряд несоответствий, прежде всего на несовместимость данных о росте ВВП за 1997-2000 годы на 24,7% и данных о сокращении за тот же период потребления энергии на 12,8%. Это вызывало недоумение, даже принимая во внимание приоритетное развитие неэнергоемких производств. Кроме того, автора смущали утверждения китайской официальной статистики о росте сельскохозяйственного производства в Китае в 1997-1999 гг. повсеместно, кроме одной лишь провинции, несмотря на колоссальные наводнения. Данные о росте промышленного производства в стоимостном выражении на 10,75% противоречили тому факту, что только 14 из 94 основных видов продукции показали рост физических объемов более чем на 10%, а в 53 случаях физические объемы снизились. Сведения официальной стати-

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".

стики о росте инвестиций на 13,9% опровергались тем, что потребление стали и цемента возросло только на 5%. Розничные продажи росли быстрее, чем доходы на душу населения в городе и деревне, причем разница не покрывалась увеличением численности населения. Отмечались и иные расхождения, в частности низкие темпы увеличения пассажиропотока на авиалиниях, которые в принципе должны бы опережать темпы роста экономики в целом.

Все эти диспропорции выглядели особенно разительно при сравнении Китая с наиболее успешно развивавшимися странами и регионами Азии. Периоды экономического роста в Японии, на Тайване, в Южной Корее, сопоставимого по темпам с тем, который, по официальной статистике, имел место в Китае в 1997-2001 г., сопровождались существенным увеличением потребления энергии, занятости и потребительских цен.

Ссылаясь на ряд сведений, почерпнутых из китайской печати и личных бесед, автор приходил к заключению о том, что имеет место сознательная фальсификация показателей экономического развития. По его прикидкам, рост китайского ВВП в 1998 г. составил максимально 2,2%, но, возможно, был существенно ниже или даже отрицательным. Что касается последующих лет, то для 1999 г. допускался разброс оценок в пределах от -2,5% до +2,5%, для 2000 г. — в интервале 2-3%, а для 2001 г. — между 3% и 4%, что в два-три раза ниже официальных данных. То обстоятельство, что рост остается существенно ниже уровня в 7%, необходимого для трудоустройства нового поколения работников в городах, демонстрируется, по мнению Равски, избыточным предложением, давлением на цены, почти нулевым приростом рабочих мест, избыточными мощностями, ростом бесполезных для экономического роста банковских депозитов.

Китайская пресса также уделила немалое место изложению подходов и выводов профессора Равски. В апреле 2002 г. журнал “Ляован”, который, как известно, теснейшим образом связан с партийным и государственным руководством страны, опубликовал подборку материалов под общей шапкой “Борьба вокруг темпов роста ВВП Китая”.² Эти материалы сообщали основной смысл заключений профессора Равски, содержание беседы и переписки с ним корреспондента журнала, а также мнения китайских специалистов.

Из общения корреспондента с американским ученым выяснялось, что его первые попытки привлечь внимание Вашингтона к своим изысканиям не увенчались успехом, но затем, весной 2001 г., американское правительство в основном приняло точку зрения ученого (напомним, что именно в это время в США произошла смена администрации). И в 2002 г. по “необъяснимым” для Т. Равски причинам газеты, журналы, телевидение подняли вокруг этого огромную шумиху и вызвали общественный ажиотаж. Т. Равски, всячески открепявшись от политической подоплеки своих подходов и утверждая, что им руководил исключительно исследовательский интерес, вместе с тем заметил, что он хотел бы способствовать опровержению тезиса о “китайской угрозе”, исходящего из констатации, что реальная мощь Китая растет слишком быстро.

Многие китайские экономисты и специалисты по статистике откликнулись на соображения, высказанные Т. Равски. Проявляя достаточно уважительное отношение к нему самому и к мотивам его изысканий, они тем не менее были достаточно единодушны в неприятии тех заключений, к которым он пришел, и используемой им методики, которую сочли односторонней, игнорирующей сложные связи между различными экономическими переменными.

Многие (хотя и не все) тезисы, выдвинутые Т. Равски, опровергались и находили иное, чем у американского профессора, толкование.

Среди китайских ученых одним из первых американскому эксперту ответил Жэнь Жоэнь, профессор экономики Института управления Пекинского университета авиации и воздухоплавания, пользующийся высокой научной репутацией как внутри страны, так и за рубежом. Он выразил несогласие с прокламируемым профессором Равски утверждением о наличии прямой зависимости между ростом ВВП и увеличением потребления энергии. По словам Жэнь Жоэня, за период 1971-1999 гг. несоответствие в движении этих показателей наблюдалось в Японии, Корее, Германии, Великобритании и США. В Японии в 1978, 1980, 1981 и 1985 годах рост потребления энергии был по меньшей мере на четыре процентных пункта меньше роста ВВП, в т.ч. в 1981 г. — на шесть процентных пунктов. В том же году в Корее рост ВВП обгонял рост потребления энергии на 7 процентных пунктов, а в другие годы ситуация была обратной. Так, в 1977, 1979, 1990 и 1992 годах рост потребления энергии был намного больше роста ВВП, в т.ч. в 1979 г. — на целых девять процентных пунктов.³

Как отмечается в китайской прессе, за последние годы рост потребления энергоносителей в стране, действительно, замедляется, и это дает повод некоторым зарубежным ученым сомневаться в подлинности данных об экономическом росте Китая. При этом, однако, не берутся во внимание структурные факторы, оказывающие воздействие на указанный процесс. В экономический рост Китая все больший вклад вносят негосударственные сектора экономики, тогда как воздействие государственного сектора все более снижается. Именно последний в недавнем прошлом был, главным образом, ответствен за массивный выпуск энергоемкой продукции. Предприятия же, принадлежащие индивидуальным и частным владельцам, иностранному и смешанному капиталу, стремятся производить потребительские товары, по преимуществу трудоемкие и не требующие больших энергозатрат.

Принятый в 1978 г. курс на открытость значительно повысил эффективность использования энергии. Показатель ВВП в расчете на одну тонну условного топлива увеличился с 1978 г. по 2000 г. на 6350,8 юаней.⁴ В 90-х годах снижению потребления энергии способствовала структурная перестройка производства, особенно в промышленности, развитие неэнергоемких отраслей. В 1980 г. в промышленности на 1 т условного топлива производилось добавленной стоимости на сумму 486,83 юаня, а в 1999 г. этот показатель возрос до 3864,36 юаня. Уменьшились внутризаводские затраты энергии. Дальнейшему относительному уменьшению потребностей в энергии будет способствовать неуклонное увеличение доли сферы услуг.

Есть и еще некоторые факторы, способствующие уменьшению данных о потреблении энергии или искажающие их. Падение потребления энергии в 1997-2001 г. на 10% сопровождалось крупномасштабной перестройкой его структуры: существенное ограничение поставок угля, главного энергоносителя в Китае, которое, возможно, и стало главной причиной отраженного в статистике сокращения энергопотребления, сопровождалось увеличением выработки электроэнергии, которая растет примерно теми же темпами, что и ВВП.

Необходимо рассматривать движение объемов производства энергоносителей в связи с изменением общей экономической конъюнктуры в стране. Добыча угля в 1978 г. составляла 620 млн. т. К 1996 г. она возросла до 1 397 млн.т, что привело к затовариванию рынка. В условиях, когда государство

взяло курс на сдерживание инфляции и осуществление "мягкой посадки", был принят ряд мер по постепенному снижению добычи угля с тем, чтобы восстановить ее рыночное регулирование. Плюс к этому в производстве электроэнергии постепенно снижается доля тепловых электростанций, работающих на угле, и возрастает доля ГЭС, атомных и ветряных электростанций.

Имеет также место определенная недооценка в статистике фактических объемов энергопотребления в Китае, связанная с тем, что из статистических данных выпадает такое широко распространенное в стране явление, как контрабанда нефти и нефтепродуктов. Только за два месяца 2001 года таможня задержала более 7 тыс. т контрабандных нефтепродуктов. При оптимистической оценке выявления 10% от общего объема контрабанды, ежегодно в Китай нелегально завозится несколько сот тысяч тонн нефтепродуктов.⁵ Таким образом, фактическое потребление нефтепродуктов в Китае недооценено. То же можно сказать и об угле, добыча которого на малых шахтах плохо регламентируется.

В обстоятельной статье, написанной директором Института населения и экономики труда Академии общественных наук Китая Цай Фаном и научным сотрудником этого института Ван Мэйянем, детально рассматривается ситуация в области пассажирских перевозок и занятости.⁶ В 1978–2000 гг. быстро росли перевозки пассажиров железнодорожным, автомобильным и особенно авиационным транспортом. Если исходить из того, что между экономическим ростом и пассажироперевозками существует прямая зависимость, то данные о последних не свидетельствуют о признаках упадка экономики. Что касается авиационных пассажироперевозок, то они обслуживают преимущественно богатых клиентов, поэтому их доля в общем пассажиропотоке невелика. И, напротив, доля автомобильного пассажирооборота, наиболее соответствующего современному уровню доходов населения, растет. Авторы специально проанализировали корреляцию данных о пассажирских авиаперевозках и об экономическом росте и обнаружили как наличие прямой зависимости между ними, так и значительно большие колебания первых по сравнению со вторыми. Когда темпы роста экономики снижаются, авиационные перевозки пассажиров сокращаются еще более резко. В этой ситуации неправильно использовать данные о таких перевозках как критерий роста ВВП.

Тесная связь экономического роста с занятостью столь же несомненна, как и современная тенденция к падению регулярной занятости в китайских городах. Вместе с тем необходимо учитывать коренные изменения, уже произошедшие в структуре занятости города и деревни. В 1978–1997 гг. доля занятых на государственных и коллективных предприятиях в общей занятости понемногу росла. После 1997 г. она стала резко падать. В то же время доля занятых на негосударственных предприятиях в городе и в неаграрной сфере села после 1978 г. неизменно возрастала быстрыми темпами и сегодня уже составляет две трети общей занятости. В этой ситуации данные о регулярной занятости (т.е. занятости в рамках "даньвэй", или "единиц") не отражают полной картины занятости. С учетом нерегулярной занятости (т.е. занятости вне "единиц") и занятости в неаграрном секторе сельской экономики общая занятость все же растет, и более высокими темпами экономического роста соответствуют более высокие темпы роста занятости, несмотря на сокращение регулярной занятости в городах.

Критикуя основания, по которым Т. Равски подвергает сомнению официальные данные о темпах роста ВВП в Китае, китайские экономисты обра-

щают внимание на наличие иных зависимостей, которые вполне корреспондируют с этими данными. Известный китайский экономист профессор Ху Аньган, не отрицая возможного наличия "воды" в официальных статистических данных, указал вместе с тем, что об экономическом росте свидетельствует не только общий показатель ВВП. Не менее важным критерием служит рост финансовых доходов и налоговых поступлений. Весьма знаменательны также данные о росте сбережений населения и валютных резервов, розничного товарооборота и внешней торговли. Все эти показатели после 1998 года были выше общих данных о росте ВВП. То же самое отмечается и в целом ряде отраслей. В сельском хозяйстве на фоне отрицательного роста производства зерна и хлопка значительно выше темпов роста общего уровня добавленной стоимости в этой отрасли был прирост производства овощей, мяса, продуктов водного промысла. Падение производства в традиционных отраслях промышленности (например в угольной) с лихвой компенсировалось взлетом новых отраслей, таких, как производство мобильных телефонов, туризм и т.д. В составе ВВП за период 9-й пятилетки существенно снизилась доля складских запасов. В итоге, заключает Ху Аньган, если темпы экономического роста и снизились, то качество его существенно возросло.⁷

На тесную взаимосвязь данных об экономическом росте с динамикой целого ряда важнейших показателей указал также заместитель руководителя Государственного статистического управления КНР Цю Сяохуа. За период 1997-2001 г. экономический рост составил 33,9%, т.е. в среднем за год — 7,6%. За то же время инвестиции в основные фонды увеличились на 47,9%, розничная продажа потребительских товаров — на 37,7%, экспорт — на 45,6%, импорт — на 71,1%.⁸

Полемике с выводами профессора Равски посвящен специальный раздел доклада, подготовленного Центром по изучению ценных бумаг и корпоративных финансов Нанькайского университета и прочитанного на симпозиуме, организованном Шанхайской фондовой биржей в сентябре 2002 г. В докладе отмечается, что между производством и потреблением энергии, с одной стороны, и ростом китайской экономики — с другой, никогда не было тесной зависимости, причем не только в последние годы, но и при "перегреве" экономики Китая в 1992-1994 годах. С экономическим ростом значительно более тесно связаны показатели производства электроэнергии и стали.

Не могут служить надежным критерием экономического роста и показатели официально зарегистрированной занятости в силу существования занятости скрытой. Широко известно, что на государственных предприятиях официально зарегистрированные работники фактически являются полубезработными. Когда конъюнктура улучшается, предприятиям нет необходимости увеличивать штат, а когда ухудшается — не приходится его сокращать. Отсюда и получается, что, независимо от темпов экономического роста и уровня инфляции, на всем протяжении 90-х годов численность занятых в Китае увеличивалась примерно на 1% в год.

Авторы доклада произвели верификацию номинального ВВП Китая на основе ежемесячно публикуемых данных об инвестициях, потреблении, экспорте и импорте и складских запасах и обнаружили, что по большинству лет полученные значения фактически выше официальных данных о ВВП. Их общий вывод: "Цифры экономического роста в Китае в основном надежны, и сомнения мирового сообщества в отношении этих данных ни на чем не основаны".⁹

Китайские экономисты и сотрудники статистических служб не отрицают возможной неточности данных об экономическом росте Китая, но отвергают подозрения в их намеренной фальсификации под давлением политических амбиций верховной власти или по ее прямому заказу, как это бывало в недавней истории страны. Мысль о том, что видные китайские специалисты могли бы принимать участие в такой фальсификации или молчать, зная о ней, или же тайно обращаться к некому американскому профессору с просьбой вместо себя поведать миру страшную правду о тщательно скрываемом состоянии китайской экономики, кажется весьма экзотичной и маловероятной.

Источники искажения данных о реальном состоянии китайской экономики различны. Прежде всего могут завышаться исходные данные о результатах производственной деятельности крупных государственных предприятий, по-прежнему играющих немалую роль в экономике, с тем чтобы продемонстрировать успехи в реализации поставленных перед ними задач. На порочность такой практики указывал, в частности, премьер Госсовета Чжу Жунцзи. Впрочем, Китай вовсе не уникален в этом отношении, о чем напоминают нам недавние скандалы в крупнейших западных фирмах, которые в гигантских масштабах искажали, да еще с помощью солидных аудиторских фирм, отчетность о своих прибылях. Разница лишь в том, что в странах с развитой рыночной экономикой реакция рынка на искажение сигналов наступает достаточно быстро, и виновные в обмане фирмы несут достаточно суровое наказание, а в Китае такая практика отсутствует.¹⁰ С другой стороны, в современном Китае и нет столь крупных компаний, каждая из которых была бы в состоянии столь же мощно воздействовать на рынок.

Известный китайский экономист профессор Пекинского нормального университета Ли Сяоси указывает еще на две категории причин, объясняющих наличие "воды" в статистических данных.¹¹ Первую он относит к системным ошибкам, т.е. таким, которые повторяются из года в год и потому не оказывают влияния на динамику экономического роста. Другая категория — конъюнктурное поведение местных властей, которые готовы "подправлять" данные, стремясь извлечь выгоду из той или иной политики центра. Иногда такие искажения взаимно погашают и уравновешивают друг друга. Так, в одних случаях местные чиновники "прибедняются", стремясь получить от центра дополнительные пособия для бедных, в других — напротив, преувеличивают местное благосостояние, надеясь привлечь государственные ассигнования на техническое развитие регионов. Искажения можно корректировать и соответствующими экономическими мерами. Так, если завышается стоимость продукции, это можно пресечь, пригрозив повысить налогообложение. Но все же дезинформацию, исходящую от низовых партийных и государственных органов сбрасывать со счетов не приходится.¹²

Есть и объективные трудности статистического учета, в т. ч. и не преодоленные до конца в мировой практике. Это касается, например, счета доходов в сфере услуг. Весьма сложной проблемой для китайской статистики является недооценка того огромного ущерба, который экономический рост наносит окружающей среде. Гигантское наводнение 1998 г. и недавние песчаные бури в северных районах страны ясно демонстрируют, что состояние окружающей среды становится важным фактором, способным сдерживать экономическое развитие. Наконец, нуждается в дальнейшем совершенствовании и методика, используемая китайскими статистическими службами. Эта работа продолжается в сотрудничестве с различными международными организация-

ми уже в течение достаточно долгого времени, но она все еще далека от завершения.

Начиная с 1992 г. Китай стал использовать для исчисления ВВП Систему национальных счетов (СНС), разработанную совместно ООН, МВФ, Мировым банком и другими международными организациями. С тех пор методы расчета ВВП Китая и его границы не раз уточнялись. В том же 1992 г. доклад Мирового банка констатировал, что ВВП Китая занижен в связи, главным образом, с двумя обстоятельствами. Во-первых, вследствие того, что стоимость сельскохозяйственной продукции, потребляемой самими крестьянами, определялась в Китае по закупочным ценам, а не так, как, например, в США, где в основе лежат конечные цены, т.е. такие, которые пришлось бы платить крестьянину, оставившему земледелие и перебравшемуся в город. Во-вторых, вследствие недооцененности жилых строений и земельных участков под ними. В Китае 90-х годов большая часть жилья была для населения фактически бесплатной. Отсюда простекало занижение включаемой в ВВП жилищной ренты. Исходя из этого Мировой банк рекомендовал китайскому правительству увеличить ВВП на 34%. С 1994 г. Китай поднял значение ВВП на 20%.

Однако факторы, способствовавшие занижению ВВП, не исчезли. Они связаны с тем, что в ВВП не засчитывается стоимость товаров и трудовых услуг, не прошедших в течение данного года через механизм рыночного обмена. В принципе такая ситуация может существовать повсеместно, но степень остроты ее различна. В странах с переходной экономикой она наиболее велика. Так, жилищная реформа в Китае была в основном завершена только в конце 2000 г., и рынок жилья еще по-настоящему не сформировался.

С середины 90-х годов стали появляться сигналы о возможном преувеличении ВВП. Жэнь Жоэнь и Ширмаи в статье, опубликованной в 1995 г. и исследовавшей ситуацию в обрабатывающей промышленности Китая за 1980-1992 годы, пришли к выводу о том, что в 1980-1987 гг. стоимость промышленной продукции была завышена на 1%. В другой статье, опубликованной в 1997 г. на английском языке, тот же Жэнь Жоэнь обнаружил, что в 1986-1994 гг. темпы роста ВВП завышались на 3,4%. В 1998 г. доклад ОЭСР отметил завышение роста ВВП Китая в 1978-1994 гг. на 2,4%, а в докладе той же организации за 2001 г. официальные китайские данные о среднегодовом росте в 1995-1998 гг. были понижены с 8,8% до 6,6%. У Сяома в статье, опубликованной в 2002 г., заключил, что в 1978-1997 гг. рост промышленной продукции был завышен на 3,3%.¹³

Ключевым показателем СНС является валовой внутренний продукт (ВВП), который может быть исчислен тремя методами: производственным (как разность между выпуском товаров и услуг по стране в целом, с одной стороны, и промежуточным потреблением — с другой, или как сумма добавленных стоимостей), по использованию доходов (сумма расходов всех экономических секторов на конечное потребление, валовое накопление и чистый экспорт) и по источникам доходов (первичные доходы, получаемые единицами, непосредственно участвующими в производстве, а также государственными учреждениями и некоммерческими организациями, обслуживающими домашние хозяйства). В принципе величины ВВП, исчисленные разными методами, должны совпадать, но на практике это происходит редко. Обычно разница достигает 1-2%. В Китае наиболее достоверные результаты дает исчисление, основанное на сумме добавленных стоимостей, поскольку статистические данные о доходах весьма неполны. В некоторых отраслях заработная плата составляет лишь половину реальных доходов работников, поэтому ВВП, рассчитанный по доходам, неизбежно будет занижен.¹⁴

Из трех важнейших индикаторов макроэкономики: экономического роста, инфляции и индекса цен на потребительские товары наиболее надежным считается последний, поскольку он опирается на многочисленные исследования и отличается наибольшей прозрачностью. В его определении участвуют не только статистические службы, но также и Китайский Народный Банк, и Китайский центр информации о материальных ресурсах и товарных потоках.

Меньше всего соответствуют международным стандартам официальные данные о безработице. В китайской статистике отдельно учитываются официально зарегистрированные безработные и т.н. "сяган" (лица уволенные с государственных предприятий, но получающие от них в течение определенного времени минимальные пособия). Существуют понятие городской безработицы и расчетный коэффициент перехода сельской рабочей силы в городскую. Полностью выпадают из сферы учета те сельские работники, которые не могут трудоустроиться в течение короткого времени.

Официальные макроэкономические данные Китая, включая и данные о ВВП, становятся более прозрачными и открытыми для международной общественности. Важный шаг в этом направлении был сделан в связи со вступлением Китая в созданную Международным валютным фондом (МВФ) Генеральную систему распространения данных — ГСДР (General Data Dissemination System — GDDS). Присоединение к ГСДР в качестве неперемного условия предполагает повышение качества данных в течение трех-пяти лет и непрерывное совершенствование методов обработки и публикации данных. Это касается реального сектора экономики, налогов, финансов, внешнеэкономической деятельности и социально-демографических показателей.

Создание ГСДР было непосредственно связано, в частности, с осознанием того факта, что одной из важных причин финансового кризиса, охватившего в 1997 году ряд стран Юго-Восточной Азии, была недостаточная прозрачность экономики этих стран. Вступая в систему, Китай признал, что коренной предпосылкой снижения финансовых рисков является наличие, с одной стороны, стабильной и прозрачной макроэкономической политики и с другой — всесторонней, быстродействующей системы распространения достоверных экономических и финансовых данных. Это особенно важно в условиях прогрессирующей глобализации экономики Китая, несущей с собой усиление многообразных взаимосвязей и взаимозависимостей в мировом масштабе.

Китайское руководство понимает, что прозрачность данных необходима для принятия правильных политических решений и избежания ошибок и для привлечения инвесторов, в т. ч. зарубежных. И то обстоятельство, что прямые иностранные инвестиции в китайскую экономику непрерывно растут, что в Китай пришли почти все крупнейшие транснациональные компании, основав здесь свои филиалы, приобретая национальные предприятия и создавая дистрибутивные сети и научно-исследовательские центры, свидетельствует о том, что иностранные инвесторы не только уверены в стабильности политической ситуации в стране, но и доверяют данным о благоприятной макроэкономической конъюнктуре и основанным на этих данных достаточно оптимистичным долгосрочным прогнозам. Представления о том, что зарубежные инвесторы, приходящих в Китай, интересуется исключительно конъюнктура в их собственной отрасли на мировом рынке, если их продукция предназначена на экспорт, или на национальном рынке, если она предназначена для внутреннего потребления, вряд ли соответствуют действительности. При достаточно долгосрочных капиталовложениях, несомненно, учитывается и способность экономики в целом к динамичному развитию, и ее прозрачность.

Вместе с тем в китайской статистике еще существует немало данных, собираемых по специальным запросам и предназначенных "для внутреннего

пользования". Это прямо признал, например, известный в Китае специалист по административному управлению Мао Шоулун.¹⁵ Со вступлением в ГСРД этот порядок вряд ли возможно сразу изменить. Кроме того, некоторые установленные для статистических служб политические критерии с трудом могут быть формализованы. Так, сбор статистических данных по формам собственности затруднен крайней неопределенностью границ между ними. На недостаточную прозрачность конкретных данных о китайских предприятиях жалуются многие иностранные инвесторы, предпочитающие вкладывать средства в те фирмы, где прозрачность выше.

Несмотря на все указанные недочеты, по степени полноты и достоверности данных, по используемой методике, организации и техническим средствам статистические службы Китая немногим отстают от своих коллег в развитых странах и занимают первые ряды среди стран развивающихся. Это обстоятельство признано такими международными организациями, как Мировой банк, МВФ, Азиатский банк и т. п.

Так что официальные статистические сведения об экономическом росте Китая, несмотря на все сомнения профессора Равски, скорее всего, достаточно близки к действительности. Однако, как справедливо отмечает гуанчжоуский ученый Хуан Вэйли, при оценке экономического роста Китая главная проблема состоит не в том, чтобы скрупулезными расчетами повышать или понижать его величину на один или два процента, все равно он остается достаточно большим, а в том, чтобы соотнести качество этого роста с острейшими социальными проблемами, которые стоят сегодня перед страной. Это проблемы растущей безработицы и бедности, увеличивающегося разрыва между бедными и богатыми, между городом и деревней, между различными районами страны. "В 1998-2001 гг. кумулятивный экономический рост составил 34,5%, а занятость рабочей силы в городах увеличилась только на 9%. Экономический рост, не способствующий росту занятости, приветствовать нельзя. Если нет работы, то экономический рост не имеет никакого смысла"¹⁶

То обстоятельство, что экономический рост при всех своих высоких темпах не только не помогает решению этих проблем, но, напротив, их усугубляет, и должно вызывать наибольшее беспокойство объективных и заинтересованных наблюдателей. К сожалению, однако, именно количественные, а не качественные параметры роста служат поводом для широких идейно-политических экспликаций и спекуляций. При этом признание высокой динамики экономического роста в Китае, далеко не всегда служит поводом для тревоги — подлинной или мнимой — по поводу "китайской угрозы", а отрицание ее совсем не обязательно ведет к отрицанию ее существования. Иногда мы наблюдаем и противоположную зависимость, на что есть определенные причины, о которых речь пойдет ниже.

Представления об угрозе, исходящей от Китая, а, точнее говоря, плохоотрефлексированная, смутная боязнь "желтой опасности", первоначально не имели никакой экономической подоплеки. Их истоки имели чисто расистское, шовинистическое, ксенофобское происхождение. Позже, с созданием КНР, на этот субстрат наложился когда более, а когда менее рационализированный, но опять-таки не имевший никакой связи с экономикой страх перед коммунистической, "красной опасностью". В начале 1970-х годов, когда главным противником и соперником для США был Советский Союз и когда США стремились в противоборстве с Советским Союзом разыграть китайскую карту, тезис о китайской угрозе был приглушен. Считалось даже, что Китай постепенно может стать деидеологизированным, ориентированным на экономический рост и региональную стабильность и тем самым более близким к Западу государством. Однако, когда Советский Союз развалился, а Китай благодаря политике ре-

форм и открытости начал набирать все большую силу и стал уже рассматриваться как соперник и конкурент в АТР, где США привыкли почти безраздельно доминировать, тезис о китайской угрозе вновь возродился, и в системе фобий начал явно или неявно присутствовать экономический фактор.

Эта тенденция в той или иной мере прослеживается в ряде книг, вышедших за последние годы в США. Авторы этих книг в ответ на китайские обвинения США в гегемонизме стремятся вернуть эти обвинения Китаю, изображая его как новую "империю зла", стремящуюся, как минимум, стать гегемоном в Азии, потеснив с этих позиций США, что делает неизбежным столкновение между ними.¹⁷ Добиваясь реализации этой цели, китайское руководство якобы использует растущие резервы иностранной валюты, образующиеся в немалой степени благодаря большому китайскому профициту в торговле с Соединенными Штатами, а также новые технологии, заимствованные у транснациональных корпораций, и закупки современного вооружения.

С течением времени, способствовавшего дальнейшему укреплению экономической и иной мощи Китая, и по мере обострения в виду очередных президентских выборов в США полемики между "голубями", лоббировавшими весьма выгодные для себя экономические связи с Китаем, и "ястребами", представлявшими интересы военно-промышленного комплекса, обвинения Китая в экспансионизме становятся все более жесткими и бескомпромиссными. Заявляется о наличии у Китая грандиозного стратегического плана, в котором вытеснение США из Азии представляется лишь первым шагом, за которым должно последовать максимально возможное распространение китайского влияния на остальные части мира. Утверждается, что задаче установления китайской гегемонии в мире подчинена вся политика китайского руководства — от образования до обороны. Эта политика, по убеждению авторов таких утверждений, дала свои плоды: кровь китайской молодежи пропитана пьянящей "фашистской" смесью расизма, обиды за исторические несправедливости, жажды мести, ультра национализма и империализма.¹⁸

Заявляя о том, что правительство коммунистического Китая представляет экспансионистский режим, нацеленный против США и его демократических союзников во всем мире, "ястребы" обрушивали свой гнев также против администрации Клинтон-Гора, которая, по их мнению, способствовала реализации военных амбиций Китая, разоблачали финансирование избирательных кампаний демократов с помощью нелегальных китайских денег и проникновение Пекина таким путем в политическую элиту Америки.¹⁹

Обличая направленный против США и всего демократического мира "китайский заговор", "ястребы" особое внимание уделяют деятельности китайской разведки в США, нацеленной, в частности, на добывание американских ядерных секретов. Одновременно, по их убеждению, китайское правительство предпринимает немалые усилия для того, чтобы создать у западной общественности представление о Китае как о мирной, никому не угрожающей, либерализующейся по мере развития своих коммерческих связей стране, с ограниченными военными возможностями.²⁰

Чтобы окончательно убедить сомневающихся в реальном существовании сегодня "китайской угрозы", сторонники этого направления апеллируют к историческому прошлому Китая, находя в нем традиционную укорененность агрессивности. В отличие от устоявшегося в мировом китаеведении взгляда на стратегическое наследие этой страны как преимущественно оборонительное, утверждается вывод о том, что древние китайские авторы, касавшиеся проблем стратегии, практически неизменно заключали, что лучшим ответом на любую угрозу служит устранение ее силой. Предпочтение, по этой версии, отдавалось насильственному разрешению конфликтов, наступательной стратегии

перед оборонительной. Ненасильственные методы и определенная гибкость приветствовались только в случае противостояния более сильному противнику и лишь до той поры, пока Китай не обрел уверенности в своем превосходстве. Переговоры рассматривались как средство оттянуть действие до благоприятного момента, когда можно приступить к уничтожению противника.²¹

Сам автор этих изысканий не видел в такой стратегии какой-то особой специфики Китая. Ее отстаивали и проводили в жизнь политики во многих странах и на разных этапах истории. Однако идеологи "китайской угрозы" делают на этом основании далеко идущие заключения применительно к современности. "Если проделанный Джонсоном анализ стратегической культуры Китая точен, а я полагаю, что это так, смена поколений не гарантирует появление более доброго и мягкого Китая. Как и окончательное исчезновение коммунизма в Пекине. У нас есть все основания полагать, что более мощный Китай в XXI веке, скорее всего, будет столь же агрессивным и экспансионистским, каким он был в качестве доминирующей державы в Азии, если только у его руководителей не будет оснований считать, что потенциальные противники обладают и силой, и решимостью, чтобы остановить их".²² Аналогичным образом настроены и те, кто уверяет, что политическая история Китая не дает надежд на трансформацию страны, поскольку в ней нет иных традиций, кроме легистской и конфуцианской, поддерживающих деспотизм: первая путем правительственного террора, вторая — путем интериоризации морального кодекса.²³

Запугивание западного общества "китайской угрозой" встречает определенное противодействие специалистов-китаеведов, либеральных политологов и журналистов и прокитайского лобби в политических и деловых кругах США. Это, в частности, отражается и в достаточно критичных или прямо негативных отзывах в американской прессе на упомянутые выше сочинения.

Свидетельства, приводимые в пользу утверждений о стремлении Китая к гегемонизму, признаются неубедительными, а сопоставление сегодняшнего Китая с бывшим Советским Союзом, фашистской Италией и нацистской Германией и Дэн Сяопина — со Сталиным — явной натяжкой. Стремление Китая обрести достаточно сильные позиции, чтобы отстаивать свои интересы в Азии, одна из рецензий на книгу Р. Бернстайна и Р. Манро признает вполне нормальным, обоснованным геополитическими интересами и ничем не более порочным, чем аналогичные действия США.²⁴ Другая рецензия на ту же книгу упрекает ее авторов в шовинистическом, антикитайском тоне и в том, что приводимая авторами оценка военного бюджета Китая, в 10 раз превышающая официальные данные, никак не обоснована.²⁵ Тезис о "китайской угрозе", при всей своей усложненной аргументации, признается некорректным в своей основе, поскольку он игнорирует те вызовы, с которыми должен встретиться китайский народ вследствие экономического роста, и ведет в духе холодной войны к конфронтации и враждебному противостоянию Китая и остального мира.²⁶

Объективно и логически тезису о "китайской угрозе" должен был бы противостоять также достаточно широко распространенный на Западе, и прежде всего в США, тезис о скором и неминуемом крахе китайской экономики. Если последовательно придерживаться последнего, то, казалось бы, не остается оснований для утверждений о стремительно нарастающей военно-экономической мощи, опираясь на которую Китай рано или поздно осуществит свои далеко идущие планы глобальной экспансии. На деле, однако, как мы увидим далее, эти два тезиса парадоксальным образом могут сочетаться.

Идея о грядущем крушении Китая за последнее время наиболее концептированно отражена в книге Гордона Чапа ("Жан Цзядуня") "Приближающийся коллапс Китая".²⁷ Главной причиной предстоящего краха, который, по мнению автора, произойдет не позднее 2006 г., называется неспо-

способность командной и жестко контролируемой экономики Китая выдержать требования транспарентной торговли, которым Китай обязался следовать, вступая в ВТО. Прогнозируется возникновение дефицита во внешней торговле и сокращение внешних инвестиций. К этому добавляются неререформируемая финансовая система, дефляция, безработица и, главное, необратимая коррумпированность и неадекватность КПК реалиям быстро меняющейся страны.

Автор публикуемой в настоящем номере нашего журнала статьи, профессор Питтсбургского университета Артур Уолдрон, несомненно, принадлежит к плеяде адептов “китайской угрозы”. Вместе с тем, опираясь на расчеты Т. Равского, он разделяет и уверенность в неминуемом крахе Китая. В работе, любезно предоставленной нам автором для публикации, более выпукло представлена вторая ипостась. Первая, вероятно, за краткостью данной публикации не нашла в ней достаточного отражения, выражена не столь полно, как в прежних выступлениях А. Уолдрона в печати и на различных форумах.

В связи с этим для полноты картины будет, по всей вероятности, излишне привести всего две цитаты, разделенные во времени четырьмя годами. Первая цитата от 1998 г. — из материала, помещенного на сайте организации, которую сам автор обозначает как “Институт американского предпринимательства” (“American Enterprise Institute”): “Несмотря на значительный подлинный прогресс, Китай остается полицейским государством, которое контролируется узурпаторствующей себя коммунистической диктатурой, режимом, для которого незаконное насилие остается в очень многом фундаментальным орудием политики — не только внутренней, но и внешней. Поэтому Китай почти по определению представляет потенциальную угрозу для своих соседей и для США”²⁸

Вторая цитата от 2002 г. — из дополнения, предложенного профессором Уолдроном к последней версии доклада двухпартийной комиссии конгресса США по американо-китайской безопасности: “Необходимо осознать далеко идущую цель наращивания вооруженных сил Китая. Это — не ответ, как некоторые полагают, на поддержку Соединенными Штатами Тайваня и иных друзей в Азии. Это наращивание, скорее, нужно трактовать как направленное на исключение США из Азии и на создание возможности угрожать и применять силу против соседних государств — от Монголии до Японии и Индии”²⁹

Автор настоящих строк не разделяет ни концепцию “китайской угрозы”, которая понимается как поступательная реализация гегемонистской стратегии китайского руководства с опорой на наращивание вооруженной силы, ни предвкусение скорой гибели Китая вследствие экономической и политической стагнации. Как представляется, такие выводы проистекают не столько из непредвзятого анализа существующей ситуации и возможных тенденций ее развития, сколько из априорных идейно-политических установок. Действительность подгоняется под желательный результат.

Это, однако, не означает, что перспективы экономического, социального и политического развития Китая нужно видеть исключительно в розовом цвете. Среди его возможных сценариев, несомненно, существуют и неблагоприятные, и тревожные варианты. Тем не менее, они, как представляется менее всего могут быть связаны с валовыми показателями экономического роста Китая или с милитаристскими установками руководства.

Нет сомнения в том, что Китай стремится занять лидирующие позиции в мире и достаточно успешно продвигается к этой цели. Согласно официальным данным, после того, как Китай приступил к экономическим реформам, среднегодовой рост китайской экономики составил 9,4%, и, как уже отмечено выше, эта цифра, скорее всего, достаточно близка к действительности. Это подтверждается многими данными, которые легко проверяются: ростом объемов экспорта и импорта, иностранных инвестиций, сбережений населения и

т.п. Такие темпы втрое выше среднемировых за тот же период и соответствуют наилучшей динамике прежних азиатских лидеров экономической гонки.

Китайские экономисты убеждены в возможности сохранить характерный для последних лет годовой рост экономики в 7-8% на протяжении еще 10-20 лет (некоторые аналитики продлевают его до 2030 г.). Иными словами, полагают, что период высокой динамики в Китае может продлиться в полтора-два раза дольше, чем он продолжался в Японии и "четырёх малых драконах", прежде чем темпы роста станут существенно сокращаться.

По объёму ВВП Китай переместился на 6-е место в мире, вплотную приблизившись к занимающим 5-е и 4-е места Франции и Англии. Считается, что Китай сможет за короткое время опередить их и затем в течение десятилетия обойти Германию, а к середине века — Японию.

Вместе с тем существуют и иные подходы, которые способны продемонстрировать, что Китай сегодня еще ближе подошел к заветной цели стать первой державой мира, и которые потому более тешат национальное самолюбие. Речь идет об исчислении ВВП с учетом паритета покупательной способности национальных валют. В этом варианте Китай обогнал и Германию, и Японию уже в 1995-1996 гг. и вот-вот достанет США.³⁰ Правда, на данной шкале Китай, оказывается, уже был первым в мире — в 1820 г., что, конечно, убедительности ей не добавляет.

Наконец, можно вообще выйти за пределы экономики, чтобы показать усиление позиций Китая в мире. Для этого используется понятие суммарной национальной мощи, куда включают демографические и естественные ресурсы, а также экономический, военный и научно-технический потенциал. По свидетельству профессора Ху Аньгана, доля суммарной национальной мощи Китая в мире возросла с 4,736% в 1980 г. до 7,782% в 1998 г., в результате чего Китай быстро выдвигается на второе место в мире, а отставание от США уменьшилось с пятикратного до трехкратного. Нарастившая свою национальную мощь и превосходя в этом отношении своих соседей, Китай, по мнению Ху Аньгана, существенно умножает свои стратегические ресурсы и улучшает стратегическую обстановку.³¹

Как бы все же ни мерить кумулятивные данные по стране в целом, в расчете на душу гигантского населения Китая они остаются пока весьма невысокими. По подсчетам заместителя директора Института количественного анализа экономики и технико-экономических исследований Академии общественных наук Китая профессора Ли Пина, ВВП в расчете на душу населения в Китае составляет только 16% от среднемирового уровня, что ставит его всего лишь на 140-е место в мире.³²

Главное, однако, не в абсолютной или относительной величине ВВП и не в темпах, которыми он наращивается, а в том, отвечает ли качество экономического роста первоочередному вызову современности — обеспечению устойчивого и, стало быть, всестороннего развития общества и помогает ли оно смягчению и — в конечном счете — решению самых больших его проблем. Здесь, с сожалением, приходится констатировать, что модель экономического роста, которой придерживается сегодня Китай, не оптимальна и требует корректировки.

Об этом свидетельствуют как неблагоприятные тенденции социального плана, так и нарастание негативного воздействия ряда финансово-экономических факторов. Как уже отмечалось выше, успехи экономического роста меньше всего сказываются на расширении возможностей трудоустройства, т.е. на той области, которая в решающей степени определяет нормальную жизнедеятельность любой нации, а китайской — в стократ больше. Недостаточное создание новых рабочих мест вне сельского хозяйства, где по-прежнему

занято большинство населения страны, ведет к росту городской безработицы, тормозит переток рабочей силы из аграрного сектора в неаграрные и урбанизацию страны, серьезно ограничивает внутренний рынок. Действующая модель экономического роста ведет к возрастающей диспропорции в распределении доходов между верхними и нижними социальными стратами, между различными регионами, между городом и деревней, способствует увеличению слоя городской бедноты. Нарастание экономической мощи Китая сопровождается прогрессирующим ухудшением экологической обстановки. Усиливающееся социальное напряжение усугубляется и недостаточной эффективностью, а для большей части населения страны и фактически полным отсутствием системы социальной защиты.

В собственно экономической области отмеченные выше обстоятельства стимулируют дефляцию, сдерживают рост финансовых поступлений в государственную казну и соответственно обостряют финансовый дефицит. Серьезную опасность представляет прогрессирующее накопление "плохих долгов", обременение которыми, как известно, в немалой степени подорвало экономический рост Японии. Главным двигателем экономического роста в последние годы являются государственные инвестиции, прежде всего в развитие инфраструктуры, тогда как инвестиции частного национального капитала нарастают недостаточно. На фоне быстрого умножения сбережений населения рост потребительских расходов существенно отстает.

В связи этим ряд китайских специалистов выступают с призывом уточнить некоторые принципиальные установки социально-экономического развития. Как пишет один из ведущих китайских экономистов Лю Гогуан: "Давление огромного населения Китая на занятость проистекает из противоречия между колоссальным предложением рабочей силы и ограниченностью ресурсов (естественных, капитальных). Эта коренная характеристика страны предопределяет, что Китай в своей экономической стратегии должен избрать модель роста с приоритетом занятости, а не модель роста с приоритетом других ресурсов".³³

Отсюда вытекает необходимость пересмотреть формулу "приоритетного отношения к эффективности при одновременном внимании к справедливости". Государственная политика, ставившая на первый план повышение экономической эффективности и соответственно конкурентоспособности предприятий, вела, с одной стороны, к быстрому увеличению дифференциации доходов населения, а с другой — к повышению органического состава капитала, к вытеснению труда капиталом. Увеличение занятости, несмотря на провозглашавшиеся лозунги, не было главной целью экономической политики, а лишь ее второстепенным и побочным продуктом.

Все это не означает, что Китай должен отказаться от повышения эффективности и конкурентоспособности экономики. Это привело бы только к торможению роста и не способствовало решению социальных проблем. Однако, уравновесить эту задачу с задачей повышения возможностей трудоустройства огромной массы нуждающегося в рабочих местах населения (молодежи, уволенных с госпредприятий, безработных, сельских жителей) необходимо.

Одним из главных путей расширения возможностей трудоустройства — параллельно с повышением эффективности экономики — является развитие частного сектора. Именно частные предприятия представляются весьма емким резервуаром для аккумуляции избыточной рабочей силы, высвобождаемой в ходе реформы государственных предприятий.

Своими экономическими достижениями Китай в немалой степени обаян иностранному капиталу. Иностранные инвестиции в Китае способствовали увеличению занятости, росту валютных поступлений в казну, освоению Кита-

ем новейших технологий и современного управленческого опыта. Быстрый рост производства экспортных товаров в дочерних фирмах транснациональных компаний в Китае и на предприятиях с иностранным капиталом привел к существенному расширению китайского присутствия на международных рынках. Марка “Сделано в Китае” стала привычной для потребителей в очень многих странах. Сегодня в Китае серьезно обсуждается перспектива превращения страны с помощью иностранного капитала в новую “всемирную фабрику”.

Реализация этой идеи, однако, серьезно увеличила бы уже достигшую весьма больших масштабов зависимость национальной экономики Китая от воздействия внешних факторов. Поэтому развитие национального частного сектора могло бы послужить серьезным противовесом и в этом отношении.

Решение всех этих достаточно новых для Китая проблем устойчивого социально-экономического развития требует больших усилий, немалого времени, твердой политической воли, серьезных институциональных перемен, в т. ч. и в политических структурах. Однако без таких перемен проблемы неизбежно будут накапливаться и обостряться, что может обернуться действительно серьезной угрозой как для самого Китая, так и для его стратегических партнеров.

1. Rawski T. What's Happening to China's GDP Statistics?// China Economic Review.- 2001, Vol 12, N 4, pp. 298-302
2. Чжунго GDP цэнчжанлюй чжи чжэн. (Борьба вокруг показателя роста ВВП в Китае.)// Ляован. Пекин. 2002. N 18. С. 12-19.
3. Там же.
4. Ши Дань. Вого нэнъюань сяофэй сяцзян юй цзинци цэнчжан у гуань (даление потребления энергии в Китае не связано с экономическим ростом.)//Цзинци цанькао бао. 2002. 7 августа.
5. Чжунго GDP цэнчжан люй бэй дигу (Показатели роста ВВП в Китае занижены) //Цзинци шибао. 2002. 2 апреля.
6. Цай Фан. Ван Мэйянь. Чжунго цинци цэнчжан цидин ю до куай? (Сколь велики темпы экономического роста в Китае?)//Синь шиэ. 2002. N 4.
7. Чжунго GDP цэнчжанлюй...
8. Цю Сяохуа цзай цы цяндяо: чжюя хунгуань тунци шуцзюй ши кэсиньды. (Цю Сяохуа еще раз подчеркивает: важнейшие статистические данные о макроэкономике достоверны) // Жэньминь ван. 2002. 15 июля.
9. Чжэнцюань шибао. 2002. 23 сентября.
10. Чжунго цинци ды цэнчжан юй цзэжэнь. (Рост китайской экономики и ответственность)//Хуань цю шибао. 2002. 5 сентября.
11. Жухэ каньдай Чжунго цинци цэнчжан ды чжэньшисин (Как воспринимать подлинность экономического роста Китая)//Гуанмин жибао. 2002. 4 июня
12. В ходе одной из проверок было обнаружено, что бывший партийный руководитель завышал данные об экономическом росте в г. Даньцзянкоу (пров. Хубэй) более чем на 50%. // Юэган синьци жибао. 2002. 29 июля.
13. Чжунго GDP цэнчжанлюй...
14. Хуан Вэйли. GDP-игэ удао ды чжибяо? Чжунго ды цинци “сю”. (ВВП — ошибочный показатель? “Расцвет” китайской экономики.)// Юэган синьци жибао. 2002. 29 июля.
15. Ван Гохуа. GDDS: гаосу шицзе игэ томинды Чжунго (ГСПД расскажет миру о прозрачном Китае)//Чжунго цинци куайсюнь чжоубао. 2002. N33.
16. Хуан Вэйли указ. соч.
17. Bernstein R., Munro R. The coming conflict with China. Knopf. 1997. 245 p. Авторы книги — работавшие в Китае корреспонденты журнала “Тайм” и торонтской газеты “Глоб энд мэйл”.
18. Mosher S. Hegemon: China's plan to dominate Asia and the world. Encounter books, 2000, 160 pp. Автор книги в 70-х годах проводил полевые исследования в сельских районах Китая. По возвращении в США опубликовал работы, осуждавшие китайскую политику по ограничению рождаемости. Китайское правительство потребовало

- наказания Мошера, пригрозив Стэнфордскому университету, где он работал, в противном случае отказать в выдаче виз другим сотрудникам университета. В ответ руководство университета прекратило работу Мошера над докторской диссертацией.
19. Timberlake E., Tripplet II W. Year of the rat: How Bill Clinton compromised US security for chinese cash. Regnery publishing. 1998.
Timberlake E., Tripplet II W. Red dragon rising: Communist China's military threat to America. Regnery Publishing. 1999.
У. Трипплет II был главным республиканским советником в Комитете по международным отношениям сената США и занимал видный пост в администрации президента Рейгана в первый срок его правления. Окончил Институт иностранных языков Министерства обороны со специализацией по китайскому языку и Юридическую школу Джорджтаунского университета. Эксперт по Китаю и проблемам национальной безопасности. Публикуется в ведущих американских и зарубежных изданиях.
Э. Тимберлэйк был членом одного из комитетов палаты представителей США. Окончил Морскую академию США, получил магистерскую степень в Корнеллском университете. Был пилотом истребителя в ВМС США и служил в администрациях Рейгана и Буша старшего. При последнем участвовал в операции "Буря в пустыне".
20. Gertz В. China threat. Regnery Publishing. 2000. 280 p. Автор — корреспондент газеты "Вашингтон таймс".
21. Johnston A. Cultural realism: strategic culture and grand strategy in chinese history. 1997, Princeton university press. 307 p. Автор — политолог из Гарвардского университета.
22. Cohen W. China's strategic culture//Atlantic monthly, 1997, march
23. Derbishire J. Why we ought to fear China.// Washington Times, 2000, 20 aug.
24. Kerkhove. C. Bernstein R., Munro R. The coming conflict with China. www.columbia.edu/cu/ccba/cear/issues/spring98/carmen.htm
25. Engardio P. Is China the new evil empire?//Business week. 1997, March 24
26. "China threat" or "China challenge". United States Institute of Peace. http://www.usip.org/pubs/pworks/chen21/chap1_21.html
27. Chang G. The coming collapse of China. Random House, 2001, 344 p. (Чжан Цзядунь. Чжунго цзицзян пэнхуй). Автор — гражданин США китайского происхождения, работал в Китае с 1980-х годов в качестве консультанта американских компаний.
28. Waldron A. Why China could be dangerous <http://www.theamericanenterprise.org/taeja98s.htm>
29. Waller J. Major China threat to US detailed in two new reports.//Insight, 2002. 31.07
30. Чжунго цзюэци букэ цзудан. Гоцзи шэжуй жухэ мяньдуй Чжунго ды фачжань. (Возвышение Китая не остановить. Как международная общественность воспринимает развитие Китая.)//Ляован. Пекин. 2002. N 18. С. 20
31. Ху Аньган чэн: Чжунго эршиньянь хоу цзян чэнвэй шицзе цзинци цянго. (Ху Аньган утверждает: через двадцать лет Китай станет мировой экономической державой). Чжунго синьвэньшэ. 2002. 31 октября.
32. Ли Пин. Чжунго байсин ланьпишу: Чжунго цзинци вэйлай цанли ю дода. (Голубая народная книга: сколь велики будущие потенциальные силы китайской экономики.)//Бэйцзин циньяньбао. Пекин. 2002. 1 июля.
33. Лю Гогуан. Цзю вого цзинци цэнчжанлюй ды цзи дянь сыкао. (Некоторые размышления о темпах экономического роста Китая.)//Цзинци цанькао бао. Пекин. 2002. 9 октября.

К вопросу о китайской "демографической экспансии"

© 2002

А. Ларин

Если Вы обратитесь к Интернету, то в любой момент найдете на его сайтах порядка тысячи статей об угрозах, связанных с китайской иммиграцией в Россию. И нужно хорошо потрудиться, чтобы отыскать среди этих статей те, которые напрочь отрицают наличие или, по крайней мере, вероятность таких угроз.

После того, как в 1988 г. был введен безвизовый режим пересечения еще советско-китайской границы и китайские мелкие торговцы и предприниматели не поддающимся управлению потоком устремились в СССР, где к приему их в таких количествах были явно не готовы, — у нас стали все чаще высказывать опасения, что этот поток представляет собой начало демографической (а также "мирной", "ползучей", "тихой" и т.п.) экспансии, которая в конце концов обернется для страны роковыми потерями. Российскую прессу заполнили многочисленные материалы на эту тему, выдержанные в едином ключе, как если бы это была хорошо организованная кампания. И хотя к концу 90-х годов кампания заглохла, а массу приезжих из КНР удалось в основном поставить под контроль, представление о них как о носителях новой угрозы оказалось чрезвычайно стойким.

Между тем, никакой демографической экспансии в России не существует.

Данное утверждение подкрепляется и официальными сведениями, и результатами полевых исследований. Так, согласно расчетам, основанным на официальных данных ОВИР УВД Приморского края и Тихоокеанского регионального управления Пограничной службы РФ, в Приморском крае, где традиционно скапливалось наибольшее количество приезжих из соседней страны, в 1998 г. на один среднестатистический день их приходилось не более 35 тыс. чел. В 1996 — 1998 гг. на отдельно взятый день китайцы составляли 0,3 — 1,1% населения края, насчитывающего 2,2 млн. населения¹.

Нет никаких оснований говорить и об опасности демографической экспансии в виде нелегальной иммиграции. В 1998 г. Приморский край посетили 73 тыс. жителей КНР, в том числе 61 тыс. — по каналам безвизового туризма. Из них не вернулось на родину 292 чел. Случаев нарушения границы с ноября 1998 г. по март 1999 г. было зафиксировано 41².

Всего же китайцев в России, по данным наших экспертов, "набирается не более 200 — 450 тыс. человек, более или менее постоянно живущих на ее территории"³.

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Число китайцев, получивших последние годы российское гражданство или вид на жительство, не превышает нескольких сот человек⁴. Среди китайцев, охваченных социологическими опросами в конце 90-х гг., в браке с российскими гражданами состояли в Москве — 2,8%, в Хабаровске — 4,4%. во Владивостоке 3,0%⁵.

Итак, резюмируем: китайцев на Дальнем Востоке и в России вообще немного; граждан РФ среди них ничтожная часть; пограничные службы и органы внутренних дел, говоря в целом, успешно справляются с задачей сдерживания наплыва нелегальных иммигрантов из Китая. “Нет оснований говорить ни о китайской демографической экспансии, ни о массивном притоке китайцев в Россию”, — констатирует московский ученый В.Г. Гельбрас⁶. “Китайское присутствие на Дальнем Востоке — это совсем не та опасность, которой следует бояться его жителям”, — отмечает исследователь из Владивостока В.Л. Ларин⁷. Оба, заметим, знатоки рассматриваемой проблемы.

И, тем не менее, тревожное ожидание китайской демографической экспансии не исчезает из сознания российского общества — ни из сознания масс, ни политической элиты.

Об этом убедительно свидетельствуют не только публикации средств массовой информации, но и данные тех же опросов. На юге Дальнего Востока 62% опрошенных в 1994 г. были полностью или частично согласны с утверждениями о китайской экспансии в регионе, причем в наибольшей степени — интеллигенция, люди с высшим и средним специальным образованием⁸. В процессе исследования, проведенного на Дальнем Востоке в 1996 — 1997 гг., 74% опрошенных жителей сочли “китайскую угрозу” вполне реальной для России⁹. В ходе анкетного опроса жителей Приморья в 1998 г. почти половина респондентов высказала опасение, что в результате китайской экспансии Россия потеряет Дальний Восток; большинство предположило, что это произойдет посредством “мирного проникновения”, остальные сочли наиболее вероятным соответствующее межгосударственное соглашение или насильственный путь¹⁰. Опросы, проводившиеся Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН, показывают нарастание опасений в период 1991 — 1998 гг. Такая же динамика легко прослеживается и при движении с запада на восток.

Оценивая тенденции и перспективы миграционных процессов на Дальнем Востоке, президент В.В. Путин во время пребывания в Благовещенске сделал многозначительное заявление: “Если в ближайшее время не предпримем реальных усилий по развитию Дальнего Востока, то русское население через несколько десятилетий будет в основном говорить на японском, китайском и корейском языках”¹¹. “Китайская опасность” — деликатная тема, обязывающая к сдержанности формулировок при ее анализе. И тем не менее, нет, наверное, ни китаевода, с каким бы уважением он ни относился к китайскому народу и к китайской культуре, ни ученого другой специальности, изучающего проблемы китайской иммиграции, который взялся бы уверять, что такая опасность не может возникнуть, в частности, в форме демографической экспансии. Имеются даже попытки, причем отнюдь не со стороны “ястребов”, определить, когда может произойти “конфликт между Россией и Китаем по поводу суверенитета над частью наших зауральских территорий”. Срок указывается — “не ранее, чем через 15 — 20 лет”¹².

Почему же российское общество не может избавиться от чувства тревоги, если китайской демографической экспансии нет? Если российско-китайская граница согласована на всем протяжении, за исключением двух не-

больших участков, а 16 июля 2001 г. два государства скрепили свои отношения Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в котором, в частности, говорится: "Договаривающиеся стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия"¹³?

Причин здесь несколько, и они хорошо известны. Говоря о них, мы хотим главным образом подчеркнуть их неравноценную значимость: они естественно делятся на основные — это фундаментальные долговременные факторы, образующие геополитическую структуру российско-китайских отношений, мы выделяем три таких фактора — и второстепенные, производные.

Первый из основных факторов — это огромное население Китая, существующее в условиях нехватки природных ресурсов: воды, пахотных площадей, леса, энергоносителей рядом со слабозаселенным российским Дальним Востоком — то, что получило название "демографического давления".

Некоторые российские исследователи, доказывая выгоду и отсутствие опасности для принимающей страны от присутствия китайской диаспоры ссылаются на пример США, Канады, Австралии или стран Западной Европы¹⁴. Не следует забывать, однако, что ни одна из этих стран не имеет общей с Китаем границы. К тому же США будут, надо полагать, посылить в России, и Китая, а Канада и Австралия, случись что, могут рассчитывать на американское военно-политическое покровительство. Поэтому равняться на численность китайских общин в названных странах нам не стоит.

Перемещение даже малой части населения северо-восточных провинций Китая на российский Дальний Восток и в Сибирь способно изменить демографический баланс этих территорий настолько, что реальный суверенитет России над ними окажется под вопросом. Российский исследователь П. Я. Бакланов полагает, что "в целом рубеж безопасной миграции находится в интервале до 5 млн. человек...Если общий объем мигрантов превысит численность постоянного населения приграничного района, то возможно изменение статуса этого коренного населения и резкое возрастание этнической общности населения по обе стороны границы"¹⁵. Думается, что на самом деле критическая черта проходит гораздо ниже. Не случайно царское правительство приняло политику постепенного вытеснения китайского труда, когда доля китайского населения составляла 10 — 15% от российского.

Второй из основных факторов — растущая мощь Китая ("комплексная государственная мощь"), в которую, вообще говоря, входит и его гигантский демографический потенциал, но в данном случае мы имеем в виду ее военную и экономическую составляющие. "Мы не можем абстрагироваться от того, что китайское руководство намерено осуществить планомерное наращивание "совокупной государственной мощи", в том числе военного потенциала страны", — отмечает директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко¹⁶. Стремительное наращивание могущества Китая создает разительный контраст с упадком военной и экономической мощи России, развалом экономики Дальневосточного региона и ослаблением его хозяйственных и административных связей с европейской Россией. Смягчение этого контраста в перспективе не просматривается.

Между тем, надежной основой международной стабильности может служить только устойчивый баланс сил, а к чему ведут его кардинальные изменения, объяснять не нужно. Международная жизнь при всей ее сложности и

непредсказуемости все же подчиняется железным законам, и раз мы уже затронули эту тему, то не откажем себе в удовольствии процитировать почти вековой давности размышления Рудольфа Чьеллена, автора термина “геополитика”. Чьеллен писал: “великая держава, опираясь на свое военное могущество, выдвигает требования и простирает влияние далеко за пределы своих границ”. И далее: “Великие державы являются экспансионистскими государствами”¹⁷.

Третий фактор — это обусловленный возросшими экономическими потребностями интерес Китая к использованию сырьевых богатств Сибири, а, значит, и к экспансии в эту часть России. Конечно, и в дореволюционное время китайцы охотно пользовались дарами тайги и моря на российском Дальнем Востоке, нелегально мыли золото. Но теперь ресурсные запросы Китая приобрели совершенно иные масштабы, стали делом государственной важности.

В сфере идеологии эти запросы оформились в виде концепции “северной целины”, ждущей своих открывателей, неважно, из какой страны пришедших. В сфере экономики они привели к проработке крупных проектов по транспортировке нефти, газа и электроэнергии из Сибири в КНР, к договоренностям об участии китайских предприятий в финансировании программ освоения лесных ресурсов России, развития транспортной инфраструктуры и т.д.

Безусловно, такое сотрудничество может принести России замечательные результаты. Но только в том случае, если молодые российские государственные структуры и эгоистичные российские корпорации сумеют отстоять интересы страны в ходе деловых переговоров с сильной, уверенной в себе и хорошо организованной китайской стороной. Если российские переговорщики не будут деморализованы видимым превосходством партнера, славящегося своей неуступчивостью, и не поддадутся капитулянтским настроениям, имеющим свойство возникать в подобных ситуациях.

Органической составной частью крупных проектов, равно как и самостоятельным направлением сотрудничества может стать использование в России китайской рабочей силы (первое подразумевается само собой). Китайская сторона придает серьезнейшее значение идее “обменивать свои финансовые и людские ресурсы на российское сырье” и активно привлекает к ней внимание российских партнеров. Так, президент Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэй на одной из совместных двусторонних конференций, выражая готовность направить на российский Дальний Восток практически неограниченное количество китайских рабочих, утверждал: “Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах китайских рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало у общественности доброжелательное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке”¹⁸.

Таковы глубинные геополитические факторы, индуцирующие естественную тревогу и недоверие к перспективам наших отношений с Китаем у российской общественности. Мы говорим “естественную” потому, что совокупность этих факторов в их развитии объективным и вполне понятным образом ведет к созданию ситуации, когда Пекин сможет в еще большей мере, чем сегодня, направлять хозяйственную жизнь Дальнего Востока в собственных интересах и благодаря этому забрать в свои руки существенную часть реальной власти в регионе. Некоторые специалисты считают даже возможным, что в отдаленной перспективе при определенных условиях Пекин окажется в состоя-

нии поставить вопрос о пересмотре границ. Подчеркиваем: речь идет только о физической возможности, не о политических намерениях, не о политической воле. Намерения и воля китайских руководителей — совсем другое дело, они определяются отнюдь не только раскладом сил и интересов в двусторонних отношениях.

Заметим также, что для Китая превращение российского Дальнего Востока в зону своей экспансии и растущего влияния означало бы своего рода возвращение на “утраченные территории”, память о которых хранили и Чан Кайши, и Мао Цзэдун, и Дэн Сяопин. Сегодня в трактовке некоторыми китайскими специалистами своего исторического прошлого четко ощущается стремление подчеркнуть свою самостоятельность и самобытность, во имя чего при освещении истории российско-китайских отношений преуменьшается значение КВЖД для хозяйственного освоения Северо-Восточного Китая, приглушается роль Советской Армии в освобождении этого района страны и т.д. Что, если эти попытки подправить историю представляют собой начало пробуждения великодержавного менталитета, присущего в средние века Срединному государству? — такой вопрос возникает у многих россиян.

Такова геополитическая сторона российско-китайских отношений. Помимо нее градус беспоконья российской общественности поднимается и благодаря некоторым факторам, так сказать, собственно российского происхождения.

Во-первых, имеется ряд властных органов и ведомств, заинтересованных в нагнетании страхов перед “китайской угрозой”, поскольку оценка значимости “китайской угрозы” — это вопрос их большего или меньшего финансирования. В большой политике тезис о “китайской угрозе” нередко служит аргументом в руках тех, кто видит Россию в роли младшего партнера Запада. Средства массовой информации ищут в материалах о китайцах в России поводы для сенсационных репортажей. Как итог всего этого в России в условиях слабости центральной власти, разгула ведомственности и проявления подчас безответственности СМИ сложилась такая система информирования общества, которая искажает реальное положение дел, рисуя мифические картины массового заселения китайцами родимой российской земли¹⁹.

Во-вторых, китайцы находятся в России на положении “торгового меньшинства”²⁰, т.е. такой группы населения, на которой удобно сорвать раздражение чуть ли не за все за наши беды, которой нетрудно поставить в вину теневую деятельность, нарушение законов и причинение россиянам всяческого ущерба. Для этого, правда, надо забыть, что теневая деятельность китайцев проистекает из вольного, а нередко и невольного встраивания в качестве младших, а то и совсем малых партнеров в теневую экономику, воздвигнутую нашими же соотечественниками с небывалым творческим размахом. (Хотя и обелять китайских коммерсантов полностью также было бы неверно). Имеется сильный подспудный мотив для такого обвинительного подхода: боязнь быть вытесненным неприхотливыми, трудолюбивыми и многочисленными пришельцами из Китая, стремление избавиться от них, которое сливается с психологическими мотивами, так сказать, государственного плана: с обидой за свою страну, неожиданно отброшенную на задворки исторического прогресса на фоне утверждающего свое новое величие соседнего Китая; с убеждением в слабости российского государства, в нежелании и неспособности властей заботиться о народе и защищать его. Все это выливается в представление о необходимости поставить заслон китайской демографической экспансии, которая может восприниматься с любыми преувеличениями.

Подчеркнем, однако: истоки возникшего в обществе алармизма не могут быть сведены к какому-либо из вторичных факторов или к их комбинации. Разоблачение мифотворчества заинтересованных ведомств и лиц, как и раскрытие подлинной сущности фантомов уязвленного общественного сознания, не могут устранить коренных причин беспокойства, а только снизить его накал, ввести в более реалистические рамки.

Что, собственно говоря, удерживает могучий Китай от экспансии? Каковы материальные основы его миролюбия?

Китай нуждается в длительном мире прежде всего для решения своих острых внутренних проблем, для осуществления своих масштабных программ модернизации, о чем в Пекине сделаны десятки, если не сотни заявлений. Далее, у Китая складываются сложные, противоречивые отношения с Западом, куда он стремится интегрироваться, не отказываясь, однако, от своей специфической линии социально-экономического и политического развития и не переходя на зависимое от Запада положение в мировой политике. Поэтому Китаю нужен спокойный, желателен дружеский тыл. Для него важно, чтобы Россия не превратилась в сателлита США, чтобы в поисках тех сфер сотрудничества, где она может пригодиться Вашингтону, она не попыталась бы подчинить его интересам свою политику на китайском направлении. Не секрет, в России есть политические силы, желающие этого.

Собственно говоря, и Китай нужен России, наиболее важным партнером которой являются США, в качестве надежного тыла, и эта симметричная потребность составляет один из краеугольных камней нынешнего стратегического партнерства России и КНР.

В этих условиях избранная Пекином тактика заключается в том, чтобы поддерживать с Россией дружеские и добрососедские отношения, не отталкивать ее от себя резкими движениями, проявлять терпение и не раздражаться по мелочам, вроде крикливых статей в российской прессе на тему о китайской экспансии, демографической или какой-либо иной. На статьи подобного рода в Китае отвечают спокойно, например, так: "В последние годы на российском Дальнем Востоке и в прочих районах распространяются теории о "китайской угрозе" и "китайской экспансии", что вызывает определенную тревогу. Появление таких странных теорий совершенно неожиданно. Исходя из международной ситуации, можно сделать вывод, что многие западные государства не заинтересованы в сближении Китая и России, поэтому они, используя российское общественное мнение, сеют отношения вражды и раздора. С российской стороны появление таких теорий связано с ухудшением стратегического положения России в мире и изменением сложившегося соотношения государственной мощи Китая и России"²¹.

И это, бесспорно, оптимальная для Пекина тактика. И лучшая с точки зрения интересов России, потому что другая тактика — конфронтация — была бы для нас неизмеримо хуже. Необходимо только эту тактику правильно понимать и не допустить, чтобы время работало на Китай. Пока Россия только начинает, судя по некоторым признакам, выходить из глубокого кризиса, вызвавшего, в частности, резкое сокращение продолжительности жизни в стране, мощь КНР продолжает расти.

Долго ли так может продолжаться?

Как угодно долго: названные нами мотивы китайской политики носят, бесспорно, стратегический, т.е. долговременный, характер. Но — параллельно с дружбой и добрососедством — чем дальше будут продлеваться сегодняшние

тенденции развития России и Китая, чем большим будет разрыв между комплексной мощностью того и другого, тем более жестко будет вести себя китайская сторона и в торговле с нами, и в вопросах инвестиции своих капиталов в Сибирь и разделения продукции, и, конечно же, в том, что касается расширения доступа китайских граждан в российские пределы и предоставления им более обширных возможностей и прав. И в той мере, в какой российская сторона будет уступать, это будет означать наращивание вполне мирной экономической и демографической экспансии Китая.

В мае 2002 г. Китай, едва став членом ВТО, предъявил своему доверительному стратегическому партнеру в качестве одного из условий приема последнего в эту организацию требование "полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг; обеспечить неограниченный допуск в Россию китайской рабочей силы" (другие условия — отменить российские экспортные пошлины и резко снизить импортные пошлины на промышленную продукцию в течение 2 — 3 лет). Запрос Пекина оказался, таким образом, "куда жестче требований, выдвигаемых до этого ЕС и США"²². Правда, несколько месяцев спустя, во время визита Президента РФ В.В. Путина в КНР Китай смягчил свои условия. Однако многозначительный сигнал уже был дан.

"Действия в духе ползучего экспансионизма", "подготовка демографической экспансии", — так расценили этот шаг Пекина некоторые российские специалисты, напоминая, что согласно ст. 17 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве "Договаривающиеся стороны развивают сотрудничество в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах, а также... способствуют вступлению одной Договаривающейся стороны в те из них, членом (участницей) которых является другая Договаривающаяся сторона".

По всей видимости, зафиксированное в Договоре (ст. 16) положение о сотрудничестве в торгово-экономической и других сферах "на основе взаимной выгоды" также не будет реализоваться автоматически. Оно будет действительно взаимовыгодным только тогда, когда российская сторона сумеет настоять на этом. В остальных случаях ей не останется ничего иного, как делать хорошую мину при плохой игре, заявляя, что российская выгода все-таки соблюдена и что события "не нужно драматизировать" (чему она уже хорошо научилась, выстраивая новые партнерские отношения с США). И это, повторим еще раз, будет полновесная ползучая экспансия, сопровождаемая и прикрываемая улыбками с обеих сторон, с одной — торжествующими, с другой — натянутыми. В том числе и демографическая экспансия, для которой у Китая имеются неисчерпаемые резервы и острая экономическая потребность.

Можно только гадать, в какой момент она начнется. Более того, разные точки отсчета можно принимать за ее начало. Сегодня китайские коммерсанты, разумно и умело пользуясь органическими пороками нашей экономики, нередко за бесценнок выкачивают из России металлы, лес, дикороссы, морепродукты, и это расценивается прессой как уже происходящая экономическая экспансия. Многие специалисты относят "китайскую угрозу" в неопределенное будущее, на десятилетия вперед, классифицируя ее как потенциальную, в отличие от ближайших, актуальных угроз, и для этого есть свои основания. Но существуют и другие классификации. Так, в докладе министерства обороны США, представленном Конгрессу 31 декабря 2001 г., угрозы Соединенным Штатам разделены на три вида: непосредственные, потенциальные и неочи-

данные. Китай, как отмечается, "может представлять непосредственную или потенциальную ядерную угрозу" для Америки, Россия — "неожиданную"²³.

Итак, китайская иммиграция, с одной стороны, сулит нам экономическую пользу, с другой — пугает перспективой снижения нашей безопасности. И перед нами вновь, как это было в дореволюционные времена, возникает трудная задача: найти наиболее эффективную стратегию. Уклониться от выбора невозможно — уклонение уже есть выбор в пользу определенной стратегической линии, состоящей в том, чтобы пустить дело на самотек, ограничиваясь паллиативными мерами по известному принципу в сегодняшней модификации: авось, как-нибудь наладится, ведь живем же пока, слава богу, не развалились!

В отношении наплыва китайцев в РФ с самого начала стихийно применялась именно такая "стратегия без стратегии", политика благожелательного равнодушия, но сейчас она себя уже изжила. Не имеет сторонников и идея наглухо закрыть китайцам ворота в Россию. Их место заняла новая концепция крайнего толка, планирующая массовое переселение китайцев в Россию как неизбежный и одновременно необходимый для России принципиально новый шаг. Мы считаем нужным рассмотреть эту концепцию более или менее подробно, поскольку, как можно полагать, за ней стоят серьезные силы, способные при желании немало сделать для ее претворения в жизнь.

Автор данной концепции демограф Ж.А. Зайончковская (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) в результате исследований, проведенных ею с коллегами в рамках проекта Московского Центра Карнеги при финансовой поддержке Фонда Форда и Фонда Макартуров, пришла к следующим выводам.

Согласно прогнозам, в ближайшие десятилетия "Россия, испытывая постоянный дефицит рабочих рук, будет нуждаться в массовом привлечении иммигрантов, в первую очередь на непопулярные рабочие места... Только для поддержания численности населения потребуется 17,5 млн. иммигрантов (вместе с их естественным приростом)... Бывшие партнеры по Союзу могут удовлетворить перспективную потребность России в иммигрантах не более, чем наполовину. Что касается второй половины, то здесь у китайцев нет серьезных конкурентов. Поэтому китайская иммиграция объективно обусловлена взаимными интересами и России, и Китая... К середине века численность китайцев может достичь 7 — 10 млн. человек. Вполне вероятно, они станут вторым по численности народом страны, расселенным отнюдь не только на Дальнем Востоке, но и по всей территории России"²⁴.

В другой статье Ж.А. Зайончковская с соавтором Г.С. Витковской отмечают, что "несоответствие между численностью населения и естественно-ресурсным потенциалом Китая объективно обуславливает экспансию китайцев" (с чем трудно спорить) и далее выводят отсюда "неизбежность масштабной китайской иммиграции в Россию"²⁵.

Еще один их вывод состоит в том, что "угроза китайской экспансии действительно существует. Но это одновременно и угроза, и необходимость для России, что существенно меняет дело"²⁶. В частности, "освоить в сельскохозяйственном отношении хотя бы благоприятные для этого обширные пустующие просторы востока страны способна только китайская иммиграция"²⁷, и "если сибирская земля не будет освоена китайцами, она так и останется неосвоенной"²⁸.

А коль скоро китайская иммиграция, т.е. демографическая экспансия и неотвратима, и необходима для подъема экономики Дальнего Востока и Восточной

Сибири, то сотрудничество с Китаем должно включать в себя и "широкое привлечение его рабочей силы не на временной, а на постоянной основе"²⁹.

Прозвучавшие сенсационно, эти выводы превосходно написанных статей были подхвачены СМИ, в подаче которых демографическая гипотеза о 10 миллионах китайских граждан России стала звучать как освященный научным авторитетом императив, как фатальность, оставляющая россиянам единственный выход — покориться. Никто не обратил внимания, что выводы были привязаны к одному условию: "для поддержания численности населения".

Кто, однако, сказал, что главным приоритетом для государства должно быть именно поддержание численности населения любой ценой, любыми средствами, вплоть до допуска "на постоянной основе" миллионов иностранцев? Приоритетом, наверное, должен быть вывод страны из кризиса, улучшение качества жизни — тогда со временем можно надеяться и на рост численности населения. Сокращение населения само по себе еще не может быть причиной для массового импорта рабочей силы. Другое дело, если сокращение по разным возрастным группам будет неравномерным, в результате чего возникает дефицит рабочих рук. Но тогда для определения размеров импорта нужно составить трудовой баланс, рассчитать количество вакантных рабочих мест в хозяйстве уже не нынешнего, а уменьшившегося населения. Надо полагать, их число будет существенно меньше, чем 17,5 млн. Но если так, тогда, может быть, для восполнения нехватки рабочих рук, по крайней мере в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, окажется достаточно миграционных резервов бывших союзных республик? Плюс, может быть, определенный контингент временных, контрактных рабочих из того же Китая, которых не придется включать в состав многомиллионного "второго по численности народа России"?

Авторы концепции утверждают, что после 2004 г. "трудоспособное население будет уменьшаться более чем по 1 млн. в год"³⁰. В этом случае до 2050 г., т.е. за 45 лет, потеря, очевидно, составит не менее 45 млн. чел. Речь идет, подчеркиваем, о трудоспособном населении. Между тем прогноз ООН, на который ссылаются авторы концепции, дает нам цифры тоже, конечно, малутешительные, но куда более скромные. Мы их уже приводили: это 17,5 млн. чел. общей убыли, включая и трудоспособное население, и нетрудоспособное. Имеются и другие прогнозы, значительно отличающиеся от вышеприведенных³¹. Спрашивается: можно ли на основании произвольно выбранного приоритета (численность населения) и столь разноречивых прогнозов переориентировать на 180 градусов миграционную (или любую другую) политику, как то рекомендует данная концепция?

Вызывает недоумение и другая особенность концепции, на наш взгляд, еще более важная: критикуя нынешнюю миграционную политику правительства за забвение экономического потенциала китайской иммиграции (с нашей точки зрения, критикуя не вполне обоснованно), авторы концепции сами полностью игнорируют его вторую, сторону, геополитическую. Мы имеем в виду вопрос о негативных последствиях нарушения этнодемографического баланса, прежде всего на приграничных территориях. Как ни странно, авторы четко признают наличие угрозы экспансии (выше мы отметили это), а затем полностью выводят ее из рассмотрения, как будто ее не существует. Мало того, их предложения прямо открывают ворота для китайской демографической экспансии, создают условия для ее форсирования.

В рамках академической модели масштабная демографическая экспансия, вероятно, может быть представлена в виде процесса выравнивания демографических уровней, и только. В реальности же этот процесс способен привести к самым драматическим результатам, вплоть до перекройки границ. Достаточно обратиться к опыту Косово, заселявшегося переселенцами из Ал-

бании, или к опыту Абхазии, заселявшейся грузинами, чтобы увидеть, какими тяжелыми могут быть последствия.

Несмотря на эти очевидные изъяны, концепция оказалась востребованной: она была положена в основу одного из разделов доклада "Сибирь и Дальний Восток в России XXI века", подготовленного в 2001 г. под эгидой Совета по внешней и оборонной политике. В докладе воспроизведены все основные идеи и многие формулировки цитированных нами выше статей. "Китайская миграция неотвратима", "ее надо оценивать как общественно значимую и государственно приветствуемую", внешняя миграция "одна только способна улучшить половозрастную структуру населения" сибирско-дальневосточных пространств — вот некоторые из тезисов доклада. Документ был подвергнут едкой критике в прессе.³² Отмечалось, что он отражает стремление сырьевых корпораций (о которых в докладе говорилось в самых лестных тонах) обеспечить себя дешевой рабочей силой и что реализация его установок может привести к потере Россией Дальнего Востока и Сибири. При обсуждении доклада демографический раздел вызвал "самый большой шквал возмущений"³³.

Действительно, поднятая на уровень официального документа концепция, сохранила алогизм и непроясненность некоторых своих коренных положений. Так, в ней утверждается: "Сокращение населения в слабозаселенных восточных районах, особенно вдоль китайской границы, представляется одной из серьезных угроз безопасности России"³⁴. Вслед за чем предлагается, как и в цитированных выше статьях, "широкое привлечение" китайской рабочей силы "на постоянной основе"³⁵. Но после этого невозможно понять: в чем же авторы видят опасность слабой заселенности восточных районов?

Здесь же возникает и другой немаловажный вопрос: имеют ли в виду авторы концепции сохранение за миллионами новых жителей китайского гражданства или же предоставление им российского? По всей видимости, авторы все-таки имеют в виду второй вариант, коль скоро предсказывают превращение китайцев во "второй по численности народ страны". И здесь они не одиноки. Среди смельчаков, готовых подвергнуть страну небывалому эксперименту, достойному войти в анналы истории, числятся не только ученые, но и философствующие олигархи, подвизающиеся на ниве разработки либеральной идеологии. Известный предприниматель Б. Березовский в своем "Манифесте российского либерализма"³⁶ использует идеи профессора Ракитского: "Конечно, рано или поздно Сибирь будет заполнена китайцами! Вопрос не в этом, а в том, будут ли они россиянами или нет. Это зависит от нас. Если китайцам в России жить будет лучше, чем в Китае, — ничего страшного. Просто у нас в армии будут служить российские граждане китайской национальности..."³⁶.

На наш взгляд, прежде, чем призывать к реализации подобного рода замыслов, стоило бы выяснить: а захотят ли сами китайцы принять российское гражданство? Пока что такого желания не видно. "Мигранты — это люди, готовые осесть в России на длительный срок и сохранить при этом китайское гражданство", — вот что говорят китайские специалисты³⁷. А если захотят, рассчитывая получить за это какие-то привилегии — то станут ли действительно лояльными гражданами? Или своим присутствием сделают страну еще менее управляемой на всех уровнях государственной власти? И, пользуясь тесными связями с недавними соотечественниками — многочисленными родственниками и партнерами, оставшимися в Китае, придадут новые масштабы скупке по дешевым ценам сибирских сырьевых запасов — этому, ведь, российское гражданство не помеха?

Нельзя не заметить, что, излагая концепцию допуска в Россию миллионов китайцев, авторы ее попутно упоминают целый ряд рациональных идей, реализация которых позволила бы снизить ту самую "угрозу китайской экс-

пансии", которая недвусмысленно признана ими самими. Однако эти упоминания никак не сказываются ни на общей направленности концепции, ни на ее заключительных рекомендациях.

Естественно, и то, и другое как нельзя лучше соответствует мнению некоторых китайских авторов. Черпая сведения, надо думать, из российских же публикаций, они теперь предлагают: "Население России в последние 10 лет сократилось более чем на 6 млн. чел., одна только Сибирь испытывает острую потребность в рабочей силе, около 5 млн. человек. В этой ситуации выходом из положения могло бы быть использование качественной, дешевой и многочисленной китайской рабочей силы для участия в освоении обширных районов восточной части России...Если бы Китай экспортировал 1 млн. человек, то это было бы менее 1% населения России, но обеспечило бы обработку около 10% пахотных земель..."³⁸.

Параллелей такого рода можно найти немало. Дипломатически корректная китайская мысль о "великой северной целине" находит продолжение в категорических формулировках документа Совета по внешней и оборонной политике: "Если Россия не согласится на определенных условиях предоставить землю китайцам, ее некому будет осваивать вообще"³⁹.

По-видимому, силы, определяющие в данном случае позицию доклада Совета по внешней и оборонной политике и относящиеся, по всей видимости, к крупному капиталу экспортно-сырьевого профиля, по традиции — покровители и спонсоры прозападных тенденций, теперь находят области соприкосновения с силами, действующими с китайской стороны. Не присутствуем ли мы в таком случае при формировании прокитайского лобби, обладающего мощными средствами воздействия на политику правительства?

С иных, фактически — противоположных позиций рассматривает проблему китайской иммиграции проф. Л.Л. Рыбаковский (Институт социально-политических исследований РАН) с группой единомышленников. Подход, игнорирующий разную направленность интересов России и стран-доноров, говорит он, "не соотносится с национальными интересами, с геополитическими слабостями России в современных условиях"⁴⁰.

Сам проф. Рыбаковский исходит из того, что имеющее место на границах с КНР территориях России "разрушение демографического и профессионального потенциалов...на фоне стремительного роста заселенности Китая" может дать простор "тенденции замещения постоянного коренного населения иммигрантами из соседних стран", а это в перспективе "меняет геополитическое положение Дальнего Востока и противоречит безопасности России"⁴¹. Упрочить геополитическую ситуацию, по его мнению, можно, но только с помощью специально для того разработанной миграционной политики. На Дальнем Востоке Россия всегда проводила особую стратегию, в том числе и в сфере миграции, поскольку политические факторы там всегда довлели над экономическими.

Миграционная политика по Л.Л. Рыбаковскому включает в себя следующие направления:

- стабилизация демографического и трудового потенциалов региона (прекращение оттока населения в другие регионы РФ);
- привлечение российского населения в приграничные с Китаем районы на основе создания здесь привилегированных условий, в первую очередь социально-экономических;
- дифференцированное привлечение новоселов из стран нового зарубежья, включая вынужденных переселенцев, обладающих необходимыми для региона профессиональными знаниями и квалификацией;

— организованное привлечение трудовых ресурсов из стран ближнего и дальнего зарубежья на базе жесткого контроля за качественными и количественными характеристиками этого потенциала, не противоречащими конъюнктуре рынка труда;

— легализация нелегальных форм внешней миграции, экономически полезных для региона, посредством разработки правового механизма ее контроля;

— борьба с нелегальными формами миграции, разработка механизма выдворения нелегальных мигрантов за пределы России как дестабилизирующего фактора региональной ситуации (межэтнические конфликты, преступность в финансовой и бытовой сферах, расхищение природных богатств, возникновение опасности эпидемий и т.д.);

— мониторинг и регламентация транзитной миграции;

— отмена безвизового туризма с целью сокращения объемов нелегальной миграции в регион⁴².

Используя миграцию в качестве инструмента смягчения негативных демографических явлений, следует делать упор на привлечение соотечественников; затем — на лиц титульных национальностей из стран СНГ и Балтии; и затем уже — на лиц других национальностей из стран дальнего зарубежья. "С геополитической точки зрения не может быть предложен сценарий активного привлечения в российско-китайское приграничье трудового потенциала таких стран, как КНР, КНДР, СРВ"⁴³. Расселение мигрантов должно отвечать требованиям безопасности, в пограничной зоне могут селиться только российские граждане⁴⁴.

"В настоящее время, — отмечает Л.Л. Рыбаковский, — китайская иммиграция не наносит вреда демографическим параметрам региона и при определенном квотировании в дальнейшем с этой точки зрения не опасна для геополитических интересов России". Важна, однако, не только сегодняшняя численность формирующейся китайской диаспоры, но и "динамика этого процесса и отношение к ней со стороны соседнего Китая. Россия должна проводить очень осторожную политику в отношении китайской иммиграции"⁴⁵.

Таким образом, концепция Л.Л. Рыбаковского предусматривает максимальную мобилизацию такого миграционного потенциала, который, возрождая экономическую жизнь на Дальнем Востоке, одновременно обладал бы лояльным отношением к российскому государству.

Не все в этом проекте бесспорно, например, вызывает сомнения приравнивание КНДР и, особенно, СРВ в качестве приемлемого для нас источника иммиграции к Китаю, а также предложение об отмене безвизового туризма. Однако в целом проект представляется нам гораздо более реалистическим и предпочтительным, чем концепция Ж.А. Зайончковской.

Концепция Л.Л. Рыбаковского имеет много общего с предложениями других демографов, изучающих миграцию, в том числе китайскую, на Дальнем Востоке (Е.С. Красинец⁴⁶, Е.Л. Мотрич⁴⁷ и др.). Думается, она согласуется и с позицией явного большинства российских китаеведов, разрабатывающих тему китайской иммиграции в Россию. Настойчиво призывая власть проявить государственный подход к этому сложному и чрезвычайно важному явлению, выработать долгосрочную стратегию, они вместе с тем сами стремятся обрисовать ее контуры.

Предложения российских синологов предусматривают создание благоприятных условий для реализации экономической активности китайских иммигрантов, равно как и для их повседневной жизни, воспитание уважительного отношения к ним, защиту их законных прав, содействие их адаптации, налаживание делового сотрудничества с китайской диаспорой. Вместе с тем

предлагается использование системы квот и ротаций для ограничения и регулирования общей численности китайцев и численности постоянно проживающих, их кадрового состава. Имеется в виду и регулирование их расселения, с тем чтобы, во-первых, защитить собственные рынки труда, во-вторых, не допустить оседания иностранцев вблизи погранзон и возникновения фактически автономных анклавов. Нужно "добиться того, чтобы приезжало (в том числе и надолго) столько и таких китайцев, сколько это необходимо не китайцам и Китаю, а России"⁴⁸. Специалисты указывают на необходимость усиления контроля за регистрацией и деятельностью китайских и совместных предприятий, за уплатой налогов и приобретением лицензий, за покупкой и арендой недвижимости, инвестициями и вывозом капитала. Отмечается важность укрепления паспортно-визового режима и пограничного контроля, сведение до минимума нелегальной иммиграции.

Естественно, все это требует совершенствования законодательной базы, укрепления административных и правоохранительных структур и т. д., словом, требует немалых средств и серьезных усилий, вероятно, даже дипломатических. Однако экономия здесь может обернуться еще большими потерями.

Итак, в настоящий момент мы имеем в активе:

Во-первых, уже довольно значительный опыт регулирования китайской миграции, закреплённый в соответствующих законах и постановлениях федеральных и местных властей. Опыт не всегда удачный, но содержащий немало положительного и на сегодня позволяющий, в общем, держать иммиграционный поток под контролем.

Во-вторых, существующее, очевидно, в верхах понимание того, что убыль российского населения недопустимо механически компенсировать притоком массы людей из-за рубежа — это опасный путь. По крайней мере, о таком понимании свидетельствует принятый в 2002 г. Закон о российском гражданстве, требующий для получения статуса гражданина РФ владения русским языком и пятилетнего ценза оседлости.

В-третьих и в-четвертых, достаточно серьезные конструктивные представления о том, какой должна быть политика в отношении внешней миграции на Дальнем Востоке, зафиксированные в работах отечественных демографов и в исследованиях китаеведов.

Все это в совокупности составляет рациональную базу для выработки эффективного генерального плана действий в отношении китайской иммиграции — феномена, значение которого для России будет с каждым годом возрастать. Следует подчеркнуть, однако, что даже самые превосходные планы сами по себе — ничто, если государство не обладает необходимой материально-финансовой базой, силовым потенциалом и компетентными, и руководствующимися государственным интересом кадрами. Иными словами, государство должно быть сильным. Этот тезис подтверждается всем нашим историческим опытом. Недостаточно, хотя и необходимо, чтобы государство осознало важность проблемы китайской иммиграции, разработало и приняло хорошую стратегию, чего настойчиво добивается российская китаеведческая общественность. Оно должно быть в состоянии эту стратегию реализовать и, значит, быть в состоянии, по крайней мере, (а) в соответствии со своими интересами твердо регулировать и ограничивать количество и формы присутствия китайских иммигрантов внутри страны; (б) одновременно, если потребуется, противостоять попыткам давления извне — "никто не может обязать нас принимать на своей территории всех желающих"⁴⁹. Только самоукреплением российское государство способно изменить неблагоприятный для него геополитический рельеф российско-китайских отношений.

Увы, одна из самых характерных черт нынешней российской действительности, она же основная причина провалов на пути реформ — слабость государства. С учетом этого и нужно подходить к вопросу о китайской иммиграции в России сегодня и в перспективе, как и к общей проблеме будущего российско-китайских отношений.

А также, добавим, к еще более общей проблеме будущего великой страны России, появившейся на карте после того, как политически близорукая и безответственная бюрократия, фатально опоздавшая с реформами, привела к развалу еще более великую страну Советский Союз. Разрушительный потенциал тех, кто стал тогда хозяевами в России, превосходил тот, которым обладали их советские предшественники.

Между тем, китайская иммиграция — фактор слишком важный в экономическом и политическом смысле для России, чтобы его можно было отдавать на откуп частным интересам, будь то интересы крупных корпораций, или чиновников любого ранга, или мафиозно-предпринимательских структур, связанных теневыми отношениями с китайскими коммерсантами. С каждым годом значение этого фактора будет только возрастать. Проблема китайской иммиграции требует постоянного пристального внимания со стороны государства, которое было бы в состоянии доброжелательно и вместе с тем твердо направлять ее деятельность в русло, отвечающее целям возрождения России. Которое, в свою очередь, есть необходимое условие стабильного развития наших отношений с КНР в духе дружбы и добрососедства.

1. См. М. Алексеев. Угрожает ли России китайская миграция? // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 11. С. 99
2. Романов Н. Некоторые аспекты пребывания граждан КНР в Приморском крае // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М.: 1999. С. 90 — 91; М.: Алексеев. Указ соч.
3. В.Г. Гельбрас. Китайская реальность России. М.: 2001. С. 39 40.
4. См. напр. Виктор Ларин. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры: М.: 2001. № 2 — 3. С. 88
5. В.Г. Гельбрас. Китайская реальность России. М.: 2001. С. 55, 118.
6. Там же. С. 214
7. Виктор Ларин. Посланцы из Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам// Диаспоры: М.: 2001. № 2 — 3. С. 107.
8. В.Л. Ларин. Китай и Дальний Восток России. Владивосток. 1998. С. 155.
9. Г. Витковская, Ж.Зайончковская. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии. <http://www.eraa.ru/EraaRus/vostok.htm>
10. М. Алексеев. Указ соч. № 12. С. 48
11. Независимая газета. 2000. 21 июля.
12. В.Г. Гельбрас. Указ соч. С. 311.
13. ПДВ. 2001. № 5. С. 7.
14. См. напр. В. Карлусов, А. Кудин. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // ПДВ. 2002. № 3. С. 82
15. П.Я. Бакланов. Географические, социально-экономические и геополитические факторы миграции китайского населения на юг Дальнего Востока. Доклад на круглом столе 28.06.1999 // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Владивосток. 1999. С. 3. Цит. по: М. Алексеев. Указ соч. № 12. С. 102.
16. М.Л. Титаренко. Россия лицом к Азии. М., 1998. С.273
17. R. Kjellen. Das Staat als Lebensraum. Leipzig. 1917. S. 42 — 46
18. Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI век / Российская Академия Наук. Институт Дальнего Востока. М.: 2001. С. 15 - ЭК. № 6.
19. Исследование этой темы см., например в: Виктор Ларин. Указ соч.

20. О китайцах как торговом меньшинстве см.: В.И. Дятлов. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: 2000.
21. Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI веке. Экспресс-информация № 6 / Российская Академия Наук. Институт Дальнего Востока. М.: 2001. С. 17.
22. Ведомости. 2002. 23 мая.
23. Независимая газета 2002. 21 марта.
24. Жанна Зайончковская. Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // Миграция. 1997. № 3. С.14.
25. Г. Витковская, Ж. Зайончковская. Указ соч.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. См. в частности: А. Пионтковский. Китай неотвратим // Независимая газета. 2001. 14 июля.
33. Россия — Китай. 2001. июль. № 3 — 4.
34. Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. <http://www/svop/ru/yuka/895shtml>
35. Там же.
36. Независимая газета. 2002. 11 апреля.
37. Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI веке. Экспресс-информация № 6/ Российская Академия Наук. Институт Дальнего Востока. М.: 2001. С. 29.
38. Там же. С. 14.
39. Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Указ соч.
40. Л.Л. Рыбаковский и др. Демографическое будущее России / Институт социально-политических исследований РАН. Саранск. 2000. С.86.
41. Л.Л. Рыбаковский и др. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность/ Институт социально-политических исследований РАН. М.: 1999. С. 65 — 66.
42. Л.Л. Рыбаковский, Н.В. Тарасова, Е.П. Сигарева, А.Г. Гришанова, Н.И. Кожевникова. Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Институт социально-политических исследований РАН. М.: 1999. С. 33.
43. Там же. С. 31.
44. Там же. С. 22 — 23.
45. Л.Л. Рыбаковский и др. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность/ Институт социально-политических исследований РАН. М.: 1999. С. 77.
46. См. Е.С. Красинец. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку/ Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М.: 1997.
47. См. напр. Е.Л. Мотрич. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // ПДВ. 2001. № 6.
48. В.И. Дятлов. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: 2000. С. 185.
49. Демографическое будущее России / Ред. Л.Л. Рыбаковский. Институт социально-политических исследований РАН. М.: 1999. С. 86.

Неспешные шаги административной реформы в Японии

© 2002

А. Сенаторов

Окончание. Начало в ПДВ № 5, 2002.

Реорганизация общественных предприятий

В Японии, наряду с преобладающим частным предпринимательством, немалую роль в жизни страны играют общественные предприятия. После приватизации в 1980-х гг. государственных железных дорог и некоторых других предприятий государственный сектор заметно сократился, хотя в непосредственном подчинении правительства остается еще множество предприятий и учреждений и помимо того сохраняются три традиционные категории общественного предпринимательства в виде особых юридических лиц, санкционированных юридических лиц и общественно полезных юридических лиц, в той или иной степени подведомственных либо министерствам и управлениям, либо органам местного самоуправления.

Универсального определения понятия «общественное предприятие» не существует. Очевидно, что под применяемым в Японии термином «коке киге» имеется в виду организация, в которой в разной степени могут сочетаться общественный и предпринимательский характер деятельности. Российский экономист А.И. Кравцевич, исследовавший японское общественное предпринимательство, определяет общественное предприятие как «хозяйственную ячейку капиталистического общества, являющуюся полностью или частично государственной собственностью, осуществляющую под общественным контролем социально полезную деятельность в форме автономного по отношению к государственному аппарату и финансам предприятия»¹. Конкретные виды общественных предприятий многообразны, они отличаются по форме и степени самостоятельности, а также по институционально юридическому оформлению. В процессе их реорганизации обычно применяется их юридическая классификация.

С самого начала проведения административной реформы одним из главных объектов реформирования были признаны общественные предприятия, в первую очередь особые юридические лица (токусю ходзин), то есть те, которые учреждаются непосредственно государством на основе специальных законов и замещают правительство в исполнении порученных им дел под контролем определенного министерства или другого центрального ведомства. Такого рода предприятия формировались и до послевоенных демократических реформ, но их учреждение приняло широкие масштабы позже, имея целью решение конкретных задач правительственной политики в финансовой, промышленной, научно-технической, социальной и других сферах. Численность особых юридических лиц, подведомственных центральным министерствам и

особых юридических лиц, подведомственных центральным министерствам и управлениям, непрерывно возрастала, особенно в период вступления Японии в полосу быстрого экономического подъема.

Существование обширного комплекса особых юридических лиц (далее – ОЮЛ), действовавших под контролем правительства, а также в определенной степени остававшихся в поле зрения парламента, позволяет государству иметь инструмент проведения в жизнь целенаправленной политики, ориентированной на ускоренное решение многих задач, труднодостижимых в условиях рыночной экономики силами одних частных предприятий или непосредственно правительственных учреждений. ОЮЛ внесли большой вклад в создание производственной и бытовой инфраструктуры, развитие перспективных отраслей экономики, научно-технический прогресс, формирование благоприятных условий для малого бизнеса и сельского хозяйства, освоение отдельных слаборазвитых территорий, общий подъем благосостояния с акцентом на малоимущие слои населения, поощрение образования, науки и искусства, расширение торгово-экономических и культурных связей с зарубежными государствами.

В дополнение к ОЮЛ в послевоенной Японии развитие получила также прежняя практика учреждения санкционированных юридических лиц (нинка ходзин), которые создавались на основе законов, регулирующих определенную сферу или вид деятельности путем добровольного объединения частных и других заинтересованных лиц в качестве самостоятельных организаций. К ним относятся, например, Банк Японии, различные фонды, торгово-промышленные и сельскохозяйственные палаты и ассоциации, общенациональные кооперативные центры, научно-исследовательские учреждения, всеяпонские кооперативы взаимопомощи и т.п. Тесно взаимодействуя с правительственными ведомствами, санкционированные юридические лица, как и ОЮЛ, вносят свой полезный вклад, способствуя общественному участию в решении многообразных задач экономического и социального развития страны.

Помимо того, в Японии уже более столетия существует институт общественно полезных юридических лиц (коэки ходзин), самый массовый вид общественных предприятий, которых в Японии насчитывается около 26 тыс., в том числе примерно 7 тыс., имеющих отношение к правительству, а остальные – к префектурам. Около одной тысячи из них по поручению правительственных ведомств решают различные административные задачи (проверки, испытания, экзамены и т.п.).

При этом общественные предприятия не без оснований подвергаются острой критике за расточительство государственных средств, неэффективное ведение дел. Недовольство налогоплательщиков вызывает и то обстоятельство, что многие предприятия, особенно из числа ОЮЛ, в которых существует благоприятная для коррупции обстановка, стали выгодной кормушкой для отставных правительственных чиновников.

В конце 1993 г. Консультативный совет по административной реформе (совещательный орган при премьер-министре) рекомендовал правительству глубоко и всесторонне обследовать состояние всех ОЮЛ и по его результатам принять следующие меры:

- ликвидировать или ограничить сферы деятельности ОЮЛ, общественное значение которых уменьшилось;
- ликвидировать или приватизировать ОЮЛ, деятельность которых могли бы более результативно заменить частные предприятия;

- часть общенациональных ОЮЛ передать в ведение органов местного самоуправления;
- повысить качество услуг ОЮЛ, занятых в сфере внешних связей;
- обеспечить более полный учет со стороны ОЮЛ нужд и требований пользователей их услугами;
- исключить дублирование функций, провести комплексную рационализацию всех ОЮЛ;
- ограничить государственное вмешательство в деятельность ОЮЛ при более четком установлении их собственной ответственности за порученную работу².

В соответствии с этими рекомендациями правительство дало указание министерствам и управлениям провести необходимое обследование ОЮЛ и на его основании реализовать вышеназванные меры. Однако ведомства заняли весьма осторожную позицию, в их заключениях в большинстве случаев аргументировалась общественная необходимость подведомственных ОЮЛ, хотя и высказывались конкретные соображения о способах повышения эффективности их работы. Политические партии, участники первых правящих коалиций, признавая в принципе желательность реорганизации общественных предприятий, не имели общих взглядов по поводу реформирования конкретных ОЮЛ. Развернувшиеся с того времени споры в политических и общественных кругах вокруг ОЮЛ продолжаются вплоть до наших дней.

В течение всей второй половины 1990-х гг. в реформировании общественных предприятий делались весьма осторожные шаги. Принятый при кабинете Т. Мураяма в 1995 г. «курс на укрепление и рационализацию ОЮЛ» предусматривал объединение 16 из них и ликвидацию или приватизацию пяти. В декабре 1996 г. кабинет Р. Хасимото несколько расширил круг мер, направленных на реорганизацию общественных предприятий. Но по-прежнему ставилась главным образом задача объединения ОЮЛ, выполнявших однородную или близкую по содержанию работу.

К концу 2000 г. в Японии оставалось 77 особых юридических лиц — лишь на 15 меньше, чем их было до начала административной реформы. Сокращение ОЮЛ осуществлялось преимущественно за счет слияния, а не ликвидации или приватизации. Несомненное значение для транспарентности состояния дел в ОЮЛ имело принятие в 1997 г. закона об открытости финансовой деятельности как самих ОЮЛ, так и создаваемых ими дочерних компаний. Ожидалось, что повышение прозрачности движения капиталов будет препятствовать их неэффективному применению и устранил условия для казнокрадства и коррупции в ОЮЛ.

В то же время в Японии проявился большой интерес к концепции «частной финансовой инициативы» (ЧФИ), которая в Великобритании в 1990-е гг. первоначально пропагандировалась правительством консерваторов, а затем получила одобрение сменивших их у власти лейбористов. Выступая за внедрение ЧФИ в Японии, начальник управления экономического планирования Т. Сакаия отмечал, что в стране имеется «расточительный общественный капитал» и настало время, когда нужен акцент на умелое и эффективное управление этим капиталом. С этой точки зрения следует использовать частную финансовую инициативу в качестве «способа для расширения строительства общественных сооружений посредством привлечения частного капитала». Конкретно имелось в виду использование частных компаний в строительстве и эксплуатации инфраструктуры и других сооружений общественного пользова-

ния на основе долгосрочных контрактов с государством, органами местного самоуправления или представляющими их организациями. В контрактах должны быть четко прописаны финансовые и прочие обязательства обеих сторон³.

Идея ЧФИ получила поддержку Федерации экономических организаций Японии, которая подчеркнула, что применение этой идеи укрепит базу повышения качества и эффективности общественных услуг, расширит сферу частного предпринимательства, послужит оживлению экономики, при уменьшении вовлеченности государства в дела общественных предприятий⁴. В целях ее реализации по предложению правительства был принят Закон о содействии частной инициативе, начато его применение на практике.

На 1999 г. приходится еще одно важное решение, которое впоследствии должно было определить судьбу многих общественных предприятий, начиная с ОЮЛ. Оно было принято в процессе реорганизации правительственного аппарата как составной части административной реформы: был принят закон об учреждении нового вида общественных предприятий – самостоятельных административных юридических лиц (САЮЛ). Такой статус получило множество тех вспомогательных учреждений из состава министерств и управлений, функции которых в ходе сокращения громоздкого правительственного аппарата были признаны необходимыми, поскольку не могли быть переданы на исполнение частному сектору.

САЮЛ наделены довольно высокой степенью самостоятельности для гибкого и эффективного решения порученных им задач, и освобождены от повседневного вмешательства правительственных ведомств. Вместе с тем правительство, обеспечивая их необходимыми источниками финансирования, оставляет за собой право на осуществление определенного контроля за деятельностью этих предприятий. Соответствующий министр устанавливает для подведомственных ему САЮЛ показатели эффективности и качества работы на три – пять лет и утверждает план выхода на эти показатели, составляемый ими самостоятельно на тот же срок. Дальнейшая работа идет по ежегодным планам САЮЛ. По окончании этого срока министр может пересмотреть задачи и организацию САЮЛ. В целях общественного контроля при министерствах и управлениях создаются «третьекие» органы оценки их деятельности.

С апреля 2001 г. на статус САЮЛ переведены 56 учреждений из состава правительственного аппарата, еще три должны получить его в 2002 – 2003 гг. Одним из примеров данного вида общественных предприятий стал Институт комплексных исследований промышленной технологии, созданный путем объединения восьми расположенных в Цукуба НИИ из состава министерства экономики и промышленности и семи региональных НИИ того же подчинения.

Заметный поворот в сторону ускорения реорганизации общественных предприятий и использования ее радикальных форм наметился лишь со вступлением Японии в XXI-й век. Крупные шаги в этом направлении предусмотрено сделать в соответствии с нынешней Программой административной реформы. В качестве объекта реформирования рассматриваются все сохранившиеся на момент ее принятия подведомственные министерствам и управлениям юридические лица и санкционированные юридические лица, которые должны быть преобразованы – ликвидированы, приватизированы, переведены в иные формы юридических лиц, в том числе в статус только что учрежденных САЮЛ, объединены с другими предприятиями. Помимо того поставлена задача общего реформирования общественно полезных юридических лиц, самого массового вида общественных предприятий. В первую очередь предпола-

гается реорганизация одной тысячи общественно полезных юридических лиц административного типа, выполняющих по поручению правительственных ведомств вспомогательную административную работу.

Реализация Программы административной реформы в части реорганизации общественных предприятий кабинетом Д. Коидзуми рассматривается, наряду с дерегулированием, как важнейшая политическая задача. Сам премьер-министр является сторонником радикальных преобразований общественных предприятий, добиваясь согласно своим обещаниям, сделанным на выборах председателя ЛДП, а затем при формировании правительства, в первую очередь их ликвидации или приватизации.

Пользуясь необычно высокой популярностью своего правительства (с момента его формирования в апреле 2001 г. и до февраля 2002 г. около 80% опрошенных заявляли о его поддержке), премьер-министр Д. Коидзуми с интересом скорейшей реализации своих планов форсировал принятие соответствующих парламентских и правительственных решений.

Весьма быстро в июне 2001 г. парламент принял имеющие рамочный характер правительственные предложения по Закону о реформе особых и санкционированных юридических лиц, указывающие направления и формы реорганизации этих предприятий и предписывающие правительству в короткие сроки разработать соответствующий план реализации реформы.

На составление Плана упорядочения и рационализации особых и санкционированных юридических лиц, утвержденного в декабре 2001 г., потребовалось полгода, но эта работа шла чрезвычайно трудно. В предварительном заключении министерств и управлений по большинству подведомственных им особым юридическим лицам, подобно тому, как это было в 1994 г., аргументировалась необходимость их сохранения и лишь часть из них признавалась объектами, подлежащими «ликвидации»; в отношении других рассматривалась «возможность приватизации». В ряде случаев наблюдались попытки игнорировать прямые указания премьер-министра, в связи с чем Д. Коидзуми был вынужден публично осудить «сильное ведомственное сопротивление»⁵.

Первоочередными и главными объектами ликвидации или приватизации премьер-министр и его сторонники называли группу общественных предприятий, занимающихся строительством скоростных автомобильных дорог и оборудованием прочих объектов инфраструктуры, а также группу кредитно-финансовых учреждений с участием государственного капитала. Именно вокруг этих предприятий возникли особенно ожесточенные дискуссии как внутри правительства, так и среди правящих партий, в том числе в ЛДП, а также в ее Штабе по продвижению административной реформы. Эти дискуссии нашли широкое освещение в средствах массовой информации.

Решая судьбу «четырёх дорожных корпораций» (Японская общественная корпорация дорожного строительства, Корпорация столичных скоростных дорог, Корпорация скоростных дорог района Хансин, Корпорация моста между островами Хонсю и Сикоку), сторонники скорейшей приватизации, делали акцент на внушительных и продолжающих расти долгах этих корпораций (25,6 трлн иен). В министерстве государственной территории и транспорта, которое их курирует, возражали, указывая, что быструю их приватизацию на практике осуществить трудно, а остановка и сокращение запланированного строительства дорог (не достроено и не пущено в эксплуатацию около 2500 км из намеченных 9342 км) может вызвать серьезные проблемы для транспорта, а также возмущение на местах.

Ожесточенная борьба разгорелась относительно кредитно-финансовых учреждений с участием государства или получающих правительственную поддержку: Банка международного сотрудничества, Японского банка политических инвестиций (бывший Японский банк развития), Корпорации жилищного финансирования, Корпорации финансирования народной жизни, Корпорации финансирования мелких и средних предприятий, Корпорации финансирования сельского, лесного и рыбного хозяйства и других — всего десяти особых юридических лиц. Сторонники радикального реформирования (вплоть до ликвидации) этих учреждений указывали, что объекты обслуживания и формы деятельности этих учреждений не отвечают современной японской действительности. Так, например, в ссудах на приобретение жилищ на долю Корпорации жилищного финансирования приходится 40%, что оказывает «давление на частное предпринимательство», а, с другой стороны, Корпорация функционирует с большим дефицитом, покрывая его за счет государственных ассигнований. Без внушительной финансовой поддержки не обходится деятельность и прочих общественных финансово-кредитных учреждений. Высказывалось мнение, что передача этих учреждений в частные руки послужит активизации посреднической деятельности кредитных организаций, будет способствовать снижению финансового бремени государства⁶.

Противники радикальных преобразований, имеющиеся внутри правящих партий, обосновывали свои возражения тем, что приватизация предприятий в форме особых юридических лиц, занимающихся специализированным кредитованием, несвоевременна ввиду трудной экономической обстановки в стране и сохраняющегося среди населения недоверия к частной кредитной системе в силу имевших место банкротств ряда частных банков.

Разработка конкретного плана реорганизации общественных предприятий завершилась согласованием позиций внутри ЛДП, между правящими партиями и в Штабе по продвижению административной реформы. Требования премьер-министра были во многом учтены, но от реорганизации общественных кредитно-финансовых предприятий было решено пока воздержаться. В декабре 2001 г. План упорядочения и рационализации особых, санкционированных и общественно полезных юридических лиц был утвержден кабинетом министров⁷.

Исходя из концепции максимального освобождения государства от тех функций, которые могут эффективно выполняться частным сектором, были определены первоочередные и перспективные объекты приватизации. К первоочередным в плане относятся ОЮЛ, подведомственные министерству территории и транспорта. Дорожные корпорации намечено приватизировать к 2005 г., но конкретный порядок и условия реорганизации предстоит еще изучить в формируемом правительством «третьем органе». В принципе предопределен вопрос о приватизации корпораций, занимающихся строительством международных аэропортов. Должен быть полностью завершен процесс приватизации особых акционерных компаний (один из видов ОЮЛ), созданных при разгосударствлении Японской корпорации железных дорог в 1980-е гг.

По поводу банков и других общественных финансово-кредитных учреждений намечено дальнейшее изучение целесообразных форм и методов их функционирования с тем, чтобы прийти к заключению «в короткие сроки».

Большую группу общественных предприятий намечено перевести на статус самостоятельных административных юридических лиц, придав им тем самым большую независимость и возложив на них полную ответственность за

поручаемую деятельность. Ликвидация значительной части ОЮЛ на практике должна быть осуществлена путем их полного или частичного слияния с близкими по роду работы организациями. Часть общественных предприятий, в том числе 45 кооперативов взаимопомощи разных министерств и управлений, лишается статуса санкционированных юридических лиц и будет действовать как обычные предприятия. Без изменений останется небольшое число организаций, относящихся главным образом к санкционированным юридическим лицам.

В конечном счете, планом упорядочения и рационализации предполагается за пятилетний срок ликвидировать 17, приватизировать 45, преобразовать в административные юридические лица 36, перевести на статус обычных юридических лиц 50, сохранить в нынешнем положении 5, продолжить изучение дальнейшей судьбы 8 кредитно-финансовых учреждений из общего числа имеющихся в стране 163 особых и санкционированных юридических лиц, подведомственных центральному министерству и учреждениям.⁸

До 2005 г. запланировано также осуществить реформу общественно полезных юридических лиц административного типа, в функции которых входит выполнение заданий, порученных государством, и которые получают от него дотации. Имеется в виду, что государство откажется от вмешательства в дела этих организаций, а часть задач последних будет решаться либо государственными учреждениями, либо самостоятельными административными юридическими лицами. На более длительную перспективу ставится цель «коренной реформы всей системы общественно полезных юридических лиц»⁹.

Японская общественность весьма сдержанно реагировала на принятие нынешнего Плана реорганизации общественных предприятий. В газете «Нихон кэйдзай симбун», отражающей мнение предпринимательских кругов, отмечалось, что в отличие от предыдущей реорганизации, заключавшейся в численном сокращении главных общественных предприятий путем их слияния, ныне «наблюдается большой прогресс в деле ликвидации и приватизации», что означает начало реализации на практике реформы особых юридических лиц. Позитивно оценивается и преобразование части общественных предприятий в самостоятельные административные юридические лица, поскольку это должно привести к большей открытости и ответственности в их деятельности. Одновременно высказывается пожелание не уклоняться от «упорядочения и сокращения» общественных финансово-кредитных учреждений, подведомственных правительству. По мнению газеты, ликвидация и приватизация общественных предприятий, на которой настаивал премьер-министр Д. Коидзуми, остановилась примерно на уровне 40%¹⁰.

Содержание нынешнего плана реорганизации общественных предприятий явилось результатом достижения определенного компромисса в японских правящих кругах, имеющих в парламенте большое преимущество над оппозицией. Для реализации плана потребуются принятие многих законодательных актов. В данном случае можно ожидать, что наиболее значимые последующие дискуссии, касающиеся конкретных объектов реформирования, продолжатся именно в правящих кругах партий, прежде всего в ЛДП.

Среди парламентариев ЛДП по вопросу реорганизации общественных предприятий практически образовалась «внутренняя оппозиция». Об этом можно судить, в частности, по тому факту, что с критикой радикальных взглядов Д. Коидзуми на страницах японской печати выступили такие видные либерал-демократы, как бывшие генеральные секретари партии Х. Нонака и

М. Кога, бывший и нынешний председатели партийного Совета по изучению политики С. Камэи и Т. Асо.

Отмечая принципиальную необходимость структурных реформ, Х. Нонака выражает несогласие с тем, что на практике проводится политика, которую можно охарактеризовать, как «угнетение слабых сильными». Применение этого принципа свойственно животному миру, а не человеческому обществу, продолжает он. Одновременно Нонака осуждает авторитарный стиль руководства премьер-министра Д. Коидзуми в проблемах реформирования: «Нельзя становиться диктатором. Это может привести к серьезным противоречиям внутри партии». Призывая к поиску компромиссных решений, Нонака, с удовлетворением отмечает, что таковые, в конечном счете, достигаются, когда речь идет и о некоторых общественных корпорациях¹¹.

Государству, пишет Т.Асо, необходимы «общественные предприятия для оборудования инфраструктуры». Он считает ошибкой «враждебное отношение к общественным предприятиям», выступает за тщательное изучение реального состояния дел каждой общественной корпорации, возражая против применения при определении объектов ликвидации «бюрократического руководства на основе соглашения с предпринимательскими кругами»¹². М. Кога также возражает против сплошной приватизации особых юридических лиц, требуя в вопросах реформирования не популистских, а ответственных решений¹³.

Реорганизация общественных предприятий в Японии оказалась самым трудным звеном административной реформы. При всех имеющихся у системы общественного предпринимательства недостатках и слабых местах она необходима обществу и в современных условиях, хотя и требует серьезного реформирования. Очевидно, что в Японии не хотят отказываться от общественных предприятий, а изучают возможности для рационального сокращения сферы их применения, стремятся гибко использовать разнообразие их видов, одновременно создавая условия для повышения самостоятельности, транспарентности и ответственности за результаты деятельности тех общественных предприятий, которые признаются необходимыми. Воздержание японцев от моментной и глубокой перестройки в сфере общественного предпринимательства объясняется и тем, что поощрение общественных работ в условиях экономической рецессии остается важным средством поддержания занятости и смягчения социальной напряженности.

На очереди — кадровая реформа

С января 2001 г. японское правительство функционирует в новой организационной структуре. Реорганизация аппарата центральной исполнительной власти как одна из главных составляющих нынешней административной реформы явилась шагом в направлении формирования системы государственного управления, соответствующей требованиям XXI-го века. Однако сама по себе перестройка правительственного механизма еще не дает достаточных гарантий того, что обновленная структура успешно справится с все более усложняющимися задачами и сможет работать эффективнее, чем прежняя. Естественно, вслед за принятием в 1999 г. законов о введении новой правительственной структуры, в повестку дня административной реформы незамедлительно был включен вопрос о кадровой реформе, о реорганизации созданной в послевоенной Японии системы общественных служащих.

Первоначальные наброски проекта такой реформы появились в ноябре 2000 г. в Штабе по продвижению административной реформы, работающем внутри ЛДП, а в январе 2001 г. уже от имени правительства идею совершенст-

вождения государственной службы публично изложил Р. Хасимото, бывший тогда министром, ответственным за административную реформу. Согласно его разъяснениям, «реформа системы общественных служащих» (то есть не только государственных служащих, но и служащих органов местного самоуправления) должна стать «ядром» всей административной реформы, поскольку речь фактически идет о воздействии на сознание и поведение людей, представляющих администрацию, повседневно формирующих и осуществляющих ее планы¹⁴.

Под руководством Р. Хасимото были сформулированы основные идеи реформы. Ее главными целями названы, во-первых, изменение сознания и внедрение новых отправных принципов поведения каждого из общественных служащих, во-вторых, усиление функций кадрового контроля в самой административной организации. Иначе говоря, объектом реформы имелось в виду сделать одновременно и людей, и организацию, под руководством и контролем которой они исполняют свои обязанности.

В постановке цели воспитания кадров, самостоятельно развивающих свои способности, обладающих чувством долга и гордости за порученное дело, заслуживающих народное доверие, особый акцент сделан на то, чтобы служащие «выполняли свои обязанности в условиях взаимной конкуренции».

«Люди, показывающие выдающиеся способности и большие результаты, — подчеркивал Р. Хасимото, — заслуживают особого отношения, и, напротив, жестко наказываются те, кто спокойно отсиживается в своей организации. Другими словами, следует попытаться утвердить кадровую систему «воздаяния за заслуги и кары за преступления»¹⁵.

В части, касающейся «совершенствования организации», предложено первоочередное внимание обратить на формирование особой «группы государственных стратегических сотрудников» и на перестройку системы кадрового контроля.

Работа над проектом реформы продолжалась, и в конце декабря 2001 г. кабинет министров во главе с Д. Коидзуми одобрил Программу реформы системы общественных служащих¹⁶.

В преамбуле правительственной программы констатируются снижение за последние годы веры населения в способность японских служащих к надлежащему политическому планированию и возрастающая критика в их адрес по поводу недостаточной ответственности за выполняемую работу. Отсюда поставлена задача пересмотра всей кадровой системы, оказывающей большое воздействие на сознание и поведение каждого общественного служащего. С одной стороны, признается целесообразность сохранить существующие высокие требования в отношении профессиональных навыков и умения основных масс служащих при сохранении их политической беспристрастности, отмечается необходимость поддерживать стабильность работы учреждений и обеспечивать преемственность нынешней кадровой системы. С другой стороны, выражено стремление привести кадры в соответствие с современными административными требованиями, создать обстановку, побуждающую служащих к максимальному проявлению имеющейся у них энергии посредством взаимной конкуренции, сделать возможным для правительства при необходимости мобильно и гибко формировать адекватную организационно-штатную структуру.

Конкретно Программа реформы системы общественных служащих намечает следующие перемены:

— Реорганизовать общую правительственную систему кадрового контроля, в которой центральную роль в послевоенной Японии до сих пор играла Кадровая палата, учреждаемая при кабинете министров в качестве самостоятельного органа, наделенного значительными реальными правами. Полномочия кадрового контроля (планирование и управление кадрами и организационной

структурой) закрепить за каждым министром, расширить возможности кадрового контроля непосредственно со стороны кабинета министров. Соответственно сократить сферу деятельности Кадровой палаты, в том числе путем лишения ее функции так называемого «предварительного кадрового контроля», включающего согласование мнения министерств с палатой по кадровым назначениям. За Кадровой палатой имеется в виду сохранить вопросы, касающиеся условий службы, внесение рекомендаций по улучшению управления кадрами (в рамках новых норм), «последующий кадровый контроль», а также возложить на нее задачу предупреждения протекционизма при кадровых назначениях, относимых исключительно к правам руководителей министерств.

— При формировании новой кадровой системы для категории обычных служащих разработать и внедрить общую для всех министерств систему классификации служащих по уровню их навыков и умения, включающую установление основных рангов и представительных должностей на каждой ступени организации и стандартные требования для соответствующей должности. Министерства в общие стандарты требований к служащим могут вносить дополнения, связанные со спецификой своей деятельности. (Характерно, что система такой классификации, как указано в программе, не распространяется на высших руководящих служащих — административных заместителей министров, начальников бюро министерств и управлений, консультантов и т.п.)

Предусматривается отдельно от вышеуказанной классификации служащих устанавливать штаты административных органов; повышение служащих осуществлять в пределах штата; лиц, не достигших требуемого уровня профессиональной подготовки, навыков и умения, понижать в ранге.

— Классификация служащих по их способностям, навыкам и умениям должна стать предпосылкой учреждения новой системы оплаты их труда в зависимости от уровня профессиональной подготовки, служебной ответственности и результатов работы, то есть личного вклада каждого. Система оплаты служащих должна побуждать их к повышению уровня профессиональной подготовки, навыков и умения, служебного рвения в достижении успехов в деятельности. Вместо нынешнего порядка расчета месячной заработной платы учредить базовое жалование, а также надбавки за служебную ответственность и за достижения в работе по типу применяемых для поощрения работников на частных предприятиях. Существовавшие ранее надбавки отменить.

— Служебную карьеру должна определять новая система оценок, складывающаяся из оценки базовых показателей кадрового соответствия, как важного справочного материала при назначении и увольнении, и оценки результатов работы, как способа целевого контроля. С целью обеспечения справедливости и аргументированности оценок поручать эту работу нескольким особо подготовленным специалистам.

Всем министерствам, помимо общих норм поведения государственных служащих, предложено разрабатывать целевые установки и правила повышения качества административных услуг и эффективности работы.

— В подготовке и воспитании кадров активно использовать методы, применяемые в частном секторе. Внедрить плановую подготовку кандидатов на руководящие должности в министерствах, в том числе посредством интенсивного обучения, стажировок (включая зарубежные) и т.д. Для поддержки служащих в стремлении к самосовершенствованию увеличить число командированных на зарубежное обучение, применять отпуска для учебы в докторантуре и т.п.

— Изменить порядок оплаты труда высших руководящих служащих, на которых система классификации кадрового соответствия не распространяется: отменить элементы выплат по стажу, установить годовое жалование и две до-

полнительные выплаты, размеры которых при отсутствии успехов в работе могут существенно уменьшаться.

— В целях «обеспечения кадрового многообразия» модернизировать прием на государственную службу по результатам конкурсных экзаменов, в том числе значительно увеличив численность экзаменуемых; активизировать прием кадров из частного сектора, открыв возможность найма на общественную службу без увольнения из частного предприятия и установив «гибкий порядок» их оплаты; расширить наем женщин на государственную службу во все ведомства.

— Принять меры для предотвращения пагубных последствий явления «спускания с небес», под которым в Японии имеется в виду переход правительственных чиновников после их увольнения на руководящие должности в общественные предприятия и вторичный их наем в частные предприятия.

Принципиальная позиция в этом вопросе состоит в том, что лица, увольняющиеся с государственной службы, должны иметь открытую дорогу к использованию своих способностей на другом месте работы в рамках «надлежащих правил», устанавливаемых правительственными указами. К таким правилам отнесены: получение увольняющимся согласия лица, имеющего право кадрового контроля; транспарентность; запрет на определенный период заниматься делами, касающимися лицензий, дотаций, контрактов в сфере прежней служебной деятельности; введение наказаний за нарушение этого запрета; меры по снижению особой привлекательности материальных условий перехода чиновников на руководящие должности в особые юридические лица и другие общественные предприятия.

— С целью совершенствования организации каждому министерству предоставить определенную возможность по собственному усмотрению и под свою ответственность формировать свою организационно-штатную структуру и гибко перемещать кадры (проводить реорганизацию в пределах установленного числа секций, офисов). В случае необходимости создать систему перераспределения кадров между министерствами.

Особое значение придается подготовке условий для оперативного и гибкого использования по личному решению премьер-министра «группы стратегических сотрудников», занимающихся планированием, разработкой проектов и координацией по важным политическим вопросам. Имеется в виду формирование такой группы из числа не только правительственных чиновников, но и гражданских лиц. Таким же путем и министры могут пополнять ряды непосредственных помощников для работы по планированию и подготовке различных проектов.

— Наконец, ставится задача упорядочения труда государственных служащих, в частности, сокращения ставшего нормой чрезмерно длительного рабочего дня, сверхурочных работ.

Таковы главные пункты содержания правительственной программы кадровой реформы, которая должна охватить фактически всех общественных служащих, состоящих как на госслужбе, так и в органах местного самоуправления. В 2003 г. намечается представить в парламент поправки к Закону о государственных служащих, а переход к новой системе осуществить в 2006 г. Таким же путем и примерно в одинаковые сроки предполагается пересмотреть закон о местных общественных служащих и ввести новую его редакцию в действие.

Судя по правительственной программе, в основе замысла кадровой реформы лежит прежде всего надежда на повышение эффективности администрации за счет внесения сильного конкурентного начала в работу чиновников и обращения к активному использованию классического принципа «воздаяние за заслуги, кара за преступления». Второй главный вопрос этой реформы опре-

делается желанием расширить в правительственном аппарате слой «политических назначенцев» как из числа депутатов парламента, так и из частного сектора, предоставить им главную роль в принятии принципиальных решений, ослабив тем самым «бюрократическое влияние». Тому и другому мешала прежняя кадровая система, основывающаяся на послевоенном законодательстве и наличии Кадровой палаты, которая была учреждена в свое время в качестве компромисса за лишение государственных служащих права на защиту своих интересов коллективными действиями, включая забастовки. Не случайно факт разработки по инициативе ЛДП программы реформы расценивается в японской прессе как отражение единства этой партии в намерении «ослабить и профсоюзы, заботящиеся об основных правах трудящихся, и Кадровую палату»¹⁷. Несомненно, что намеченный правительством сценарий кадровой реформы вызовет немалые дискуссии, особенно в процессе пересмотра в парламенте законов об общественных служащих.

* * *

В самой Японии часто звучит пессимистическая оценка предыдущих десяти лет как «времени, упущенного для реформирования». Действительно, либеральные реформы во многих капиталистических странах начались и осуществлены значительно раньше. Но в Японии с середины 1990-х гг. структурные реформы, а среди них, в первую очередь, административная, как видно из приводимых здесь материалов, также получили свое начало и продолжают неуклонно продвигаться вперед. Другое дело, что идут они неспешно и разными темпами на каждом из их направлений.

В административной реформе наибольшее развитие получило дерегулирование, которое признано наиболее результативным. Символическим является изменение его официального толкования. Ранее оно формулировалось по-японски как «смягчение регулирования», теперь — «реформа регулирования». За этим стоит фактическое признание того, что дерегулирование — это процесс, требующий всестороннего подкрепления, включая судебную реформу. Иначе говоря, в ходе административной реформы осознается объективная необходимость одновременно с административным дерегулированием в его разных формах (отмена, смягчение и т.п.) вести поиск замещающих методов разрешения противоречий и конфликтов между субъектами гражданского общества.

На таком направлении административной реформы, как децентрализация, серьезные меры приняты для разграничения прав и функций между государством и местным самоуправлением. Тем не менее, по-настоящему самостоятельность местных органов власти еще не утвердилась, продолжается изучение способов предоставления им более полной финансовой независимости. Замедление решения этой задачи определяется не только нынешними финансовыми трудностями, громадным внутренним долгом государства и органов местного самоуправления, но и сложностью нахождения оптимального способа распределения налоговых источников финансирования, не позволяющего при этом утратить направленность нынешней системы финансирования префектур и муниципий на обеспечение одинакового для населения всей страны минимально необходимого уровня социальных услуг. В такой обстановке японское правительство сделало акцент на поощрение укрупнения, ведущего к трехкратному сокращению численности муниципий. Считается, что это обеспечит больше эффективности деятельности первичных органов местного самоуправления и расширит их финансовые возможности.

Поистине драматично развиваются события, касающиеся реорганизации общественных предприятий, которая с началом административной рефор-

мы объявлена важнейшим, наряду с дерегулированием, ее направлением. Здесь резко сталкиваются взгляды сторонников радикального реформирования, предполагающего преимущественно их ликвидацию и приватизацию, и сторонников осторожного подхода и главным образом сохранения разных видов общественного предпринимательства при его упорядочении и рационализации. В недавно принятой правительственной программе этой реформы отражено стремление ускорить реорганизацию общественных предприятий, но отнюдь не в радикальном духе.

В январе 2001 г. осуществлена крупная перестройка структуры центральной исполнительной власти, которая естественным образом потребовала и других перемен. Сейчас в Японии идет подготовка к осуществлению кадровой реформы, затрагивающей всю существующую систему общественной службы.

Завершить основные мероприятия административной реформы в целом планируется в 2005 г. или в последующие за этим несколько лет. Реальные же ее последствия, видимо, выявятся в более поздние сроки.

Неспешность, осмотрительность в проведении административной реформы в Японии наблюдалась в начальный ее период, когда у власти стояли коалиции партий правой и левой ориентации; она отмечается и сейчас, когда в коалиционном правлении доминируют либерал-демократы, считающие себя главной консервативной партией страны. Каждый шаг реформы становится плодом компромисса среди правящих партий, особенно внутри ЛДП. Фактором, определяющим глубину и темпы реформы, на практике являются не идеологические соображения, а согласование многообразных интересов разных слоев и групп населения и стремление найти оптимальные решения, не допускающие нарушения политической и социальной стабильности в стране.

1. Кравцевич А.И. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988. С. 6.
2. Ёмиури симбун. 1993. 9 сентября.
3. Гэкан кэйданрэн. 1999. № 7. С. 11-12.
4. Там же. С. 14.
5. Ёмиури симбун. 2001. 5 сентября.
6. Там же. 2001. 3 сентября.
7. Подробное изложение этого документа см.: Нихон кэйдзай симбун. 2001. 19 декабря. Ёмиури симбун. 2001. 19 декабря.
8. Нихон кэйдзай симбун. 2002. 3 января.
9. Токи-но угоки. 2001. № 10. С. 34-38.
10. Нихон кэйдзай симбун. 2001. 19 декабря.
11. Нонака Хирому. Дзякуся кирисутэ- ва сэйдзи-дэ-ва най [Отвергать слабых – это не политика] // Тюо корон. 2002. № 4. С.61-63.
12. Асо Таро. Сори-ва дзibun-но котоба-ни тораварэсугитэ иру [Премьер заморожен собственными словами] // Тюо корон. 2002. № 4. С. 67-69.
13. Кога Макото. Попюризуму сэйдзи-ва оватта. [Популистская политика кончилась] // Тюо корон. 2002. № 4. С. 64-66.
14. Хасимото Рютаро. Гёсэй кайкаку-ни тамасии-о ирэру [Вложим душу в административную реформу] // Гэкан Кэйданрэн. 2001. № 5. С. 11.
15. Там же. С. 12.
16. Подробное изложение документа см.: Ёмиури симбун. 2001. 26 декабря.
17. Ёмиури симбун. 2001. 26 декабря.

Борьба с коррупцией в Южной Корее

© 2002

К. Асмолов

Борьба с коррупцией — неотъемлемая часть современной политической жизни РК, особенно сейчас, в преддверии президентских выборов. Злободневность темы заставляет более серьезно разобраться в том, что стоит за предвыборной риторикой, какое место феномен коррупции занимает в традиционной административной культуре, кто и как с этим борется и насколько эта борьба служит целям политического противоборства.

Немного истории

«Продажность» чиновников определенно является элементом корейской политической традиции. Коррупционность режима Ли Сынмана была притчей во языцех. Например, последний при Ли Сынмане мэр Сеула брал взятки в размере от 10 до 30 % от общей суммы каждого контракта, который заключался от лица муниципалитета¹. Вторая Республика, невзирая на широкомащтабные антикоррупционные лозунги, тоже не оправдала надежд, так как ослабление жесткой системы сопровождалось новой волной коррупции.

Режим Пак Чжонхи многие считают временем, свободным от коррупции, но и это не так. Над сторонниками такой точки зрения довлеет образ самого Пака, который действительно отличался большой личной скромностью и боролся с коррупцией весьма активно, но эта борьба протекала сложно и упиралась в нехватку некоррупционированных кадров. Так, 25 сентября 1961 г. все члены созданной хунтой Комиссии по расследованию преступлений, связанных с коррупцией, были арестованы по обвинению в получении взяток. Значительное число деятелей из ближнего окружения главы государства, в том числе премьер-министр Ким Джонпхиль, было замешано в серьезных коррупционных скандалах, и, как отмечает такой известный исследователь, как Грегори Хендерсон², на президентских выборах 1967-го года тема коррупции занимала достаточно весомое место.

С дальнейшим ужесточением системы эта проблема особенно не поднималась, но 1994-1995 гг. снова стали временем целой серии скандалов, связанных с коррупцией и взволновавших общественное мнение. Представляется, что уровень шума был сознательно завышен: именно при Ким Ёлсаме началась практика тех широкомащтабных антикоррупционных кампаний, которая продолжается поныне.

Для современной Южной Кореи наиболее типичным выступает такой вид коррупционной деятельности, как использование влияния той или иной политической фигуры в обмен на финансовое вливание. По данным доклада, который сделал на проходившем в Сеуле 24-29 августа 1998 г. Международном

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

криминологическом конгрессе³ старший научный сотрудник Корейского института криминологии Ён Сонджин, каждый третий кореец в течение своей жизни прибегал к подкупу гражданского чиновника хотя бы раз в году. Такие выводы основывались на опросе, в котором участвовали 970 рядовых граждан и 1266 гражданских чиновников. Согласно ему, 349 из опрошенных граждан или предлагали гражданским чиновникам деньги и ценные подарки, или выставляли им угодие, причем 48% опрошенных делали это в сфере производства, 46% — в сфере развлечений, 37 — в строительном бизнесе. Взятки давали 28% «белых воротничков», существующих на жалование, и 27% владельцев ресторанов. Почти 70% предпринимателей сочли, что предложение взятки как выражение благодарности государственному чиновнику должно восприниматься правоохранительными органами «с терпимостью». Бизнесмены сказали, что они добровольно продолжают систематически подкармливать «своих чиновников» в соответствии с принятой практикой. Как правило, наиболее распространенные суммы взятки колебались в пределах от 60 до 100 тыс. вон либо от 100 до 500 тыс. вон. И только в 27% случаев дача взяток касалась мелких случаев нарушения закона вроде несоблюдения правил уличного движения.

В отличие от иных граждан, лишь 10% чиновников признались в том, что были вовлечены в незаконные отношения с предпринимателями, включая принятие подарков и денежных подношений. Тем не менее, даже эта цифра значительно выше официальной оценки, по которой 1% чиновников был замечен в подобных нарушениях и наказан за них. 38,6% чиновников, которых просили об оказании тех или иных услуг, ссылались на свое непосредственное начальство как основной источник внешнего давления. 24% назвали источником такого давления политиков или чиновников более высокого ранга, в то время как 22,4% — своих однокашников либо земляков. Отмечалось, что если прежде чиновники брали взятки для того, чтобы выжить, то теперь основной мотивацией является желание обеспечить себе спокойную старость после ухода на пенсию⁴.

По словам Чан Джунъо, сотрудника Корейского института криминологии, рост должностных преступлений связан с отсутствием законодательной базы, позволяющей эффективно карать использующих высокое служебное положение в личных целях. Но эта причина отнюдь не главная, и насчет подлинных истоков такого глубокого проникновения коррупции в жизнь корейцев существует несколько теорий. Согласно одной из них, коррупция вытекает из особенностей назначения корейского чиновничества. Дело в том, что в феодальной Корее жалование мелких чиновников было, как правило, невелико, и принятие взяток являлось не только элементом административно-политической культуры, но и способом выживания. Понятно, что это формировало определенный негативный имидж, однако в случае восстания гнев народа оказывался направленным против конкретных носителей несправедливости, которых быстро вырезали в самом начале бунта, после чего власти могли успокоить волнение, объявив причиной беспорядков недостойные действия отдельных лиц из числа чиновников и меняя их. Это давало возможность выпускать пар, не замахиваясь на основы системы, так что известный политолог Ян Сынчоль (Ян Сын Чер) утверждает, что корейская бюрократическая модель государства суть «организованная коррупция».

Согласно другой точке зрения, коррупция глубоко уходит корнями в деревенский быт. Типичная для патриархальной деревни практика обмена услугами была перенесена во власть. Для традиционного корейского общества хороший эмоциональный климат в отношениях между людьми очень важен, и потому отказывать, когда просят об одолжении, считается неприличным. Коррупция и протекционизм были естественным следствием такого положения дел. Высокий ранг расценивался как плата за лояльность и одновременно как

способ вернуть потраченные на пути к нему средства, а также — отблагодарить тех благодетелей, которые оказывали назначенцу протекцию. Такой исследователь корейской бюрократии, как Пэк Ванги, подмечает, что госслужащие нередко воспринимают свой пост как свою «частную собственность» или доходное место.

Согласно третьей теории, дело в стремлении корейцев превращать формальные отношения в неформальные, а также в слабости в национальной традиции понятия закона. Традиционный конфуцианский правитель управляет страной не посредством закона, а за счет своих выдающихся личных качеств, являясь скорее харизматическим лидером. Закон, правовая система и бюрократия воспринимались как чуждые и опасные структуры, общения с которыми стоит избегать. А если и приходится это делать, то не по правилам, а по-свойски.

В результате корейская бюрократия более персонифицирована. Чиновник является не столько безликим винтиком системы, сколько человеком со своими пристрастиями и антипатиями. Также и проситель воспринимается не как отдельный человек с какой-то проблемой, а как представитель определенной группы, которому надо уделить большее или меньшее внимание. Под этим углом зрения повышается и значение «взятки», цель которой не столько соблазнить чиновника выгодой, сколько вовлечь его в процесс более неформальных отношений, представ перед ним в роли не заурядного просителя, а «своего человека».

С другой стороны, борьба с коррупцией также является достаточно важным элементом, деталью корейской политической традиции, в истории которой было немало примеров столкновения клик, использующих государственную власть в личных целях. «Вскрытие злоупотреблений и наказание преступной клики, узурпировавшей власть» — постулат, встречающийся в корейской политической культуре весьма часто. Кроме того, практика коррупции противоречит конфуцианскому идеалу благородной бедности и пренебрежительного отношения совершенномуудрого к материальным благам.

Кто и как борется с коррупцией в РК

В отличие от времен Ким Ёнсама, который в своих речах фактически прямо указывал, где должно искать коррупционеров, нынешняя партия власти президента Ким Дэчжуна не обозначала направления поиска врага. Инициатива отдавалась местам.

Единого органа, который занимался бы борьбой с коррупцией, нет. Когда в начале 1998 г. Ким Дэчжун только пришел к власти, основную роль играла Палата аудита и инспекции, которую попытались наделить блоком дополнительных полномочий.

Палату планировалось объединить с другими контрольно-финансовыми органами, дабы создать единый центр, который бы наблюдал за изменениями в структуре собственности высокопоставленных государственных чиновников и занимался проверкой их деятельности. Для осуществления этого проекта члены Палаты даже обратились 23 апреля 1998 г. к президенту с просьбой расширить их полномочия, дав им, в частности, право проверять всю (в том числе личную) бухгалтерию подозреваемых в коррупции государственных чиновников.⁵ Однако впоследствии проект реализован не был, роль Палаты уменьшилась.

Значительную роль в борьбе с коррупцией играет прокуратура, которая, по мнению президента, должна была внимательно следить за деловыми и политическими кругами в интересах установления в стране «прозрачной» рыночной экономики. Как заметил Ким Дэчжун, выступая 13 апреля 1998 г. перед группой прокурорских работников, если бы прокуратура пресекла связи меж-

ду бизнесменами и политиками, обанкротившаяся группа «Ханбо» (с ее банкротства начался кризис в РК) не сумела бы выкачать из банков столь крупные суммы и не появились бы аморальные бизнесмены, разбогатевшие за счет своих связей в правящей партии⁶.

На кампанию борьбы с коррупцией оказало влияние и возникновение многочисленных «гражданских групп». Существует так называемая «Корейская независимая комиссия против коррупции» (КНКПК) — общественная организация, сформировавшаяся в основном из членов оппозиции. Ее деятельности уделяется так много места в прессе, что Комиссию можно принять за правительственный орган, каковым она не является. С правовой точки зрения она не имеет никаких полномочий вести расследования, однако ее члены занимаются сбором информации о коррупционерах во власти и затем не только передают эту информацию, но и наблюдают за тем, насколько активно ведется следствие по этим материалам. Более того, в случае, если возбужденное по ним дело закрывают, Комиссия имеет право обращаться в более высокую инстанцию. Естественно, что Комиссия используется и как средство давления и что отношения между ней и прокуратурой далеко не безоблачные.

Так как борьба с коррупцией всегда связана с политической борьбой, кадровому вопросу здесь уделяется особенно большое внимание. Следователя из противоположного лагеря всегда можно обвинить в том, что он изначально гнет определенную линию, а не ведет объективное расследование. Поэтому периодически устраиваются смешанные комиссии, в составе которых есть представители и «своих», и «чужих», и поэтому эффективность деятельности таких комиссий постоянно служит объектом критики.

Так, правящая Демократическая партия нового тысячелетия (ДПНТ) сейчас активно предлагает создать совместную специальную комиссию и провести открытые парламентские слушания по всем коррупционным делам сразу — вплоть до уровня самого президента, не говоря о лидерах оппозиции. Основная же оппозиционная партия «Ханнара» объявляет это предложение демагогическим, подчеркивая необходимость иметь независимых наблюдателей за ходом следствия или создать особый прокурорский орган, который занялся бы коррупцией в высших эшелонах власти.

Собственно, для корейцев все это не ново. Подобные органы периодически возникали еще при Пак Чжонхи, и даже усиление полномочий Палаты аудита и инспекции в начале правления Ким Дэчжуна можно считать формой создания чрезвычайного органа. Но обычно такие образования либо сами погрязали в коррупции, либо быстро расформировывались, как только достигалась конкретная цель в рамках борьбы за передел власти.

Как же протекает процесс антикоррупционной борьбы и что предпринимает правительство для того, чтобы достичь результата? В основном эта борьба принимает форму бурных кампаний по уничтожению данного социального зла, имеющих отчетливую политическую окраску. То, что коррупция и протекционизм являются составными элементами традиционной политической культуры, которые в равной мере присущи и партии власти, и оппозиции, при этом как бы не замечается.

Потому кампании антикоррупционной борьбы, затрагивающей структуры власти, протекают всплесками. Первый, как правило, происходит перед выборами, когда взаимные обвинения в коррупции и обещания с ней покончить выступают обязательными элементами политических схваток. Второй случается через некоторое время после взятия власти, когда, выждав необходимое время, победитель начинает ее передел, используя коррупцию как предлог для смещения неугодных. В условиях корейской бюрократической системы, где личные связи часто играют определяющую роль, обвинить в кор-

рупции (оказании услуг в обмен на услуги) можно практически любого, а пресса с готовностью создаст необходимый уровень шумихи. Напрашивается аналогия с историей борьбы между собой феодальных кланов XVII-XVIII вв., когда дела, аналогичные сегодняшним обвинениям в коррупции, а именно — обвинения в создании преступной клики, расхищающей сокровища страны, часто использовались как формальный предлог для отлучения от кормила правления той или иной группировки.

Понятно, что при каждом «сезонном обострении» всплывают и «дежурные» темы — важность внедрения правильной этики среди госслужащих хотя бы путем принятия какого-нибудь специального кодекса, потребность в «более прозрачной» процедуре оформления банковских счетов и переводов денег, исключающей возможность создания тайных фондов, необходимость соблюдения принципа презумпции невиновности, запрещающего обвинять человека до тех пор, пока его вина действительно не доказана.

Последнее действительно достаточно важно, ибо корейская традиция пренебрежения к закону как средству установления справедливости проявляется и в том, как организуется борьба с коррупцией. Ряд иностранных экспертов в связи с этим утверждал, что в 1998 г., когда чистки достигли своего апогея, уровень нарушения прав человека в Южной Корее был выше, чем при двух предыдущих президентствах. По их мнению, антикоррупционная политика Ким Дэчжуна была направлена исключительно на то, чтобы задавить политических противников и расчистить место для той новой группы в деловых кругах, которая была ему опорой и вошла во власть вместе с ним.

В основном речь идет о заведомом нарушении презумпции невиновности, особенно, как отмечалось выше, в связи с использованием СМИ. Очень часто пресса муссирует дело еще до того, как собрано достаточное количество улик. В статьях пишут о подозрениях, что некто замешан в таких-то и таких-то делишках и что, как только прокуратура получит достаточное количество доказательств, он будет водворен за решетку. Стоит кому-то быть вызванным в прокуратуру для дачи показаний по тому или иному поводу, как СМИ подают его как преступника, арест которого — дело ближайшего времени.

При этом, законам, ужесточающим наказание за коррупцию, часто придавалась обратная сила. Считалось, что так как существующие наказания за взятки недостаточны, то следует карать и тех, кто совершил преступления до принятия новой трактовки закона. Например, бывший президент группы «Ханбо» Чон Дэсу, уже осужденный на 15 лет за свою роль в финансовом скандале, связанном с нарушениями в компании, дополнительно получил еще 6 лет. Как было заявлено органами прокуратуры, «Чон должен понести ответственность за унижение народа и его слуг — чиновников, которые хотели бы видеть руки политических деятелей чистыми»⁷. Доносы на коррупционеров всячески поощрялись: даже арестованный взяточодатель имеет право на поблажку, если будет сотрудничать с властями и называть имена взяточполучателей⁸.

Другим направлением борьбы с коррупцией является совершенствование морали. Еще в 1999 г правительство пыталось ввести набор правил для чиновников, но эти рекомендации не обрели официального статуса и потому игнорировались. КНКПК тоже предлагала ввести жесткий кодекс поведения служащих, имеющий статус закона. Согласно проекту кодекса, наказание ждало чиновников, если они или члены их семей получают деньги или ценные подарки от лиц, связанных с ними деловыми отношениями. Таким чиновникам запрещалось бы управлять акциями или недвижимостью, они не имели бы права вступать в политическую партию или финансово поддерживать того или иного политического деятеля, равно как снабжать его служебной информацией⁹.

Понятно, что в своей исходной версии такой проект подрывал бы вообще всю традиционную систему деловых связей, в которой благодарить за услугу следует обязательно. Более того, принятие закона позволяло карать почти любого чиновника, получившего подарок вне зависимости от его стоимости и намерений дарителя, да и оговорка относительно деловых отношений носила неопределенный характер.

Проект определенно преследовал демагогические цели со стороны оппозиции, под патронажем которой действовала Комиссия. Если бы этот слишком кардинальный план не был принят, Комиссия получала дополнительный повод критиковать правительство. Поэтому часть ее предложений власти все же приняли: каждое учреждение должно было до октября 2002 г. принять кодекс поведения своих работников, вступающий в силу с 1 января 2003 г.

Однако против идеи кодекса выступили ассоциации служащих, занимающие в государственных учреждениях нишу профсоюзов. По их мнению, он принесет не пользу, а вред, поскольку будет закреплять в обществе представление о чиновниках как о слое настолько продажном, что ему нужны специальные напоминания о том, как должно себя вести. К тому же он бьет по коррупции не в высшем, а в среднем и низшем эшелоне госслужащих, делая из последнего козла отпущения. Наконец, указывали представители ассоциаций служащих, в корейской истории попытки создать подобные кодексы поведения чиновников безуспешно предпринимались шесть раз.

Под влиянием критики Комиссия стала убирать из проекта кодекса такие наиболее уязвимые позиции, как установление денежного потолка для "подарков" (их первоначально хотели разрешить принимать стоимостью максимум на 200 тыс. вон в год и не более чем 50 тыс. вон, или 39 ам. долл., за один предмет), как запрет на любые подарки со стороны лиц, "связанных с чиновником деловыми отношениями", а также запрет для чиновника на приработок, превышающий 30% его годового жалования: теперь это станет возможным, но с официального одобрения начальства. В таком варианте проект кодекса пользуется, как утверждает Комиссия, одобрением общественного мнения — по данным опроса, 75% опрошенных поддерживают его принятие, считая, что это поможет в борьбе с коррупцией¹⁰.

Еще несколько деталей, характеризующих нынешнюю борьбу с коррупцией в РК. Так, борцов с коррупцией интересуют, в первую очередь, не взятки, сунутые в конверте, а деньги, переведенные со счета на счет. Поэтому в печати почти не появляются сообщения о том, что некоего взяточника взяли в момент, скажем, получения денег путем передачи ему меченых купюр. Возможно, это связано с тем, что по сравнению с российской ситуацией, в Южной Корее вариант, когда чиновник сам вымогает взятку, встречается реже.

Почти всегда в деле присутствует «список подкупленных» или тех, кто давал взятки, хотя тот факт, что взяточник вел подробные дневники, в которых фиксировал, кто, когда и сколько ему заплатил за услуги, может показаться странным. Однако в РК факт наличия списка с трехзначным числом людей, замешанных в коррупции, нередко обсуждается в СМИ, но конкретные имена называются редко. Возможно, поскольку упоминание имени в газетах означает для него "потерю лица", считается, что лучше вынуждать человека "уйти по-хорошему".

Поскольку прикармливание чиновника не воспринимается общественным мнением как тяжкое преступление, процесс борьбы с коррупцией не встречает серьезного сопротивления. Фигуранты не пытаются скрываться или запутывать следствие. Задержанные взятодатели достаточно активно сотрудничают со следствием, выдавая свои контакты. Это можно объяснить как воздействием на них со стороны органов следствия, так и тем, что следствию интересны не столько дающие, сколько получающие взятки из числа чиновников

или депутатов Национальной Ассамблеи. Поэтому и репрессивные меры по отношению к взяточдателям относительно мягки — заключение под стражу применяется далеко не всегда и не сразу. Обычно подозреваемому просто запрещают выезд из страны.

Борьба с коррупцией в начале правления Ким Дэчжуна

Первая вспышка борьбы с коррупцией, имевшая место в 1998 г., в начале правления Ким Дэчжуна, была связана с попыткой президента «реформировать общество» и выглядела как программа поднятия дисциплины нации посредством реформирования социальной структуры, построенной на традиционном, пронизанном коррупцией, фундаменте экономических взаимоотношений. В своих выступлениях на эту тему Ким Дэчжун был весьма мелодраматичен, допуская формулировки типа «Даже если небо упадет на землю, мы все равно выдерем коррупцию с корнем».

Уже 26 мая 1998 г. правительство предупредило, что после местных выборов 4 июля начнется большая чистка. В течение последующих двух месяцев была проведена тщательная проверка государственных организаций и особенно их руководителей: как они контролируют свои учреждения и подразделения, насколько эффективно используют свои полномочия для принятия нужных решений и насколько честно ведут кадровую политику. К 31 июля 1998 г. правительство намеревалось предпринять дисциплинарные меры в отношении тех, кто был замечен «в четырех проступках», а именно: излишнем легком отношении к работе, циничном отношении к своим обязанностям, постоянных жалобах и работе без энтузиазма. Запятнанные этими прегрешениями чиновники увольнялись из органов власти, с лишением выходного пособия и права работать в государственных структурах. В итоге, к середине октября 1998 г. за взятки были наказаны более 300 чиновников госслужбы, в том числе ряд министров, и жертвами антикоррупционной кампании становились все новые лица. Общественность была потрясена, например, когда одним из пострадавших оказался мэр города Соннам, ранее подававшийся как образец «чиновника с чистыми руками».

У столь широкомасштабной кампании было несколько причин. Во-первых, Ким Дэчжун в своих выступлениях неоднократно проводил мысль о том, что причина финансового кризиса — в сращивании верхушки бизнеса с верхушкой политических партий, которые своими действиями, направленными на обеспечение узких интересов той или иной промышленной группы, подрывали благосостояние страны.

Во-вторых, Ким Дэчжун все-таки начал новый «рекрутский набор». То, что он не сделал этого сразу же по приходе к власти можно объяснить тем, что он действительно не хотел походить в этом на своих предшественников, и думал передоверить управление профессионалам. Однако силы и группы, которые стояли за Ким Дэчжуном, требовали от него государственного благоприятствования в обмен на оказанную перед выборами финансовую поддержку. Для того, чтобы обеспечить им это, было нужно провести серьезную «расчистку» мест в госаппарате, занятых выходцами из других регионов и кланов.

В-третьих, нынешнему президенту приходилось действовать в рамках своего имиджа «демократа и борца с номенклатурой»: как известно, Ким Дэчжун делал свою политическую карьеру в образе последовательного диссидента и приверженца принципов демократии в западном их понимании. Потому комплекс его действий можно воспринимать как стремление подтвердить этот имидж, в частности определенными шагами по борьбе с проявлениями традиционной политической культуры, создающими препятствия на пути строительства в стране демократии западного типа.

Эта линия нашла отражение в нескольких широко обсуждавшихся в прессе громких делах апреля-июля 1998 г.

Бывший президент финансово-промышленной группы "Киа" Ким Сынхон был обвинен в том, что он не только незаконно манипулировал деньгами этой группы ради сохранения на плаву терпевшей бедствие автомобильной компании "Киа моторс" — основного предприятия группы, но и выступил также гарантом нескольких других, еще были слабых в финансовом отношении компаний, чем нанес ущерб финансовой системе страны. Ким Сынхон в этих целях использовал насчитывавшие несколько сот миллиардов вон секретные фонды, давая взятки деятелям тогдашней правящей партии для того, чтобы спасти компанию от банкротства и передачи руководства ею третьим лицам. Власти утверждали, что кризис, связанный с "Киа", был символом "недостойных связей политиков и предпринимателей" и даже событием, повлекшим экономический кризис 1997 г. в Южной Корее. Практически сразу же бывшая правящая партия "Ханнара" заявила, что делу намеренно придают политический характер, поскольку следственные органы активно пытаются притянуть к нему видных деятелей прошлого кабинета как ответственных за кризис в экономике страны, причем не из-за каких-то стратегических просчетов, а просто в силу своей коррумпированности. Например, следствие очень активно искало связь между "Киа" и министром финансов и экономики правительства Ким Ёнсама Кан Ёнсиком по принципу: "Он непременно должен был дать ему взятку. Нам остается только отыскать доказательства этого".

Не менее показательна ситуация, связанная с компанией "Хайтай". Объектом нападок прессы был депутат от "Ханнара" Ким Доннен, который лично оказывал давление на банки с целью получения займа для этой испытывавшей финансовые трудности компании и убедил Ким Инхо, президентского советника по экономике в годы правления Ким Ёнсама, способствовать предоставлению ей банковского кредита. Действительно, факт обращения за такой помощью был подтвержден руководителем группы "Хайтай" Пак Кунбэ, признавшим, что он просил депутатов от "Ханнара" помочь его конгломерату получить заем. Ким Инхо со своей стороны тоже признался, что по просьбе Ким Доннена в 1997 г. использовал свое влияние, дабы понудить банки дать необходимые суммы, невзирая на их нежелание делать это. В свое оправдание Ким заявил, что 25 августа 1997 г. он докладывал о проблемах компании «Хайтай» Ким Ёнсаму и тот посоветовал ему «оживить» деятельность компании «собственными силами», что тот понял как необходимость организовать заем.

Очевидно, что на выявление причастности к делам представителей бывшей правящей партии обращалось особое внимание. Можно выделить два направления обвинений: злоупотребление служебным положением и создание нелегальных фондов для предвыборной кампании (в чем оппозиция, кстати, обвиняет и самого Ким Дэчжуна).

Обвинения второго рода при этом выдвигались и в других случаях. Так, 2 сентября 1998 г. прокуратура обратилась в суд с ходатайством об аресте Им Чхэджу, бывшего руководителя Национальной налоговой администрации, по обвинению в создании нелегального фонда для президентской кампании оппозиционной партии. Согласно данным прокурорской проверки, Им получил от представителей финансовых конгломератов, в том числе «Хёндэ» и «Дэу», 3,8 млрд. вон (по другим сведениям, 6,1 млрд. вон), которые незадолго до выборов передал оппозиционной партии.

Прокуратура также, судя по информации в печати, собиралась арестовать другого депутата Национальной Ассамблеи — Со Санмока. Депутат Со, близкий к нынешнему руководителю «Ханнара» Ли Хведжану, был од-

ной из первых мишеней борьбы с коррупцией. Как заявил представитель следствия, в ходе допроса Со признал, что просил бывшего чиновника Национальной налоговой службы собрать деньги с основных бизнес-групп, и передал полученные от него 7,8 млрд. вон (по другим публикациям, 5 млрд. вон) на нужды своей партии.

В связи с этим «Ханнара» в очередной раз заявила о политической поддержке всех этих действий, а пресс-секретарь бывшего президента Ким Джунгвон добавил что наказание лоббистов и взяточполучателей не имеет ничего общего с установлением межпартийного диалога в стране.

19 сентября 1998 г. прокуратура подписала ордер на арест депутата от «Ханнара» Пэк Намчхи, подозреваемого в получении в 1996 г. 120 млн. вон от строительной компании «Тонъа». Замахнулись даже на председателя партии «Ханнара» Ли Гитхэка и собирались допросить его по подозрению в получении взяток от компании «Кёнсон». В ответ Ли Гитхэк в знак протеста против намерения следствия его арестовать объявил голодовку, заявив о своей невиновности

Громкий характер имел скандал вокруг упомянутой выше строительной компании «Кёнсон». Ее представители, как сообщалось, давали взятки различным политическим деятелям (следствие опубликовало список из 15 фамилий) в обмен за содействие в получении банковских кредитов.

Значительной чистке подвергались не только политические и деловые круги, но и армейские структуры. Наиболее известным делом о коррупции в армии было дело группы, руководимой пятидесятитрехлетним прапорщиком Вон Енсу, получившим деньги за предоставление хороших мест службы или за отсрочку от воинского призыва для более ста новобранцев, которые были детьми влиятельных людей или его знакомых. Тема эта оказалась достаточно болезненной, поскольку при наличии в РК обязательной воинской службы история с сыновьями высокопоставленных отцов была воспринята общественным мнением крайне болезненно.

Вон был арестован в начале июля 1998 г. вместе с еще четырьмя офицерами. Практически сразу же из органов военной прокуратуры в газеты поступила информация о «списке» (точнее, двух блокнотах с именами) лиц, от которых он якобы получал взятки. Выяснилось, что в списке клиентов Вона присутствует около десяти сыновей депутатов Национальной Ассамблеи (как от правящей партии, так и от оппозиции).

В июне в прессе было сообщено, что всего фигурантов по делу насчитывается более 600 и что огласке будет предано около 200 имен¹¹. Позднее выяснилось, что в блокнотах Вона всего было записано только 438 имен и что 199 из упоминавшихся в них вообще не платили ему каких-либо денег.

В связи с делом Вона в армии началась большая чистка, в первую очередь в структурах, отвечающих за набор и распределение призывников. Ким Дэчжун дал указание не щадить никого, независимо от ранга и звания, и внутреннее расследование было проведено даже в отношении тех, кто просто периодически получал от Вона какие-то подарки. 19 июня 1998 г. объявили, что в деле замешаны около десяти генералов, каждый из которых получит по заслугам в соответствии со степенью его причастности.

В конце концов, список из 168 фамилий был обнародован. Он включал 136 родителей, заплативших за освобождение своих сыновей от военной службы, 16 чиновников из военного Управления кадров и 17 посредников. 7 человек из него арестовали, 29 — предъявили обвинение без заключения под стражу, 19 человек объявили в розыск и 81 — заплатил штраф в размере от 1 до 5 млн. вон. Детей из семей, указанных в списке, обязали

пройти повторную медкомиссию, дабы определить действительную степень их годности к воинской службе.

Эта история не единственная. Генерал-лейтенант Пак Хёнджин был разжалован и арестован за хищения в размере около 150 млн. вон. Пак, в 1996-1998 гг. занимавший должность начальника штаба разведки при Объединенном комитете начальников штабов, был снят со своего поста в результате внутреннего расследования. По словам чиновника министерства обороны, Пак полностью признал свою вину, а следствие обнаружило банковскую книжку, на которую он откладывал похищенные деньги¹².

Однако с коррупцией боролись не только в среде депутатов или генералов. Под следствием оказалась группа руководителей корейской Ассоциации хоккея с шайбой во главе с ее президентом Пак Капчхолом, которые брали взятки от родителей абитуриентов за организацию поступления их детей в университет, где они освобождались от военной службы под предлогом зачисления в хоккейные команды.

Еще одно направление репрессий коснулось так называемых «хаквон» — частных подготовительных курсов, на которых школьники занимаются в вечернее время в дополнение к своим занятиям в школе. Это объяснили тем, что на этих курсах подрабатывало немалое количество школьных учителей, часть из которых сознательно манкировала при этом своими обязанностями по месту основной работы.

Новости сезона 2002 года

В 1999-2000 гг. общая интенсивность борьбы с коррупцией несколько спала. Это было связано и с тем, что вчерашние борцы с коррупцией почувствовали вкус власти, и начали пользоваться ее плодами сами, и с тем, что со временем энтузиазма поубавилось, и с тем, что у режима появились более важные проблемы. В результате инициатива перешла к оппозиции, и теперь в роли критика стала выступать она.

Ныне, перед декабрьскими президентскими выборами 2002 г., в Южной Корее происходит очередное обострение борьбы с коррупцией. Главная мишень, по традиции, — дети и ближайшие сторонники руководителей властных структур, администрация Ким Дэчжуна.

В настоящее время за решеткой находятся второй и третий сыновья Ким Дэчжуна — Ким Хонъоп и Ким Хонголь, его племянник Ли Хёнтхэк, исполнительный директор «Korea Deposit Insurance Corp.» и несколько близких к президенту людей, в том числе — Квон Ноган и Ли Судон, руководитель научно-исследовательского Фонда за мир в АТР, основанного Ким Дэчжуном и носящего его имя.

По данным Генеральной прокуратуры, количество подозреваемых в должностных преступлениях в 2002 г. составило 150 человек, что почти в 2,5 раза больше, чем за тот же период прошлого года. Общее же число подозреваемых в должностных преступлениях в 1998 — 2001 гг. составило 737 человек, из них в 1998 г. — 184, в 1999 — 186, в 2000 — 199 и в 2001 — 168. Это в 1,5 раза больше, чем число подозреваемых в том же в первые четыре года правления Ким Ёнсама (в 1993-1996 гг. — всего 491 человек). Из числа арестованных 79 человек относятся к окружению Ким Дэчжуна, в том числе многие деятели прокуратуры и адвокатуры.¹³

Оппозиция использует эти данные как доказательство того, что по уровню коррупции во власти Ким Дэчжун оставил своего предшественника далеко позади. Правда, из этой статистики почему-то выпали данные за последний год президентства Ким Ёнсама, который как раз и был характерен

всплеском дел о злоупотреблении властью, выплывших на поверхность в результате кризиса.

Объект главного удара «Ханнара» — второй сын Ким Дэчжуна Ким Хонъоп. Обвинения против него были выдвинуты после скандала, в котором были замешаны предприниматель Ли Ёнхо (его обвинили в том, что он связан с организованной преступностью и подкупал влиятельных политических деятелей и чиновников для того, чтобы скрыть свои махинации) и некто Ким Сонхван, ходивший в друзьях у Ким Хонъопа.

Второго сына президента обвиняют в том, что он получил взятки от ряда компаний на общую сумму около 4 млн. долларов (4,78 млрд. вон), из которых примерно половину (2,58 млрд. вон) деньгами, а остальное в виде ценных подарков, в связи с чем против него было выдвинуто дополнительное обвинение в уклонении от уплаты налогов, так как недоплаченная сумма налогов с денежных пожертвований составила 580 млн. вон¹⁴. Ким отказывался подтвердить факт взяток, утверждая, что он просто брал деньги в долг для того, чтобы поддерживать материально Фонд за мир в АТР, вице-председателем которого состоял.

По данным прокуратуры, Ким Хонъоп получил в течение 1998 — 2000 гг. 1,6 млрд. вон в виде денежных пожертвований от покойного основателя компании «Хёндэ» Чон Джуёна (Чон Чжу Ёна) и 500 млн. вон от компании «Самсунг». Кроме того, Фонд получил 35 млн. вон из средств Национальной разведывательной службы. Прокуратура считает также, что Ким отмывал часть «нетрудовых доходов» через своего школьного товарища, бизнесмена Ким Сонхвана.

В обмен на эти взятки он, согласно обвинениям, пытался воздействовать на чиновников Национальной налоговой службы с тем, чтобы те не проводили аудиторские проверки в определенных компаниях. Однако нет свидетельств, что такое давление имело какой-то успех. Поэтому закономерен вопрос: если второй сын президента столь влиятельное лицо, то почему не были приняты во внимание его ходатайства?

Подтвержденной считается только информация о том, что Ким получил несколько десятков миллионов вон от двух отпрысков руководителей крупных компаний и что эти деньги пошли на его развлечения — совместные кутежи в дорогих заведениях, которые целиком оплачивались собутельниками (практика для Кореи широко распространенная), и его поездки за границу на чужой счет.

Младший сын президента Ким Хонголь обвиняется в получении взяток от деятелей шоу-бизнеса. Большую часть времени Ким Хонголь проводил в США, и общественное мнение постоянно критиковало его за то, что он ведет там излишне шикарный образ жизни, не имея на то соответствующих источников дохода.

ДПНТ «парировала», обвинения напоминая старую историю о том, как руководитель партии «Ханнара» Ли Хведжан (Ли Хве Чан) пытался избавить своего сына от военной службы руками соответствующих должностных лиц. Эту тему затрагивали в своих выступлениях многие представители ДПНТ, в том числе и такие ее ключевые фигуры, как официальный кандидат этой партии на президентских выборах 2002 г. Ро Мухён.

Ли Хведжана обвиняют и в том, что он получил 200 тыс. долларов от арестованного бизнесмена и лоббиста Чхве Гюсона. В ответ на обвинения представитель «Ханнара» Со Чхонвон заявил, что они беспочвенны или в основном касаются прошлого, от которого Ли Хведжан давно «отмылся», и сравнил сыновей нынешнего президента с гангстерами и сомнительными предпринимате-

лями-авантюристами, намекнув, что сам Ким Дэчжун тоже может стать мишенью специального парламентского расследования.

Пользуясь скандалом вокруг президентских детей, "Ханнара" одержала уверенную победу на местных выборах 13 июня 2002 г., а сейчас, в канун президентских выборов, согласно опросам общественного мнения, Ли опережает кандидата правящей партии на 10%. Неудача правящей партии вызвала обострение фракционной борьбы внутри нее, чреватое расколом. Ким Дэчжун сначала публично извинился за поступки своих родных, потом вышел из руководства правящей партии, а затем вовсе из рядов ДПНТ. Более того, он стал заметно воздерживаться от публичных выступлений, что в печати истолковывают как следствие историй с его сыновьями.

Чем объяснить такой успех оппозиции? Если сравнивать "дела" сыновей Ким Дэчжуна и сыновей Ким Енсама, то нетрудно заметить, что невзирая на примерно одинаковый уровень шума вокруг них "мера криминала" в первом случае выглядит куда меньшей.

Возможно, дело в том, что на фоне сформировавшегося образа Ким Дэчжуна и развернутой им в первый период своего правления тотальной борьбы с коррупцией любая соринка в его собственном глазу кажется местным обозревателям бревном. Очень хочется, по-видимому, представить данный скандал как явное следствие процессов гласности, демократизации и глобализации в Южной Корее. Дескать, даже сын президента подсуден, и мы не боимся об этом говорить. Однако нетрудно заметить, что скандалы в президентских семействах случаются каждый раз под очередные выборы, иллюстрируя косвенно то, что основным методом в противоборстве различных группировок за власть является не столкновение позиций вокруг кардинальных путей развития страны, а организация банального личного компромата.

Еще одно направление взаимных политических обвинений — следственные органы. В настоящее время прокуратура рассматривает возможность возбуждения уголовного дела против бывшего Генерального прокурора Син Сыннама и руководителя прокуратуры провинции Кванджу Ким Дэуна (заметим, что Син, оставивший свой пост в январе 2002 г., — третий по счету бывший Генеральный прокурор РК, обвиненный в коррупции). Они обвиняются в организации утечки информации, в результате которой данные, важные для расследования дела Ли Судона о получении им взяток в ноябре 2001 г., попали в руки помощников Ким Дэчжуна. Кроме этого, Син подозревается в том, что в мае 2000 г. назначил на должность проверяющего одного из близких друзей Ким Хонъопа, в результате чего расследование дела о коррупции в одной из строительных компаний было свернуто¹⁵.

В вину Сину ставят то, что он неоднократно требовал от следователей прокуратуры, ведущих дела о коррупции, докладов об их работе. Но ведь такое требование — в рамках его полномочий, а доказательств утечки информации пресса так и не привела.

Подозревается в коррупции также бывший начальник Национальной налоговой службы Ан Джоннам (он сейчас находится в США). Сотрудники прокуратуры получили информацию, согласно которой в конце 2000 г. по просьбе Ким Хонъопа тот приказал своим подчиненным не проводить аудиторскую проверку сети пиццерий, названия которых почему-то не установлены.

Существует подозрение, что в связи с делом Ким Хонъопа Голубой дом оказывал давление на министра юстиции Сон Джонхо с тем, чтобы сына президента не брали под стражу, но после консультаций со своим штабом министр отказал¹⁶. Понятно, что от означенного факта открепщаются обе стороны, однако наблюдатели отмечают, что вопрос всплыл как раз тогда, когда

Ким Дэчжун собирался перетрясти кабинет и сменить несколько министров, в том числе — министра юстиции, который, возможно, захотел представить свое смещение как месть за его принципиальность в вопросе о сыне президента.

Тем не менее, очевидно, что скандалы, связанные с коррупцией, происходят все-таки не только в сфере политики. Параллельно с историей вокруг детей президента в Корею развернулся скандал, связанный со сферой шоу-бизнеса и вызывающий серьезный общественный резонанс. Суть его очень проста. Несколько кадровых агентств в сфере шоу-бизнеса (а именно — «SM Entertainment», «GM Planning», «Sidus» и «Doremi Media») платили большие деньги продюсерам и в СМИ в обмен на протекцию, которую те оказывали их клиентам. В основном, речь шла о уплате взяток за то, чтобы певцы, представленные данными агентствами, принимали участие в музыкальных программах ТВ, а раскрутка их альбомов входила бы в рекламу. Взятки были достаточно велики. Так, редактор отдела развлечений большой спортивной газеты получил 19 млн. вон от киностудии за рекламу ее фильмов и еще 3 млн. вон от одного из агентств за хвалебные статьи, посвященные певцам, интересы которых агентство представляло¹⁷.

По данным на середину августа 2002 г. больше 30 человек из числа телепродюсеров или руководителей индустрии развлечений получили запрет на выезд из страны. Прокуратура ведет тотальную проверку банковских счетов и опрос продюсеров крупнейших телекомпаний, рекомендуя тем явиться на допрос добровольно. Арестованных пока мало (директор программ телевидения, наиболее сильно засветившийся на взятках, а также популярная певица и ее менеджер, которые пытались заплатить чиновнику с телевидения с тем, чтобы певица получила постоянный доступ к участию в музыкальных программах). Тот факт, что в скандале оказались замешанными 4 упомянутых самых известных кадровых агентства, которые в целом практически монополизировали эту часть рынка индустрии развлечений, делает его темой, очень активно муссируемой в СМИ, причем в газетах на корейском языке удельный вес публикаций, связанных с этим скандалом, практически равен числу публикаций о скандалах политических¹⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что тот комплекс административных взаимоотношений, который у нас принято связывать с понятием «коррупция», в Корею является не столько безусловным социальным злом, сколько глубоко укоренившимся элементом бюрократической культуры. Изживать этот комплекс должно не посредством кавалерийского наскока или введения чрезвычайных мер, а кропотливой работой по изменению всего механизма управления, с одной стороны, и структуры общественных взаимоотношений — с другой. Более того, возможно, попытка выкорчевать коррупцию одним махом является фактором, влияющим на экономические проблемы страны.

Автор этой статьи сталкивался с приватным мнением некоторых корейских экономистов, что определенный спад южнокорейской экономики связан именно с витком антикоррупционной борьбы, так как традиционная система деловых и финансовых связей оказалась разрушенной или парализованной, ибо любая попытка чиновника активно поддерживать тот или иной проект может быть истолкована как проявление коррупции, а потому и бизнесмены, и чиновники выбиты из колеи и предпочитают вообще ничего не делать, дабы избежать риска.

Элементы коррупции, как обмена услугами, выражения благодарности за услуги и стремления превратить деловые отношения в неформальные, глубоко проникли во все сферы общества, уличить в коррупции можно практически любого, нацеливаясь не на действительный объем его прегрешений, а на последствия, которые это обвинение принесет в политической игре. Большин-

ство громких дел, муссирующихся на страницах современной южнокорейской прессы, носит именно такой характер.

В определенном смысле процесс борьбы с коррупцией в чем-то напоминает «борьбу с номенклатурными привилегиями» первых времен деятельности Ельцина и его сторонников, когда за ликвидацию привилегий активно боролись те, кто был их лишен. Затем, с ростом у оппозиционеров шансов взять власть, борьба за уничтожение привилегий постепенно превращалась в борьбу за обладание ими. В РК значительная часть в принципе правильных проектов, которые разрабатывала администрация Ким Дэчжуна в начале своего правления, либо осталась на бумаге, либо была реализована лишь частично.

Складывается впечатление, что в общем нынешнее положение дел с антикоррупционной борьбой всех устраивает, однако сознаться в этом нельзя, и для того, чтобы сохранять политическое лицо, важно участвовать в этой борьбе: критиковать медлительность властей, если ты в оппозиции, или делать вид, что преодолеваешь зло коррупции, если находишься при власти.

1. В. М. Мазуров. НеокOLONиализм США и Южная Корея. М. 1971. С. 105.
2. Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Harvard University Press, 1978. С. 190.
3. Доклад на Международном Криминологическом конгрессе. 24-29 августа 1998 г. Сеул.
4. Ibid.
5. Korea Herald, 23 апреля 1998.
6. Korea Herald, 14 апреля 1998.
7. Korea Herald, 31 марта 1999.
8. Korea Times, 20 июня 1998.
9. Korea Times, 22 июля 2002.
10. Korea Times, 29 июля 2002.
11. Korea Herald, 18 июня 1998.
12. Korea Herald, 06 июня 1998.
13. Korea Herald, 27 июля 2002.
14. Korea Herald, 11 июля 2002.
15. Korea Herald, 9 июля 2002.
16. Korea Herald, 10 июля 2002.
17. Korea Herald, 22 июля 2002.
18. Korea Herald, 8 августа 2002.

Российский Дальний Восток

Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР*

© 2002

М. Титаренко

Два года назад здесь же, в Иркутске, состоялся первый Байкальский экономический Форум (БЭФ), который положил начало многостороннему и многоплановому диалогу федеральных и региональных властей, бизнес — элит, ученых, наших иностранных партнеров, диалогу, направленному на осмысление процессов экономической глобализации, тех шансов и вызовов, которые она нам предоставляет и перед нами выдвигает. Главным достижением первого Байкальского экономического Форума стало понимание того, что развитие Сибири и Дальнего Востока занимает ключевое место в стратегии России в АТР. В перспективе подъем и вовлечение интеллектуальных, природных и экономических ресурсов этого огромного региона в российскую экономику окажет огромное влияние на все цивилизационные процессы не только в АТР, но и во всем мире. Это сопоставимо с тем влиянием, какое оказало в свое время освоение Запада в истории США. Кажется, всем ясно, что без Сибири и Дальнего Востока Россия — это не Россия. Вместе с тем очевидно, что развитие Сибири и Дальнего Востока невозможно без интеграции этих российских регионов в экономическое пространство Восточной Азии и АТР в целом.

На первом БЭФ было выдвинуто много конструктивных идей и предложений, нацеленных на поиски наиболее адекватных путей адаптации экономики Сибири и Дальнего Востока к экономической глобализации и азиатско-тихоокеанской регионализации. Особенно запомнилось то, что в выступлениях многих российских губернаторов, участников первого БЭФ, присутствовало стремление осмыслить место, роль и будущее своего региона в развитии экономики, культуры и науки, а также в экономической глобализации.

Вспоминается, как один высокопоставленный чиновник из Москвы, выступая с трибуны первого БЭФ, с удивлением констатировал, что, направляясь тогда в Иркутск, он готовился услышать одни жалобы и просьбы о помощи и льготах, а на деле стал свидетелем глубокого и направленного в будущее обсуждения путей сотрудничества Сибири и Дальнего Востока с экономикой США и АТР в целом.

Титаренко Михаил Леонтьевич, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН.

* Доклад, с которым выступал М.Л.Титаренко 17 сентября 2002г. на II Байкальском экономическом форуме.

Запомнилось и то, что политические, экономические лидеры и интеллектуалы сибирских и дальневосточных регионов России, справедливо отдавая должное сырьевому направлению взаимодействия с АТР, не уставали повторять: эти российские регионы, как и вся Россия, обладают огромным научным потенциалом, этот потенциал по объективным его характеристикам может быть востребован в АТР. Все дело в том, как соединить научный потенциал Сибири и Дальнего Востока с внедренческими возможностями стран США, АСЕАН и других субрегионов АТР, как создать благоприятный инвестиционный климат и надежную правовую защиту национальному и зарубежному предпринимательству.

Сегодня мы присутствуем на втором БЭФ. И можно только приветствовать тот факт, что начатый два года назад многоплановый разговор о путях интеграции России — ее сибирскими и дальневосточными регионами — в АТР получает продолжение и развитие. Представляется, что было бы правильным, продолжая осмысление глобальных и региональных изменений в политике и экономике, попытаться сделать сегодня еще один шаг — ближе к практическим делам, попытаться понять, как от правильных и хороших слов можно перейти к правильным и полезным делам.

Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из быстро развивающихся экономических и стратегических районов мира, с которым неразрывно связаны долгосрочные интересы России как евразийской державы. Значение АТР для России обуславливается наличием в регионе развитой системы экономических связей, огромных инвестиционных и людских ресурсов, емкостью рынка, опора на которые способна придать позитивную динамику экономике российского Дальнего Востока и всей России.

В настоящее время для России жизненно важно оживление экономики в восточной части страны, а затем и функционирование ее в режиме комплексного развития в целях повышения благосостояния и защищенности жителей региона, решения накопившихся здесь сложных демографических и социально-политических проблем, совершенствования производительных сил и инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока как неотъемлемой части единого народнохозяйственного комплекса страны. Представляется необходимым усиление координирующей, регулирующей и компенсационной роли государства в осуществлении перспективных проектов, связанных с освоением природных ресурсов российского Дальнего Востока. Все эти проблемы требуют безотлагательного рассмотрения и принципиальных решений.

Для продвижения важнейших проектов программы подъема регионов Востока страна нуждается в крупномасштабных инвестициях, большом количестве современных технологий и благоприятной международной обстановке. Без благоприятного внешнего фактора реформы будут пробуксовывать, а социальная напряженность — нарастать, демографическая проблема Сибири и Дальнего Востока будет усугубляться. Поэтому любое ограничение активности России в АТР, ее воздержание от участия в процессах интеграции стран региона должны рассматриваться как ошибочная линия. В этом плане особое значение приобретает активизация деятельности России в двух направлениях: развитие двусторонних отношений с государствами региона, прежде всего с Китаем, Японией, Индией, Вьетнамом, Монголией, Северной и Южной Кореей, и деятельность России в рамках различных экономических и политических региональных организаций.

В своем выступлении я попытаюсь кратко высказать мнение ученых Института Дальнего Востока РАН относительно путей реального превращения Сибири и Дальнего Востока в *стратегическую базу интеграции России в АТР*.

В докладе на первом БЭФ, касаясь особенностей экономической *интеграционной ситуации в АТР*, отмечалось, что, в отличие от Западной Европы, здесь отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Интеграционное взаимодействие азиатских государств происходит на трех уровнях: на уровне форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), на уровне субрегиональных интеграционных группировок, реально существующих (АСЕАН, АСЕАН плюс три) или только обсуждаемых и намечаемых к созданию (Восточно-Азиатский Форум с участием Китая, Японии и Южной Кореи). Сюда надо добавить официально озвученные в конце 2001 — начале 2002 гг. предложения Китая и Японии создать две зоны свободной торговли с АСЕАН: китайско-асеановскую и японо-асеановскую. На уровне двусторонних связей дальше всех продвинулись японо-южнокорейские планы заключить соглашение о зоне свободной торговли.

Наиболее интенсивно и многообещающе азиатско-тихоокеанское интеграционное взаимодействие начинает разворачиваться именно в СВА.

Китай, Япония и Южная Корея уже предпринимают конкретные согласованные шаги в области координации экономической и финансовой политики и развития торгового и инвестиционного сотрудничества. Для выработки соответствующих мер создана трехсторонняя комиссия. На академическом и деловом уровнях в этих трех странах ведется проработка таких вопросов, как создание единого энергетического кольца для стран СВА и транспортных коридоров из СВА в Европу, в том числе через территорию России, образование зоны свободной торговли, валютного союза в СВА и т.п.

Совсем свежей выглядит идея японского бизнеса о создании в СВА «свободной деловой зоны», которая объединит экономику Китая, Японии и Южной Кореи. Отличительная черта этой идеи видится в том, что она предусматривает привлечение к сотрудничеству России и США, причем не в качестве институализированных участников «свободной деловой зоны», а в качестве партнеров этого регионального, открытого по своей сути образования.

Взаимодействие России и СВА, на наш взгляд, наиболее плодотворно может развиваться по следующей схеме: российские энергоресурсы, научные технологии и транзитная территория, связывающая СВА и Европу, в обмен на японские, южнокорейские капиталы, инвестиции, передовые технологии и китайские продовольствие, текстиль и рабочую силу. Разумеется, сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи также может и должно быть взаимодополняющим и взаимовыгодным.

С теоретической точки зрения развитие многостороннего интеграционного сотрудничества в СВА может быть определено как совместное использование Японией, Китаем, Южной Кореей и Россией имеющихся здесь факторов производства — капитала, труда, земли, научных знаний и технологий.

Совместное использование факторов производства требует образования в перспективе *согласованного и коррелируемого, если не единого, правового поля*, обеспечивающего свободное передвижение в регионе товаров, финансовых потоков, рабочей силы, научных разработок и защищающего интересы предпринимателей и трудящихся. Путь к нему лежит через введение *единого инвестиционного режима, использование единых стандартов* при производстве товаров, единой системы аудита финансовых институтов, через взаимное согласование визовых режимов с постепенной их отменой, взаимную адаптацию систем образования и обучения иностранным языкам и т.д. Для реализации такого сценария необходим многосторонний переговорный процесс в рамках постоянно работающего регионального института.

Надо отметить, что процесс институализации интеграционного сотрудничества в СВА находится сегодня лишь на начальной стадии и пока не вы-

шел на межгосударственный уровень. Главными институтами сотрудничества в СВА сегодня являются неправительственные Экономический форум СВА, Газовый форум и Экономическая конференция СВА. Спонсируемый ПРООН Туманганский проект (в КНДР) пока не получил должного развития, как и перспективные проекты по разработке полезных ископаемых на территории Монголии.

Ключевой проблемой развития интеграции в СВА является поиск источников финансирования дорогостоящих региональных проектов. По расчетам, для создания инфраструктуры интеграционного сотрудничества в СВА потребуется ежегодно около 7,5 млрд долл. капиталовложений. За счет средств государств-участников и уже действующих международных финансовых институтов можно мобилизовать порядка 2,5 млрд долл. Для привлечения остальных инвестиций, как признают в деловых и академических кругах СВА, необходимо создание *Банка Развития СВА*. Акционерами такого банка, который привлекал бы финансовые ресурсы с мировых рынков для нужд СВА, могли бы стать правительства США, Японии и Южной Кореи, России и Китая. В самой РФ назрела необходимость создания Банка развития Сибири и Дальнего Востока, как смешанного государственно-коммерческого инвестиционного банка при поддержке Центрального банка России. Этот банк смог бы сконцентрировать федеральные и весьма распыленные средства регионов.

Для обеспечения совместного использования такого фактора производства, как *рабочая сила*, необходима скоординированная в рамках СВА миграционная политика. Для ее институализации может быть создан региональный Совет по управлению трудовыми ресурсами региона. Совет вырабатывал бы правила и квоты миграции рабочей силы в рамках СВА и осуществлял соответствующий контроль с тем, чтобы не допускать случаев нелегальной миграции. В этих целях в рамках Совета могли бы быть сформированы единые многосторонние силы миграционной полиции. Финансирование работы Совета могло бы осуществляться за счет единого для стран СВА налога на ВВП.

Субрегиональным институтом в создании ресурсной и транспортной инфраструктуры интеграции, работающим в координации с Банком развития СВА, мог бы стать *Международный Совет по развитию транспорта и природных ресурсов СВА*. Аналогично мог бы быть сформирован *Совет СВА по субрегиональной научно-технической политике*. Еще один субрегиональный орган необходим для обеспечения координации макроэкономической и финансовой политики стран региона. Развивая в последние годы практику взаимного обмена депозитами в национальной валюте в целях обеспечения финансовой стабильности на случай обвала валютных рынков, центробанки стран СВА (за исключением России) уже начали накапливать опыт позитивного сотрудничества.

Впоследствии эти институты могли бы стать основой для формирования единого интеграционного объединения в Северо-Восточной Азии — своего рода «Восточно-Азиатского Союза (ВАС)». Работая на принципах мобилизации глобальных ресурсов для решения региональных проблем, ВАС исключил бы возможность превращения данной группировки в замкнутый, ущемляющий интересы других участников глобальной экономики, союз.

Все сказанное выше может кое-кому показаться утопичным и «безумным». Однако, как говорил Н.Бор, часто наиболее реалистичными и истинными оказываются именно безумные идеи.

Эти идеи и проекты сегодня начинают активно обсуждаться в научных и деловых кругах СВА. России важно присоединиться к дискуссиям и сказать здесь свое веское слово.

Проблема, однако, в том, что СВА является относительно новым для федеральных властей России субъектом глобальной экономики. Несмотря на

имеющиеся большие возможности взаимодействия России и СВА, у российского правительства и администраций регионов Востока России пока нет целостной эффективной стратегии включения России и ее сибирских и дальневосточных регионов в интеграционные процессы в СВА.

В годы «холодной войны», исходя из логики противостояния двух «мировых систем», восточным регионам России отводилась роль своего рода «кузницы резервов» и военного плацдарма, отгороженного от внешнего мира. Экономика восточного военно-политического бастиона являлась замкнутой исключительно на связи с европейской частью бывшего СССР. Соответственно, формировался и психологический склад жителей регионов — психология закрытого и защищенного пространства, куда вход «чужакам» закрыт. После окончания «холодной войны», распада СССР и разрыва внутривнутрихозяйственных экономических связей возник в числе прочих негативных последствий и концептуальный вакуум, в условиях которого экономика Сибири и Дальнего Востока России стала стихийно поворачиваться к связям со своими соседями из СВА — Китаем, Японией, Южной Кореей. Стремление к открытости сталкивается с психологией и комплексами угрозы разрушения закрытого и защищенного пространства.

Однако стихийность действий не позволяет воспользоваться многими возможностями интеграционного вовлечения России в СВА. Здесь требуется *активная государственная политика* и в сфере влияния экономических связей, и в сфере миграционной политики, ибо они взаимосвязаны. Причем выбор в качестве методологической основы такой политики идеологии национализма и протекционизма вряд ли даст положительный результат. И дело не только в негативном опыте бывшего СССР и протекционистской, с точки зрения величины импортных тарифов и условий для иностранных инвестиций, экономической политике России 90-х годов. Дело еще и в том, что идеология национализма несет в себе настороженное, если не враждебное, отношение к мировым и региональным интеграционным процессам. А протекционизм, как это показала практика России и многих развивающихся стран, больше консервирует экономическую, технологическую, правовую, управленческую отсталость, чем способствует росту качества производимых товаров и услуг. В Сибири и на Дальнем Востоке России, где существует огромный дисбаланс между богатыми природными ресурсами, с одной стороны, и малой численностью населения и собственными инвестиционными возможностями, — с другой, национализм и протекционизм особенно опасны.

Два главных недостатка, как это видится с позиций сегодняшнего дня, *«Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 — 2005 годы»* как раз в том и состояли, что, во-первых, Программа весьма традиционно подходила к роли внешнего фактора. Ставка делалась на привлечение иностранных инвестиций в экспортные отрасли и защиту отечественного товаропроизводителя. Вопросы интеграции и взаимодействия России с СВА в Программе не ставились. Тому, наверное, были и есть объективные причины: Россия в момент принятия Программы еще не была членом АТЭС, интеграционные процессы в СВА еще не воспринимались как имеющие жизненно важное значение для России.

Во-вторых, Программа опускала главнейший вопрос стратегии России в СВА — вопрос *адаптации внутренней экономической политики России к вызовам и требованиям региональной интеграции*. В выписанных в Программе направлениях сотрудничества Россия-Азия Россия как бы оставалась вне рамок региона, строящая с ним отношения как *внешний* для СВА и, в более широком контексте, АТР — партнер, а не *составная часть* Азиатско-тихоокеанского экономического пространства.

В последние два года, после решения Совета Федерации по итогам первого Байкальского форума, наметился *поворот в подходах России к АТР и к СВА* и к видению нами своего места в развивающихся здесь экономических процессах. Стала более четко вырисовываться азиатско-тихоокеанская стратегия России, суть которой сводится к следующему:

– России как евразийской державе жизненно важно участвовать в процессах азиатско-тихоокеанской интеграции в интересах поднятия экономики Сибири и Дальнего Востока и комплексного развития хозяйственного комплекса страны в целом.

– В целях обеспечения национальной и региональной безопасности России целесообразно развивать военно-политические и стратегические отношения с партнерами по региону по принципу *«безопасность через партнерство и соразвитие»*.

– России необходимо адаптировать свою экономическую и финансовую политику к параллельному многоуровневому сотрудничеству с двумя интеграционными группировками — Евросоюзом и СВА.

В стратегическом отношении России предстоит выполнить свою евразийскую функцию экономического, финансового, информационно-культурного и цивилизационного моста между Европой и СВА.

На фоне разработки новой стратегии России в АТР в конце 2001 — начале 2002 гг. разгорелась острая дискуссия по поводу проведенной в 2001 г. корректировки Федеральной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года. Российские ученые-дальневосточники критиковали скорректированный вариант за неучет внешних факторов развития Дальнего Востока России. Взамен была предложена иная версия этого важного документа, предусматривающая экономическую ориентацию Дальнего Востока России на сотрудничество с СВА и на превращение этого российского региона в «открытую экономику», главной целью которой стало бы содействие интеграции России через дальневосточные регионы в АТР.

Поддерживая в целом концептуальный подход дальневосточников, хотелось бы отметить, что для его практического осуществления требуется концептуальная корректировка и стратегии экономического развития России. Надо учитывать, что используемые в европейской части России и ориентированной на нее Западной Сибири методы финансового, фискального и экономического управления далеко не всегда эффективно «работают» в специфических условиях Сибири и Дальнего Востока или даже «работают» как факторы стагнации развития региона.

Суть отличий между европейской и сибирской и дальневосточной частями российской экономики состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с весьма развитой территорией, отмеченной достаточно высоким уровнем компактности проживания, относительно большим спросом и инвестиционными возможностями, а значит, и более подготовленной к полномасштабным рыночным отношениям. Тогда как во втором случае возможности внедрения «чисто» рыночных принципов и механизмов хозяйствования ограничены.

Для примера возьмем транспорт и энергетику. С точки зрения логики действия рыночных механизмов, эти отрасли не могут быть рентабельны на Востоке России. Стремление добиться от них прибыльности при работе по «чисто» рыночным законам приведет лишь к росту цен, сокращению спроса на их продукцию и, в конечном счете, к остановке производства и оттоку населения. Ведь у потребителя просто нет денег, чтобы оплатить транспортные и энергетические услуги по той цене, которая покрывает завышенные издержки производителя-монополиста. Согласно рыночной логике, работа транспорта и

энергосистемы просто должна прекратиться. Применительно к России это означает отказ от освоения наших сибирских и дальневосточных земель.

Для того чтобы обеспечить на Востоке России доступные частному бизнесу и потребителю энергоснабжение и транспортные услуги и одновременно компенсировать затраты на их производство, необходимы государственные дотации или иностранные кредиты. Компенсироваться и погашаться они будут косвенно — через активизацию работы российского и иностранного частного бизнеса. Тем самым будет обеспечиваться общее развитие региональной экономики при сохранении убыточности региональной инфраструктуры, которая (убыточность), впрочем, будет на макроуровне уравниваться ростом налоговых поступлений от предпринимательства. Такое видение перспектив развития восточных регионов, к счастью, начинает получать понимание в правящих кругах, о чем свидетельствуют яркие выступления Председателя Совета Федерации Миронова С.М. и ряда министров российского правительства на этом форуме.

Разрабатывая стратегию России в отношении СВА и АТР, исходя из требований экономической глобализации, важно учитывать геополитическую реальность: Россия — это евразийское государство, геоэкономически расположенное между ЕС и СВА. Россия не может игнорировать эту объективно сложившуюся европейско-азиатскую «бинаправленность» векторов своего развития.

Чтобы не ошибиться, определяя место России в глобальной экономике, нужно учитывать еще одну ее «двойственность», а именно *двухуровневость* российской экономики. Это означает, во-первых, необходимость определить место России как единого целого в качестве участника общемировых экономических процессов, во-вторых, взглянуть на Россию в ее трех основных геоэкономических составляющих — Европейская часть РФ, Сибирь и Дальний Восток (включая Север). При этом европейская часть российской экономики объективно больше тяготеет к Европе, к сотрудничеству с ЕС. Западная Сибирь с ее топливно-энергетическим, сырьевым и металлургическим комплексами также больше обращена на Запад — на европейскую часть РФ и на ЕС, тогда как Забайкалье и Дальний Восток геоэкономически ближе к СВА.

Такой двухуровневый подход к месту России в современном мире позволяет, на наш взгляд, единственно верным образом увидеть в двух измерениях и место России в АТР как *глобальной* экономики и как экономики *региональной*. Европейская часть российской экономики и в значительной степени Сибирь представлены в АТР как составные части глобальной российской экономики. К сожалению, пока глобальный характер экономики РФ ограничен рынками нефти, газа, редкоземельных металлов и весьма ограниченным набором высоких технологий (оборудование для АЭС, космические услуги, современные военные технологии и технологии двойного назначения).

Дальневосточная экономика России, в отличие от Европейской части РФ и Западной Сибири, напротив, предстает в АТР как экономика региональная. Отсюда вывод: России нужна такая политика в АТР, которая бы обеспечивала *региональную* интерпретацию общегосударственных *глобальных* российских интересов и общегосударственное *глобальное* прочтение *региональных* интересов субъектов РФ и учет их специфики.

При этом корректировку экономической стратегии было бы мало полезным ограничить учреждением новых министерств или выделением дальневосточникам дополнительных финансовых средств. Речь необходимо вести о создании на Востоке России таких *особых условий хозяйствования*, которые позволили бы этому региону эффективно адаптироваться к интеграционным процессам в СВА и АТР, имеющим свою *специфику* по сравнению с развитием западноевропейской интеграции.

С точки зрения долгосрочной стратегии России важно участвовать в азиатско-тихоокеанской интеграции на всех уровнях: региональном — в рамках АТЭС, субрегиональном — Восточно-азиатский форум, межрегиональном — путем вступления в АСЕМ (форум, объединяющий ЕС и 10 стран АТР, включая Китай, Японию и Южную Корею, АБР), на уровне двусторонних отношений и на уровне приграничного сотрудничества российских регионов.

Подключение России к интеграционным начинаниям в СВА возможно, на первых порах, в рамках концепции *«специальной таможенной территории»*, предоставляющей дальневосточной экономике России больше стратегической тарифной и налоговой автономии. В перспективе интеграция западной и восточной частей российской экономики соответственно с ЕС и СВА как раз и поможет России стать связующим звеном между западноевропейским и восточно-азиатским интеграционными пространствами.

У России есть возможность, как это показывает опыт Китая, оговорить в ходе переговоров на предмет присоединения к ВТО статус специальной таможенной территории для нашего Дальнего Востока, в принципе предусмотренный уставом ВТО.

Сошлемся на пример Гонконга — политической части КНР, экономически — особой территории и в таком качестве члена ВТО. Противники такой точки зрения могут сказать, что Гонконг — это особая история и с этим замечанием нельзя не согласиться. Однако от этого чисто юридически картина не меняется: особый административный район КНР Сянган имеет статус специальной таможенной территории в рамках ВТО. Аналогичные идеи предоставления статуса специальной таможенной территории Северной Корее после ее объединения с Южной рассматриваются и южнокорейскими учеными.

Концепция «специальной таможенной территории» для российского Дальнего Востока имеет то преимущество, что позволяет избежать возможных коллизий при реализации стратегии России на создание единого экономического пространства с ЕС и другой, пока не сформулированной, но объективно назревшей цели, — вхождения в единое экономическое пространство СВА.

Как представляется, углубленная дискуссия по вопросу о том, как учесть в единой стратегии экономического развития России требования создания единого экономического пространства России и ЕС и единого экономического пространства России и СВА — должна стать одной из приоритетных не только на этом форуме, но и в практических поисках нашим правительством всеобъемлющей, то есть учитывающей геоэкономическую специфику Сибири и Дальнего Востока, стратегии экономического развития России.

Добрососедство, дружба, экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией имеют широкие перспективы

© 2002

Сюй Чжимин

С 25 по 31 октября с.г. в нашей стране находилась делегация Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций во главе с Президентом Ассоциации, доктором Сюй Чжимин. Главным советником делегации, включавшей представителей общественно-политических, деловых и научных кругов Китая, был заместитель Заведующего Отделом единого фронта ЦК Компартии Китая Ху Дэпин.

Делегация была принята мэром Москвы Ю.М.Лужковым, а также заместителем министра иностранных дел РФ А.П.Лосюковым.

Состоялись встречи и беседы делегации с руководителями Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Объединением предпринимательских организаций России (ОПОР), с представителями Торгово-промышленной палаты РФ, с руководителями "Газпромбанка", АФК "Система", "Ассоциации импортеров", ряда крупных промышленных и торговых фирм, АО "Интурист".

Делегация также провела встречи с учеными ИДВ РАН и ректором МГУ им. М.В.Ломоносова академиком В.А.Садовничим.

Были подписаны Соглашения о сотрудничестве Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций с РСПП, ОПОР и ИДВ РАН.

Ниже следует текст выступления руководителя делегации доктора Сюй Чжимина на заседании Ученого совета ИДВ РАН 28 октября с.г. в связи с присуждением ему звания доктора экономики (Honoris causa) и Почетного доктора ИДВ РАН и избранием в члены Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии.

Я очень рад выступить сегодня на заседании Ученого совета Института Дальнего Востока РАН и высказать свое мнение о добрососедстве и дружбе между Китаем и Россией и дальнейшем развитии экономических и внешне-торговых связей между двумя странами.

За несколько дней своего короткого пребывания в России я, как говорится в китайской пословице, "мог лишь полюбоваться цветами, не останавли-

вая коня”, то есть получить лишь самые общие впечатления, но я все же почувствовал громадную мощь вашей великой страны и огромные резервы для ее дальнейшего развития. Я отношусь с глубоким чувством почтения и веры в ее славное будущее.

Мы много знаем о великой российской нации. Это — прекрасная нация, которая создала самобытную цивилизацию, сохранила традиционную культуру. Произведения великого писателя Л.Н. Толстого и великого поэта А.С. Пушкина доставляют эстетическое наслаждение китайцам. Глубокое влияние на мои взгляды, характер и мировоззрение оказали произведения революционных писателей А.М. Горького “Детство”, “Мои университеты”, Н. Островского “Как закалялась сталь” и др.

В прошлом народы наших стран жили в дружбе и установили глубокие братские отношения. Китайский народ не может забыть о бескорыстной помощи бывшего Советского Союза в деле строительства и развития экономики Китая.

В настоящее время после некоторых перипетий Российская Федерация встает на свой оригинальный путь развития. Все китайцы надеются на дальнейшее развитие дружбы и добрососедских отношений с Российской Федерацией, на укрепление экономического и внешнеторгового сотрудничества между двумя странами, что будет способствовать подъему их экономики.

Добрососедство, совместное развитие и укрепление китайско-российской дружбы — основа углубления и расширения экономического и внешнеторгового сотрудничества

После окончания холодной войны — мир и развитие стали основными закономерностями эпохи. Региональные экономические и политические интересы различных стран мира стали с каждым днем теснее переплетаться.

Развитие дипломатических отношений между Китаем и Россией также способствовало развитию экономического и внешнеторгового сотрудничества между обеими странами.

В 90-х годах дипломатические отношения между Китаем и Россией достигли невиданного размаха: обе страны наладили механизм встреч глав государств и правительств, а также других ответственных лиц, механизм дружественных контактов по линии народной дипломатии, разрешили оставшийся от прошлого пограничный вопрос. На международной арене Китай и Россия неоднократно заявляли о совместных усилиях по установлению многополярного мира, против планов любых государств по установлению однополярного мира.

Чрезвычайно важно, что в 1996 г. обе страны заявили об установлении на пороге XX века отношений стратегического партнерства и сотрудничества, основанных на принципах равенства и взаимного доверия, что открыло новую эру в истории китайско-российских дипломатических отношений. Подписание 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией способствовало дальнейшему развитию дружественных связей, ознаменовало вступление отношений стратегического партнерства в новый этап, создало условия для расширения двустороннего сотрудничества, в особенности в области экономики и внешней торговли.

Широкое развитие экономического и внешнеторгового сотрудничества и освоение рынков партнеров

Китай и Россия, стремясь к расширению экономического и внешнеторгового сотрудничества, выработали стратегию всемерного освоения рынков партнеров. Стабильные отношения между государствами основаны на реальных, обоюдных интересах. Без наличия реальных экономических интересов база отношений стратегического партнерства между Китаем и Россией не может быть прочной. Поэтому за последние несколько лет лидеры Китая и России в ходе регулярных встреч прилагали усилия для активизации сотрудничества в

области экономики и внешней торговли. В ноябре 2000 г. главы правительств Китая и России подписали 13 документов о развитии внешнеторговых связей в 2001-2005 гг. В сентябре 2001 г. они подписали 7 соглашений, в том числе о широкомасштабном сотрудничестве в области энергетики.

Все эти документы отражают главное содержание экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

Президент В.В. Путин говорил, что "Китай — это важнейший партнер России". В марте 2002 г. премьер Чжу Жунцзи на пресс-конференции после закрытия Пятой сессии ВСНП 9-го созыва сказал: "В 2001 г. объем внешней торговли между Китаем и Россией достиг 10 млрд. ам. долл., что на треть больше, чем в 2000 г. По прогнозам в течение 2-3 лет мы можем удвоить нынешний объем китайско-российской внешней торговли". Председатель Госплана КНР Цзэн Пэйянь в марте 2002 г. предложил "одновременно с укреплением и расширением традиционных рынков предпринять усилия для освоения новых рынков в России, Восточной Европе, Латинской Америке и других районах". Как видно, руководители Китая полны веры и решимости в расширении сотрудничества Китая и России в области экономики и внешней торговли.

Освоение российского рынка — важнейший элемент диверсификации рыночной стратегии Китая.

В течение длительного времени основными сферами внешней торговли Китая были Япония, Америка, Европа и район Гонконга и Тайваня. За последние годы четвертым крупным внешнеторговым партнером стала Республика Корея.

За 20 лет реформ и открытости внешнему миру главный упор в развитии внешней торговли делался на Америку, Японию и страны ЕЭС. Эта стратегия, вообще говоря, соответствовала реальной обстановке того периода, однако налицо были некоторые перекосы.

В настоящее время в этих странах наблюдается экономический спад, что не могло не сказаться на китайском экспорте, привело к ежегодному снижению активного сальдо во внешней торговле Китая. В 1998 г. активное сальдо внешней торговли Китая составляло 43 млрд. 470 млн. ам. долл., в 1999-2002 гг., соответственно, 29 млрд. 230 млн., 24 млрд. 110 млн. и 22 млрд. 540 млн. ам. долл. Поэтому Китай надеется увеличить экспорт, преодолеть замедление темпов экспорта по сравнению с импортом. В этой связи совершенно необходимым соответствующий поворот внешней торговли к России. Качественные и дешевые товары из Китая пользуются в этом регионе широким спросом.

В предыдущие годы развитие экономического сотрудничества между Китаем и Россией отставало от уровня развития их политических отношений.

В 1993 г. объем китайско-российской внешней торговли достиг 7 млрд 670 млн. ам. долл., затем в течение нескольких лет объем торговли колебался на уровне 5-6 млрд. ам. долл. В 2000 г. он достиг 8 млрд. ам. долл. и вырос по сравнению с 1999 г. на 4,3%, что намного ниже темпов роста внешней торговли нашей страны, а также ниже темпов развития внешней торговли России в тот период — 31%. В 2001 г. объем китайско-российской внешней торговли достиг 10 млрд. ам. долл., однако это составляет лишь 2% общего объема внешней торговли нашей страны. Россия ежегодно импортирует продовольствие на сумму в 8-10 млрд. ам. долл., причем на Китай приходится только 10%.

Что касается России, то особо подчеркну, что объем ее внешней торговли с европейскими странами выше объема торговли со странами Азии. В 1999 г. доля внешней торговли России с европейскими странами составляла 63% от ее общего объема, а доля стран Азии — лишь 18,8%. Помыслы России состоят в том, чтобы влиться в Европу, не будучи западной страной. Между тем азиатские рынки по-прежнему играют громадную роль.

В течение 2-3 лет уровень торговли между Китаем и Россией существенно повысится

Россия, располагаясь в Азии и Европе, обладает преимуществом своего географического положения. Она — важный сосед Китая, а также громадное государство, имеющее большое влияние в мире. Особенное значение имеет то, что у России прекрасные перспективы развития, она вступает в период возобновления экономического роста. К тому же экономики Китая и России взаимодополняемы, у наших стран имеются большие возможности для развития торгово-экономического сотрудничества.

Китай представляет собой «мировую фабрику», многие китайские товары известны на рынках многих стран мира. У населения России есть потребность в китайской продукции. Они есть и у субъектов экономического строительства. Высок потенциал поставок продукции из Китая в Россию и потенциал совместного производства бытовой электроники. Очень хорошие перспективы существуют в сфере предоставления Китаем России рабочей силы: Дальний Восток испытывает потребность в 5 млн. работников, Китай имеет прекрасные отношения сотрудничества в промышленной и сельскохозяйственной сферах с Сибирью и Дальним Востоком, экспорт трудовых услуг складывается весьма успешно.

В сфере китайско-российского сотрудничества начаты работы по прокладке трубопровода, который в 2005 г. вступит в строй. Трубопровод свяжет Сибирь и Северо-Восток Китая, его общая протяженность составит 2400 км, сумма инвестиций достигнет 1,7 млрд. ам. долл., ежегодно будет прокачиваться в Китай 20-30 млн. тонн сырой нефти. Таким образом, товарооборот между двумя странами существенно увеличится. Проект по транспортировке природного газа по газопроводу с Востока на Запад будет стоить 10 млрд. ам. долл., объем поставок 2002 г. достигнет 140 млрд. кубических метров газа, а, по оценкам, к 2030 г. объем перекачки природного газа в Китай сравняется с нынешним объемом поставок газа в страны ЕЭС.

Кроме потребления природных ресурсов и источников энергии, Китай — это и рынок для российской научно-технической продукции, включая авиационную технику и оборудование, военную технику и т.д. Поэтому оценка, согласно которой в течение 2-3 лет товарооборот между Китаем и Россией увеличится вдвое и достигнет 20 млрд. ам. долл., является научно обоснованной.

Развивать экономику в русле международного сотрудничества. Вступление в ВТО — показатель открытости государства на современном этапе

Вступление в ВТО играет стимулирующую роль для экономики государства и одновременно является показателем открытости на новом этапе ее развития.

Вступление в ВТО стимулировало экономическое развитие Китая. После вступления Китая в ВТО, начиная с 2002 г., таможенные пошлины снизились с 15,3 до 12%, это затронуло 5300 видов товаров. Одновременно как на члена ВТО на Китай распространилось право наибольшего благоприятствования, и члены ВТО отменили таможенные и другие барьеры для большинства китайских товаров.

Хотя вступление в ВТО потребовало вести дела по принятым в мире правилам, регламентирующим отношения со странами-членами ВТО, меры государственной политики в экономике подвергаются существенным ограничениям, многие отрасли, сферы занятости оказались перед многочисленными вызовами, тем не менее процесс развития не прервался, экономика страны стала развиваться ещё быстрее и вышла на шестое место в мире. Экономика Китая

продолжает развиваться по пути открытости и реформ, убираются помехи рынку внутри страны, продолжается реализация стратегии научно-технического возрождения страны, основой которой является экономическое строительство. В 2001 г. ВВП превысил 958 млрд. юаней, темпы роста экономики за год составили 7,3%. В 2002 г., согласно прогнозу, рост ВВП составит свыше 7%. Если не случится большой войны или стихийного бедствия, то Китай может добиться того, что к 2015 г. его ВВП достигнет 3 трлн. юаней. Хотя в экономическом развитии Сянгана и Аомэня возникли трудности, китайская экономика продолжает расти, районы Сянгана и Аомэня оказались как бы «в тени большого дерева», что играет большую роль для экономической стабильности страны.

Перспективы процветания России обнадеживающи

Три ведущие экономики мира — американская, европейская и японская (их совокупный удельный вес в мировой экономике составляет 67%, объем ВВП — 3,8 трлн. долл. США) после «событий 11 сентября» переживают спад. Это наблюдается впервые за последние пятьдесят лет.

За последние десять лет экономика России вследствие распада СССР, провала реформ подверглась серьезным разрушениям. Однако в настоящее время, как подчеркнул МВФ, начиная с 2000 г. российская экономика стала подниматься, её рост составил в 2000 г. 8,3%, а в 2001 г. — 5%. Это свидетельствует о том, что экономика вышла из кризиса.

По данным Всемирного банка, в 2001 г. производство зерна в России было самым высоким за последние 10 лет и составило 85 млн. тонн. Рост ВВП составил 5%, улучшилось народное потребление.

После избрания В.В. Путина президентом реформа стала расти вширь, происходит упорядочение и урегулирование. Россия располагает чрезвычайно мощной промышленной, научно-технической и образовательной базой, имеет богатые природные ресурсы. По запасам нефти Россия занимает 7-е место в мире, уже разведанные запасы составляют от 5 до 10% общемировых. По запасам природного газа Россия стоит на 1-м месте. Экспорт нефти составляет важнейшую статью поступлений валюты. Если реформы и открытость наберут силу, будет выбран верный курс, то надежды на процветание России оправдаются.

Россия создает условия для вступления в ВТО

Развитие любого государства является не результатом действия внешних сил, а результатом движения по пути, избранного им самостоятельно. Правление В.В.Путина осуществляется весьма успешно, усиливается стабильность, происходит оживление экономики, достигнуто смягчение российского кризиса, достигнуто понимание народа. В.В.Путин осуществляет очень ясный политический курс противодействия ослаблению международных позиций и влияния России, и создания условий для развития экономики. России нужна мирная среда, ей нужно включиться в процесс глобализации. Таким образом, она нуждается в благоприятной международной среде, чтобы, сконцентрировав усилия, развивать экономику. Российской стороне остро необходима отмена дискриминаций в сфере торговли, возможность равноправного выхода со своими товарами на рынки Европы и Америки. Все это говорит о том, что следует энергично бороться за вступление в ВТО, ведь не являясь членом ВТО, страна ограничивает свои возможности по защите собственных интересов. Выдержав испытания и вступив в ВТО, Россия сможет иметь мирную внешнюю среду, получит доступ к внешним инвестициям. Это не только принесет пользу развитию российской экономики, но и будет способствовать восстановлению Рос-

сией своего положения в мире как великого государства и его дальнейшему подъему.

Я обратил внимание, что в своем Послании Федеральному собранию в апреле с.г. В.В.Путин объявил о сокращении вмешательства государства в экономику, особо подчеркнул, что малые и средние предприятия могут стать главной силой экономического роста. Прилагая усилия к вступлению в ВТО, Россия будет стремиться к тому, чтобы ее рынок соответствовал международным требованиям.

Россия прошла начальный период экономической реформы, пережила трудности «шоковой терапии». Добавим к этому наличие большой территории и изобилие материальных ресурсов: нефть, природный газ, цветные металлы, уголь. Добавим также сравнительно высокий образовательный и культурный уровень народа, а также то обстоятельство, что возникновение трудностей не приводит к беспорядкам, что исправляется практика, когда из ошибок не извлекались уроки, экономика возрождается, в народе возрождается вера. Это означает, что завтрашний день России определенно будет прекрасным.

Перевод с китайского К.В.Шевелева и В.Ф.Бородича

Сравнительный анализ развития экономики России и стран Восточной Азии в период современных реформ

© 2002

А. Могзоев

Развитие современных рыночных отношений в России связано с прекращением единовластия Коммунистической партии, в Японии и Корее — с окончанием Второй мировой и Корейской войн. В России и Китае произошла смена руководства.

Новые лидеры признавали, что централизованная, директивно-плановая экономическая система в условиях тоталитаризма уступает практически по всем показателям странам с рыночной экономикой. Примеров было достаточно: Западная и Восточная Европа, Южная и Северная Корея, Тайвань и КНР, Куба до и после революции. Причем авторитарное правление, напротив этих стран. Система принуждения в СССР сталинского периода также способствовала быстрому экономическому развитию. Она эффективно взаимодействовала с идеологией поощрения и социалистического соревнования.

Кризис экономики России 90-х гг. начался не после августовских событий 1991 г., а со второй половины 70-х. К 90-м гг. в экономике СССР ощущался дефицит по всем видам ресурсов, кроме природных. Из-за экстенсивных способов использования ресурсов происходили их большие потери. Ощущались диспропорции в сфере производства, потребления и финансирования. Например, огромные ресурсы направлялись в военно-промышленный комплекс, на мелиорацию, строительство Байкало-Амурской магистрали и другие проекты. Качество потребительских товаров было на низком уровне по сравнению со странами с рыночной экономикой.

В 1985 г. экономическая ситуация только казалась "застойно" устойчивой и прочной. Характерной чертой в тот год было падение темпов экономического роста на фоне консервативности сформировавшихся на предшествующих этапах производственных структур. Неэффективные отрасли и производства обходились все дороже. В расчете на душу населения страна производила железной руды больше в 3 раза, стали — в 2, тракторов — в 4 раза, чем в США; выпускала автомобилей в 4 раза, зерна в 1,5-2 раза меньше, чем в США¹. Отраслевая структура экономики к 90-м гг. была ориентирована не на потребителя, а на производство энерго-сырьевых ресурсов и товаров промежуточного назначения.

Постоянно увеличивались расходы на обслуживание внешнего долга. К началу перестройки нарастание внешнего долга страны приобрело лавинообразный характер.

Неэффективность системы социалистического хозяйствования покрывалась доходами от природных ресурсов — нефти и газа. Однако уже в 80-х гг. прирост добычи нефти остановился: в 1980 г. — 603 млн т, в 1985 г. — 595 млн т. Стоимостной объем в 1983 г. составил 91,4 млрд долл., в 1985 г. — 86,7 млрд долл.

Экономический рост, основанный на нефтяных доходах, к периоду ранней перестройки (1985-1987 гг.) приблизил страну по уровню ВВП на душу населения к группе индустриально развитых стран. Внутри страны это достижение преподносилось как успех системы социалистического хозяйствования.

Исходные позиции Китая к началу реформ были совершенно другими, чем в СССР. К концу 70-х гг. Китай оставался бедной страной с нерешенной проблемой питания и одежды. Китай значительно отставал по уровню жизни (доходов) от среднемирового уровня. В 1978 г. среднедушевой ВНП в Южной Корее был равен 1279 по сравнению с 220 долл. в КНР. В то время как на Тайване затраты на питание составляли 40 - 43%, в Китае — 60 — 70%. Таким образом, по этим параметрам КНР отставал от своих соседей на 15 — 20 лет. По потреблению основных продуктов питания и одежды население КНР отставало от среднемирового уровня в 5-10 раз, было много социальных проблем, связанных с безработицей, нехваткой жилья. В технологии промышленного производства КНР отставала от США на 20 — 40 лет, в том числе на 40 лет — в транспортных средствах, на 25 лет — в черной металлургии, на 20 лет — в производстве авиационных двигателей, на 15 - 20 лет — в технологии и оборудовании для нефтедобычи².

В целом исходная ситуация при начале реформ в рассматриваемых странах Восточной Азии отличалась от российской в следующих отношениях:

- Россия — индустриально развитая страна, хотя и с неэффективной экономикой, но с населением, имеющим высокий образовательный уровень, с богатыми природными ресурсами; в отличие от нее в рассматриваемых странах Восточной Азии образовательный уровень, в особенности технический, отставал от мирового уровня, а природные ресурсы на душу населения по сравнению с Россией имели малую величину.

- Разница во времени начала проведения реформ исчисляется десятилетиями: по сравнению с Китаем она составляет — 10 лет, с Южной Кореей и Японией — соответственно 30-40 лет. Соответственно изменилась ситуация в достижениях НТП, политической, социальной, демографической, природоохранной, природоресурсной и других сферах жизни.

- Помощь в восстановлении Южной Кореи и Японии носила не только экономический, но и политический характер, что вызвано соревнованием двух систем хозяйствования — капиталистической и социалистической. В Китае в восстановлении хозяйства большую роль сыграла китайская диаспора в зарубежье. В России с крушением оплота социализма — СССР внешняя помощь не имела значения, так же, как и роль российской диаспоры в зарубежье.

- В Японии, Южной Корее и Китае реформы начались и прошли без смены общественно-экономической формации. В Японии и Южной Корее при воздействии США происходила демократизация политической системы. Китай остался социалистическим государством с однопартийной системой, что обеспечило политическую стабильность, необходимую для проведения экономических реформ.

1. Первый фактор различия условий проведения экономических реформ в СССР — России и Китае — устойчивость политического режима.

Дэн Сяопин четырежды был подвергнут репрессиям в период правления Мао Цзэдуна за свои экономические взгляды. Он выступал против абсолютизации идей и взглядов Мао Цзэдуна, за более реалистичный подход к делу

и за "раскрепощение сознания". Дэн Сяопин был первым, кто в лагере социализма противопоставил рыночные отношения социалистическим (директивно-плановым) и кто дал право обеим системам сосуществовать и конкурировать в Китае. Дэн Сяопин, ставший безоговорочным неформальным лидером страны после декабря 1978 г., указывал, что модернизация страны имеет свои, китайские, особенности, основанные на многонаселенности и ограниченности пахотных земель. В марте 1979 г. он провозгласил четыре идеологических и политических принципа для "четырех модернизаций": отстаивать социалистический путь, диктатуру пролетариата, руководство Компартии, марксизм-ленинизм-идеи Мао Цзэдуна.

Организатор проведения реформ в СССР М.С. Горбачев пошел в области "раскрепощения сознания" дальше и объявил "гласность" — одним из первичных условий демократизации общества. Противников существовавшего режима было больше, чем сторонников во всех слоях общества, что и привело в условиях гласности к смене общественно-экономической формации. В сентябре 1989 г. Дэн Сяопин констатировал: "Сейчас вопрос не в том, упадет или нет знамя в Советском Союзе — хаос в Советском Союзе неизбежен, — а в том, упадет или не упадет знамя в Китае". Он уделял первостепенное значение сохранению политической стабильности в Китае. В СССР с 1985 по 1991 г. были разрушены все основы прежней государственности, такие, как однопартийная система, управление государством (в том числе экономическая и финансовая структуры, законодательные и исполнительные органы). Далее начались приватизация собственности и другие мероприятия, которые вносили свой вклад в дестабилизацию политической ситуации в стране.

В Китае политическая дестабилизация не достигла состояния разрушения государственности.

Наиболее важным фактором, повлиявшим на успешное проведение программы модернизации, и заслугой группы Дэн Сяопина в деле осуществления реформ является сохранение политической стабильности в период их проведения.

Попытка силового воздействия на власть была предпринята 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмынь. Если бы власть не выдержала давления, — произошла бы дестабилизация политической ситуации, возможный передел и власти, и собственности.

2. Вторым по значимости фактором успешного проведения реформ в КНР явился отказ от одномоментной всеохватывающей либерализации ценнообразования и внешнеэкономической деятельности, быстрой приватизации государственного сектора экономики.

Либерализация цен в России началась с января 1992 г. Ежемесячно цены повышались на 100 — 200%. При такой инфляции производство могло бы остановиться, но оно двигалось по инерции, используя накопленные ресурсы. В предвидении инфляции в крупных размерах неподготовленность Центрального банка России к либерализации цен выглядела весьма странно. Население хранило свои накопления в долларах США и не в банках (финансово-кредитных учреждениях), а в основном у себя дома, так как доверие к большинству финансово-кредитных учреждений из-за их банкротств падало. Последующие действия властных органов напоминают добывание лежащей на боку экономики. Налоги приближались к 100%. Было большое желание властей пополнить казну за счет "полумертвых" предприятий. Естественно, что казна не пополнялась. Начался кризис фискальной системы. Уклонение от налогов носило массовый и изощренный характер. Фискальная система характеризовалась высоким уровнем налогообложения отдельных предприятий и общим низким уровнем налоговых изъятий. Предприятия использовали древний способ то-

бартер. Это было связано не только с отсутствием денежных средств, но и с желанием уклониться от налогов. Начались неплатежи, взаимные и госбюджетные. Большинство предприятий имело дебиторскую и кредиторскую задолженности. Проводились взаимозачеты неплатежей, напоминающие бартерные сделки.

Вследствие кризисных явлений 90-х гг. средние доходы населения России оказались в 25-30 раз ниже, чем у населения развитых стран (США, Западная Европа, Япония). Таким образом, денежные накопления населения не могли служить источниками инвестиций.

Вслед за либерализацией цен (с лета 1992 г.) последовала либерализация внешнеэкономической деятельности, в том числе валютной политики. В короткие сроки в Россию хлынули потоки потребительского импорта и частично решили проблему товарного голода. Захват рынков России сдерживался только отсутствием средств у потребителя импорта.

В условиях либерализации и приватизации в России расцветала теневая экономика. Это явление присутствует во всех странах мира, хотя и в разной степени. Теневая экономика в России существовала всегда, включая советский период. Если в 1973 г. теневой сектор СССР равнялся примерно 3% ВВП, в 1990-1991 гг. — 10%, то в середине 90-х гг. в России он превысил 25% ВВП. Сейчас в "тени", по неофициальным данным, создается около половины ВВП России⁴. По данным последнего исследования "Теневые экономики: размеры, причины роста и следствия", проведенного австрийскими специалистами Ф. Шнайдером и Д. Энсте, в России объем неофициальной экономики в 2000 г. составил 41% ВВП, в Японии — 11,1%, США — 8,9%. По оценкам Госкомстата, размер теневой экономики составляет 1/3 ВВП, причем в сельском хозяйстве он составляет 48%, в торговле — 63%. Размер теневых доходов населения оценивается в 25%. Теневая экономика увеличивает разрыв в доходах бедных и богатых, поскольку в ней практически отсутствуют механизмы сдерживания жесточайшей эксплуатации.

Современные экономические реформы в КНР начались с декабря 1978 г., а в 1977-1978 гг. была предпринята попытка форсированного осуществления модернизации производственной сферы, которая была оторвана от реальных условий и возможностей страны. К 1979 г. после явных провалов модернизации, стало ясно, что необходимы более фундаментальные проработки в определении качественных и количественных параметров, этапов и методов ее осуществления.

В 1979 — 1980 гг. в научных кругах Китая сформировались три подхода к проблеме модернизации⁵.

Первый оценивается как технократический. По программе модернизации Китай должен был достигнуть мирового уровня развития экономики, науки и техники. Этот подход позволил выявить некоторые недоработки и структурные слабости программы.

Второй — экономический. Его суть состоит в создании оптимальной экономической модели модернизации и экономического развития страны в целом в соответствии с теориями экономического роста мировой экономической науки.

Третий — пропагандистский. Он состоял в разъяснении общественности установок, выдвинутых и принятых лидерами страны.

Исходные условия реформ требовали не просто либерализации механизма ценообразования, то есть форсированного перехода к рынку, как в России, а преобразования всего хозяйственного механизма в чрезвычайно сложной ситуации, требующей достаточно длительного периода.

Еще в 1980 г. на реформу отводилось 7-8 лет. Подготовительный этап — 2 года, этап “средних реформ” — 3-4 и этап “большой” реформы — 2-3 года. Однако в феврале 1980 г. третий этап было решено проводить после 1990 г.⁶

3. Третьим по значимости фактором успешного проведения экономических реформ в КНР являются теоретические разработки и практическое применение экономической теории социализма с китайской спецификой.

Одной из главных проблем политэкономии являлся вопрос собственности. Характерными явлениями к моменту начала реформ были низкая эффективность государственных предприятий, бюрократизм и безответственность их руководителей. Причина этого в том, что в условиях административно-командной системы права собственности отсутствуют, они подменяются должностными правами.

Уже в начале 80-х гг. в КНР встал вопрос о неправомерности отождествления государственной и общенародной собственности. Во второй половине 80-х гг. разрабатывается и внедряется подрядная система: государство — собственник, предприятие — хозяйствующий субъект. В случае банкротства или убыточности предприятие не имело права использовать для погашения задолженности свое имущество, так как оно было государственным. Необходимо было превратить общенародную собственность в собственность предприятия или внедрить акционерную систему.

Еще одной важной проблемой был вопрос о соотношении плана и рынка. Китайские экономисты рассмотрели несколько моделей соединения планового и рыночного регулирования. Первая получила в китайской экономической литературе название модели “фрагментарного (банькуай) соединения планового и рыночного механизма”. В соответствии с ней экономика механически делилась на две сферы, одна из которых регулировалась планом, а другая — рынком. Продукция, имеющая важное значение для народного хозяйства, подлежала централизованному планированию, а в отношении остальных видов продукции должно было проводиться рыночное регулирование.

Отличительная особенность второй модели, которую китайские экономисты называли моделью “взаимопроникающего (шэньтоу) соединения”, состояла в том, что в ней плановое и рыночное регулирование рассматривались не как изолированные, а как взаимодополняющие методы управления. По этой модели плановое регулирование должно было проводиться с учетом требований закона стоимости, а рыночное — направляться и ограничиваться планом. Это модель “двухколейного (шуангуй) функционирования экономики”. В соответствии с этой моделью все народное хозяйство страны было распределено на сферы, подлежащие директивному планированию, направляющему (с помощью экономических рычагов) планированию и рыночному регулированию, а общая тенденция изменений в хозяйственном механизме представлена как постепенное сужение сферы директивного и расширение сферы направляющего планирования. Характерная особенность модели состояла в том, что в ней одновременно использовались директивное планирование и рыночный механизм, причем такое “двухколейное” регулирование проводилось не только в масштабе народного хозяйства в целом, но и по отношению к одному и тому же виду продукции.

В соответствии с третьей моделью “органического (юцзи) соединения планового и рыночного регулирования” план и рынок составляют единое целое и регулируют функционирование народного хозяйства на различных уровнях. Плановое регулирование осуществляется, главным образом, на макроуровне, а рыночное — распространяется на микроэкономическую деятельность. При этом основой для планового макроэкономического регулирования служат тенденции изменения рыночного спроса и предложения, а микроэкономическая

деятельность направляется макроэкономическим планом⁷. Такая модель, органически и “диалектически” сочетающая в себе плановое и рыночное регулирование, нашла концентрированное выражение в формуле “государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия” и была официально закреплена в материалах XIII съезда КПК (октябрь 1987 г.).

Многие китайские ученые пришли к выводу о том, что жесткие рамки классических моделей слишком узки для описания того уникального, неповторимого опыта, который сложился в Китае в годы рыночных реформ. Главным достижением 80-х гг. стало преодоление классической модели централизованной плановой экономики.

Успехи экономики требуют идеологического (теоретического) обоснования общенациональных принципов развития. В России, особенно в период советской власти, идеологическое обоснование целей (социализм, коммунизм) и методов ее достижения (плановое хозяйство) имело решающую роль при достижении высоких темпов экономического развития до тех пор, пока негативные стороны методов достижения целей не стали препятствием (директивность планов, принудительность труда, отсутствие эффективного его стимулирования) в условиях демократических преобразований.

Отправной точкой разработок китайских экономистов является экономика социалистической системы, в обоснование которой вошли труды многих советских ученых. Экономической теории собственных реформ 90-х гг. российскими учеными не создано. Возможно, что отсутствие теоретических разработок российских реформ является одной из причин низкого темпа экономических преобразований.

4. В начальный период реформ вмешательство государства в экономическую жизнь страны снижается, но оно продолжает играть очень важную роль обеспечения реформ. Так происходило в странах Восточной Азии. Успех реформ зависел от того, насколько правильным было это вмешательство с точки зрения эффективности модели развития.

В работе А. Илларионова⁸, представлена динамика изменения валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения с 1913 по 1998 г. Из 50 стран первое место занимает Япония — 262,8% увеличения ВВП на душу населения по отношению к среднемировому уровню. Тайвань занимает второе место — 238,8%. Южная Корея занимает восьмое место — 148,9%. Китай — тридцатое место при 9,6%. Россия занимает сорок пятое место и ниже среднемирового уровня на 30,6%. Япония в 15 раз увеличила свой ВВП на душу населения, Южная Корея — в 12,7 раза, Китай — в 4,52 раза. Россия занимает по этому показателю 42-е место, рост в 2,54 раза. Последние места занимают Куба и Северная Корея. В этой же статье указывается, что наиболее высокие и стабильные темпы экономического роста имеют страны, в которых максимально снижена государственная нагрузка на экономику или снижено государственное вмешательство в экономическую жизнь (США, Тайвань).

“Азиатская модель”, предполагающая развитие рыночных отношений при ведущей роли государства, представлялась китайским ученым наиболее привлекательной. В странах Восточной Азии регулирующая роль государства проявилась в создании экономической системы, способной планировать экономическое развитие, привлекать иностранные инвестиции и эффективно их использовать.

Из всех индустриально-развитых стран в Японии проявляется значительное влияние государственного регулирования в экономике. Японская экономика находится в промежуточном состоянии между рыночно-конкурентным началом и жестким регулированием. В Японии кейнсианская модель частично действует и сейчас. В послевоенный период здесь принят ряд последователь-

ных планов, направлявших ее промышленную активность. В основном, планы рассчитывались на пятилетку, так же, как в Китае, Корее, СССР и странах Восточной Европы. Они не могли носить директивный характер, так как работали в условиях рыночной экономики. Сроки начала последующего плана не совпадают со сроком окончания предыдущего плана, так как каждый план имеет свои цели, задачи, методы его реализации. В этом коренное отличие системы планирования в Японии от системы, принятой в Китае и Южной Корее.

Активность государственного вмешательства или регулирующая роль государства должна соответствовать стадии развития экономической системы государства. Положительное влияние государственного вмешательства проявилось во всех странах Восточной Азии в восстановительный период и периоды ранних современных реформ и выступает одним из главных факторов их интенсивного экономического роста. Вмешательство государства на более поздних стадиях развития должно снижаться, то есть основные положения кейнсианства должны уступать место монетаризму. В условиях зрелой, экономической развитой системы сильное государственное вмешательство в экономику явилось причиной депрессии 90-х годов. В "корпорации Японии" успешно действовали принципы японского менеджмента в сочетании с государственным регулированием, которые в настоящее время утратили свою эффективность.

Пятилетние планы входили как компоненты экономической модели Южной Кореи. Жесткая "стратегическая плановость" — сильная сторона и тайваньской реформы, включающей шесть четырехлетних, один шестилетний и один десятилетний планы развития, "широкомасштабные программы строительства ключевых объектов экономики"⁹. При планировании в условиях рыночной экономики происходит естественное сочетание планирования на уровне производственного предприятия и региона и, соответственно, трансформация "концепции тактики, синтезирующей стратегию". Стратегическим планированием, например в тайваньской модели развития, является "схема отраслевых приоритетов развития": сельское хозяйство — легкая промышленность — тяжелая промышленность — "стратегическая промышленность". Эта схема имеет одинаковые элементы с японской "ступенчатой моделью"¹⁰: трудоемкие отрасли — капиталоемкие отрасли — наукоемкие отрасли.

В КНР в 1984-1988 г. количество видов продукции, охватываемой директивным планированием, сократилось со 128 до 60.

С 1992 г. система планирования в Китае приобретает более рыночный характер. Централизованное планирование заменяется на систему, более похожую на макроэкономическое управление в условиях рынка. Прямое управление плановыми органами на микроуровне заменяется выработкой стратегии развития, экономической политики, содействием развитию и нормальному функционированию рынка.

В 1993 г. количество видов продукции, подпадающих под директивное планирование Госплана, было уменьшено до 36. Соответственно доля производства, подпадающего под директивное планирование сократилась с 12% ВВП в 1992 г., до 7% в 1993 г. и 5% в 1994 г.¹¹. По ряду видов продукции директивный план был заменен госзаказом или направляющим планом.

В плановых ориентирах на 1993-1996 гг. в качестве главных фигурировали следующие показатели: прирост ВВП, объем инвестиций в основные фонды, дефицит бюджета, размер эмиссии ценных бумаг или размер государственного займа, объемы розничного оборота, внешней торговли с разбивкой на экспорт и импорт, предельный уровень роста розничных цен, естественный прирост населения.

В КНР реформы проходили при непосредственном государственном руководстве. Переход к монетарной политике происходил постепенно. "Прямолинейное продолжение монетаристских реформ означало бы разрушение всей промышленности и всей экономики КНР"¹². Правительство производило дотирование предприятий, отраслей и провинций. В 1999 г. половина доходов центрального бюджета (338,2 млрд. юаней) была направлена на дотации провинциям. Возникает дефицит бюджета. Однако в такой ситуации государство сдерживает инфляцию. Несмотря на усиливающуюся монетаризацию экономики КНР, государственное регулирование является главным фактором стабилизации экономики.

Экономическому росту Японии и "четырёх драконов" — Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга — существуют разные объяснения, с точки зрения степени вмешательства государства. Однако никто не будет отрицать, что правительства этих стран создавали конкурентную среду, воздействовали на цены и протекционировали стратегические направления.

В России в отличие от стран Восточной Азии отсутствуют как планирование экономики, так и экономическая модель, которая не копировала бы даже самые эффективные образцы, а исходила из сущности национальной экономики и определяла экономическую стратегию развития. Поэтому вмешательство государства не носит системного характера, что в значительной степени снижает его эффективность.

5. Развитие экономики стран Восточной Азии в отличие от России характеризует способность реализации сравнительных преимуществ для создания импульса экономического роста, в частности путём привлечения значительного объёма иностранных инвестиций.

Теория, или принцип, сравнительных преимуществ объясняет развитие этих стран тем, что они смогли выявить сравнительные преимущества имевшихся у них на данный период ресурсов. Используя свои ресурсы, они приступили к активному развитию трудоемких отраслей производства и на этой основе увеличили экспорт — повысили степень экспортной ориентации экономики. Уровень экономического развития КНР, Японии, Тайваня, Республики Корея, Сингапура и Гонконга был невысоким в начале реформ. При каждой попытке реализовать стратегию приоритетного развития тяжелой промышленности, правительства этих стран незамедлительно сталкивались с ростом дефицита бюджета, дисбалансом во внешней торговле, чрезмерным уровнем инфляции и другими сложными проблемами. В такой ситуации правительства этих стран ослабили свое вмешательство в экономику и дали предприятиям самим сделать выбор. В результате каждая страна имела отраслевых лидеров, а внутри отрасли своих лидеров — предприятия и фирмы. Это привело к быстрому качественному улучшению структуры ресурсов, что в свою очередь способствовало повышению уровня используемого капитала на душу населения. Ускорился процесс совершенствования производственной и технологической структуры, и Япония с "азиатскими драконами" вошли в ряды экономически развитых стран, а Китай приобрел высокие и устойчивые темпы экономического роста.

Теория и принципы сравнительных преимуществ пригодны не только для стран с богатыми трудовыми ресурсами, но и в равной мере для стран и территорий с богатыми природными ресурсами. В этом отношении убедителен анализ эффективности развития Австралии и Новой Зеландии. Они максимально использовали свои сравнительные преимущества в богатых природных ресурсах, причем удельный вес обрабатывающих отраслей был невелик. В 1991 г. он составлял всего лишь 15% и 18% ВВП двух стран соответственно, то есть намного ниже уровня других развитых стран. Однако они удерживают

свое место в ряду развитых стран, имея среднегодовой душевой ВВП в размере 17050 долл. США и 12350 долл. США соответственно.

Для России характерна структура запасов ресурсов, соответствующих структуре развивающихся стран, — с серьезным дефицитом капитала. Трудовые ресурсы, по сравнению с Китаем, конечно, невелики, но равны примерно японским. Причем интеллектуальные ресурсы в составе трудовых не уступают японским.

Россия выделяется среди стран Восточной Азии богатыми природными ресурсами — земельные ресурсы и залежи полезных ископаемых. Земельные ресурсы имеют значительный потенциал в производстве воспроизводимых ресурсов — сельскохозяйственных и лесных. Имеются водные ресурсы и связанные с ними воспроизводимые — рыбные.

При дефиците собственного капитала для импульса к экономическому росту необходимы иностранные инвестиции. В этом отношении важен опыт стран Восточной Азии, которые регулировали инвестиционный климат как на всей территории, так и в свободных экономических зонах.

-
- ¹ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991-1997 // Под ред. Гайдара Е.Т. М.: Институт экономических проблем переходного периода. 1998. С. 779.
 - ² Бергер Я.М. Китайская модель развития "Большой Китай" // Китай на пути к рынку. Модель развития, демографии, образование / Под ред. Бергера Я.М. М.: ИНИОН. 1996. С. 12-61.
 - ³ Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература РАН. 1998. С. 47.
 - ⁴ БИКИ. 2001. № 149-150. С. 4.
 - ⁵ Портяков В.Я. Указ. соч. С. 47.
 - ⁶ Там же. С. 89.
 - ⁷ Борох О.Н.: Современная китайская экономическая мысль. М.: Восточная литература РАН. 1998. С. 65.
 - ⁸ Илларионов А. Как Россия потеряла 20-е столетие // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 4-26.
 - ⁹ Цзян Яньхуа. Е. Авдокушин. Тайваньская модель развития экономики // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 3. С. 23-27.
 - ¹⁰ Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий. М.: Прогресс. 1987; Масахико А. Экономическая модель японской фирмы // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. 1992. № 1. С. 54-59.
 - ¹¹ Портяков В.Я. Указ. соч.
 - ¹² Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996-2020 гг. и проблемы ее реализации. М.: ИДВ РАН. 2001. С. 37.

Политика Китая в отношении внешней миграции

© 2002

Хоу Вэньчжу

Две даты в новейшей истории являются важнейшими для китайского народа: 1949 г., когда была образована КНР, и 1978 г., когда китайское правительство приняло курс на реформы и открытость, который повел страну к рыночной экономике. С ускорением экономического роста в середине 1980-х годов возросла и внешняя миграция из Китая и в Китай, и правительство приняло ряд мер в этой области, соответствующих меняющейся ситуации.

Развитие после 1978 г.

Экономический рост.

С 1978 г. по 1997 г. ВВП Китая увеличился с 362,41 млрд. юаней до 7477,24 млрд. юаней, или в среднем за год на 9,8%. Одновременно произошли изменения в экономической структуре страны. В 1978 г. на первичную сферу приходилось 29,8% ВВП, на вторичную — 48,2%, на третичную — только 23,7%. В 1997 г. соответствующие данные составляли 18,7, 49,2 и 32,1%.

Объем импорта и экспорта в 1978 г. равнялся 20,64 млрд. долл., в 1988 г. — 102,78 млрд. долл., в 1999 г. — 360,6 млрд. долл.¹ В 1999 г. государственные валютные резервы возросли с 0,84 млрд. долл. в 1979 г. до 5,55 млрд. долл. в 1989 г. и до 154,7 млрд. долл. в 1999 г.²

По данным ГСУ КНР, располагаемый доход на душу городского населения в Китае за период с 1978 г. по 1997 г. вырос вдвое, а чистый доход на душу сельского жителя — в 3,4 раза. Рост доходов сопровождался снижением цен на потребительские товары. При индексе потребительских цен в 1997 г., принятом за 100, в 1995 г. он составлял 111,3, в 1990 г. — 204,2, в 1985 г. — 337,1³

Данные о числе учащихся свидетельствуют о значительном прогрессе в сфере образования, включая образование для взрослых.

Таблица 1

Численность учащихся в 1997 г. по типам учебных заведений (в тыс.чел.)

Типы учебных заведений	Численность учащихся
Университеты и колледжи	3 174
Профессиональные училища	4 654
Средние школы	60 179
Начальные школы	139 954
Училища для взрослых	2 725
Средние школы для взрослых	61 916
Начальные школы для взрослых	6 161

Источник: ГСУ КНР. Статистический ежегодник Китая. 1999. С. 147-148

Другой показатель социального развития с момента начала реформ — быстрый прогресс науки и техники. Число научно-технических институтов увеличилось с 18 722 в 1990 г. до 23 025 в 1997 г. Соответственно численность научно-технических специалистов возросло с 7 817 тыс. чел. в 1985 г. до 20 495 тыс. чел. в 1997 г.⁴

Наряду с этими большими шагами существуют еще некоторые проблемы, на которые следует указать: не остановлена дефляция, избыточные производственные мощности в ряде отраслей ведут к перепроизводству, недостаточный спрос угрожает экономическому росту, у ряда государственных предприятий плохие результаты хозяйственной деятельности.

По доле ВВП на душу населения Китай далеко отстает от развитых стран и от многих развивающихся стран. Например, в 1997 г. этот показатель в Китае составлял только 740 долл., тогда как в Японии в 1993 г. он был равен 34 211 долл., в США — 25 385 долл., в Австралии — 15 044 долл. Причина этого состоит в большой численности населения Китая при относительно низком уровне экономического развития и высоком удельном весе сельского населения. Общая численность населения Китая в 1997 г. достигала 1,24 млрд. чел., из них на долю сельского населения приходилось 69%. Китай все еще остается развивающейся сельскохозяйственной страной с большим населением, и предстоит немало сделать, чтобы создать современную экономику.

Положение с занятостью.

С момента начала реформ в 1998 г. положение с занятостью было напряженным. Причины этого в следующем:

- Новым абитуриентам требуется трудоустройство в городах. Городское население увеличилось после 1978 г. со 172,5 до 370 млн. чел., более половины из этого числа достигли официально установленного рабочего возраста. Если исключить тех, кто еще учится в учебных заведениях, тех, кто служит в армии, и тех, кто по другим причинам не работает, то ежегодно требуется от 0,8 до 1 млн. новых рабочих мест.
- Работники молодого и среднего возраста мигрируют из деревни в город в поисках работы.
- Согласно оценкам, с конца 1970-х по начало 1990-х годов сельская рабочая сила ежегодно возрастает на 9,4 млн. чел. Если 10% из них в поисках работы направляется в города, то к числу лиц, ищущих работу в городе, следует добавить еще 0,94 млн. чел.
- Рабочие места в городах нужны военным, увольняющимся из вооруженных сил.
- Работу в городе ищут миллионы безработных. По статистике, численность зарегистрированных безработных составляла 5,3 млн. чел. в 1978 г., 3,64 млн. чел. в 1992 г. и 5,7 млн. чел. в 1997 г.

Таблица 2

Безработица в городах Китая в 1978-1997 гг.

Годы	Зарегистрированные безработные (тыс. чел.)	Безработица (%)
1978	5 300	5,3
1980	5 418	4,9
1985	2 385	1,8
1986	2 645	2,0
1987	2 766	2,0
1988	2 962	2,0
1989	3 779	2,6
1990	3 832	2,5
1991	3 522	2,3

Годы	Зарегистрированные безработные (тыс. чел.)	Безработица (%)
1992	3 639	2,3
1993	4 201	2,6
1994	4 764	2,8
1995	5 196	2,9
1996	5 528	3,0
1997	5 750	3,1

Источник: ГСУ КНР. Статистический ежегодник Китая. 2000. С. 40

По приблизительным оценкам, общий приток рабочей силы в городах в середине 1990-х годов составил 55 млн. чел., или по 7,5 млн. чел. в год. А общая потребность в рабочей силе в различных отраслях городской экономики составляла 38-48 млн. чел., или по 5,3-6,8 млн. чел. в год. Таким образом, приток превышает потребность на 0,7-2,2 млн. чел., которым не удается найти себе работу в городе.

С середины 1990-х годов широкое внимание привлекает численность работников, увольняемых с некоторых государственных предприятий. Сокращение избыточных работников на государственных предприятиях направлено на превращение низкоэффективных предприятий в прибыльные. В результате в 1999 г. с некоторых государственных предприятий было уволено более 6 млн. работников, что еще более ухудшило соотношение притока и потребности в рабочей силе в городах. В целях улучшения этого соотношения правительство приняло ряд мер.

Прежде всего был отдан приоритет экономическому росту, чтобы облегчить положение с занятостью в городе. Предприняты максимум усилий, чтобы стимулировать экономический рост, и все возможные меры, чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие. Согласно статистическим данным, темпы роста в Китае составили в 1994 г. 12,7%, в 1995 г. — 9,4%, в 1996 г. — 9,6%, в 1997 г. — 8,8%. Быстрый экономический рост заложил прочную основу для облегчения напряженной ситуации с занятостью в городах Китая.

Поощрялась занятость в иных секторах экономики, что означало отход от проводимой китайским правительством до начала реформ политики концентрации усилий на государственных предприятиях. Параллельно с поощрением роста государственных предприятий стимулировался рост кооперативных, частных, совместных и иностранных предприятий. Для них сокращалось налогообложение, предоставлялись кредиты, снижались импортные пошлины. Увеличилось число предприятий с иностранным капиталом. До начала реформ существовало лишь одно такое предприятие, а в 1997 г. их насчитывалось уже 240 тыс., результатом чего явилось создание 3 млн. рабочих мест. Так, одновременный рост различных секторов экономики внес большой вклад в решение проблемы занятости. Вдобавок к государственным предприятиям прочие сектора экономики трудоустроили многих ищущих работу. Таблица 3 демонстрирует тенденции занятости в разных секторах экономики в 1990-х годах по данным ГСУ Китая.

Таблица 3

Занятость в различных секторах экономики Китая в 1993-1997 гг. (млн. чел.)

	1993	1995	1997
Общая занятость в городах	148,49	149,08	146,68
Государственный сектор	109,02	109,55	107,66
Кооперативный сектор	33,93	30,76	28,17
Компании с иностранным капиталом	1,33	2,41	3,00
Частный сектор	1,86	4,85	7,50
Прочие	2,17	1,51	0,35

Источник: ГСУ КНР и Министерство труда и социального обеспечения. Статистическое обозрение Китая. 1999. С. 158. В число занятых не включены индивидуальные работники.

Появление волостно-поселковых предприятий (ВПП) в сельских районах способствовало снижению потока сельских работников в города. В сельских районах незанятыми остаются около 150 млн. работников. Города притягивают к себе сельских работников, но пока городские районы остаются недостаточно развитыми, избыточный приток сельских работников угрожает экономическому росту города. Правительство надеется на то, что рост ВПП сократит движение сельских работников в города. За последние десятилетия все больше сельских работников поглощались быстро растущими ВПП. Согласно статистическим данным, на 1995 г. эти предприятия трудоустроили 128,62 млн. работников, что близко к общей городской занятости.

Мощное развитие ВПП не только остановило избыточный приток сельских работников в города, но и способствовало всестороннему развитию сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли в сельских районах и изменило направление экономического развития в этой области. Плюс к этому ВПП активизировали накопление капитала в сельских районах, что содействовало дальнейшему развитию сельского хозяйства и подготовке более квалифицированных сельских работников. Значение ВПП в трудоустройстве сельских работников и накоплении капитала показано в таблице 4. Ожидается, что по мере роста ВПП будут развиваться малые города, и в отдаленном будущем вся страна будет индустриализирована и модернизирована.

Таблица 4

Развитие волостно-поселковых предприятий в Китае после 1978 г.

Годы	Число ВПП (в тыс.)	Занятость (млн. чел.)	Продукция (млрд. юаней)	Оборот (млрд. юаней)
1978	1 524	28 266	49,31	—
1980	1 425	19 997	66,59	—
1985	12 225	69 790	272,84	233,2
1990	18 504	92 648	846,16	728,4
1992	20 792	105 810	1 797,54	1 343,4
1994	24 945	120 182	4 258,85	3 721,5

Источники: Статистический ежегодник по рабочей силе в Китае. 1993. С. 413; ГСУ КНР. Статистический ежегодник Китая. 1995. С. 12.

Быстрый рост ВПП, однако, оказывает негативное воздействие на окружающую среду. Для развития ВПП в сельских районах за последние десятилетия было создано большое число малых заводов по производству минеральных удобрений, бумажных фабрик, цементных заводов и угольных шахт. Использование старых технологий привело к загрязнению воздуха, воды и почвы. Правительство было вынуждено ввести правила по защите окружающей среды. От предприятий, серьезно загрязняющих окружающую среду, потребовали усовершенствовать свою деятельность и привести ее к определенной дате в соответствие с государственными нормами защиты среды, в противном случае их закрывали. В результате число ВПП сократилось, а занятость уменьшилась в 1997 г. до 91,37 млн. чел., что на 37 млн. чел. меньше, чем в 1996 г.

В то же время правительственные правила позволяют предоставлять некоторые рабочие места только городским жителям. Например, сельским ра-

ботникам очень редко разрешают работать в таких сферах, как общественная безопасность, финансы, страхование, государственная администрация, телекоммуникации, средства связи, гостиницы и туризм. Эти правила имеют целью ограничить миграцию сельских работников в города и тем самым уменьшить давление на занятость в городах.

Стремление все большего числа горожан получить высшее образование также способствует снижению давления на занятость. Кроме того, оно также повышает квалификацию работников. Китайское правительство полностью отдает себе отчет в том, что наука и техника — первостепенный источник роста производительности, и увеличивает инвестиции в образование. Стремление к высшему образованию стало популярным в Китае, и его качество повышается. Всемерно стимулируя рост индустрии высоких технологий, Китай не ослабляет усилий в развитии традиционных трудоемких ремесел, таких как плетение изделий из бамбука, ручное вязание и др. В последние годы Китай поощряет рост сферы услуг, которая является более трудоемкой, чем первичная и вторичная сферы, и создает больше рабочих мест.

Экспорт рабочей силы — это часть стратегии, направленной на решение проблем занятости. По разным причинам правительство долгое время не поощряло экспорт рабочей силы. С одной стороны, китайское правительство противодействует тому, чтобы интеллектуалы высокого ранга работали и жили за рубежом, и ввело ряд мер, препятствующих утечке мозгов. С другой стороны, зарубежные страны предъявляют очень строгие требования к иммиграции. Те, кого охотно приняли бы иностранные государства, более всего нужны в Китае. Китай рассматривает выигрыш международных тендеров и контракты как главный канал экспорта рабочей силы, но он никогда не считал экспорт рабочей силы главным путем решения проблем занятости в городских районах.

Политика экспорта рабочей силы.

Экспорт рабочей силы начался в Китае в 1977 г. и получил довольно быстрое развитие сравнительно с другими странами, экспортирующими рабочую силу. По данным Министерства труда и социального обеспечения, за период с 1979 по 1988 гг. среднегодовой рост экспорта рабочей силы в Китае составил 47,1%, в Филиппинах, — 14,9%, в Индонезии — 22,4%, в Таиланде — 30,8%. С конца 1990-х годов по мере ускорения процесса реформ экспорт рабочей силы из Китая значительно возрос.

Несмотря на быстрое увеличение экспорта рабочей силы его доля в общей численности населения составляет всего 0,08%, тогда как в Индии — 0,2%, в Бангладеш — 0,64%, в Пакистане — 0,8%, в Шри-Ланке — 1,2%, в Республике Корея — 2%, а в Филиппинах — 8%.

Китайские граждане, работающие за рубежом, могут быть подразделены на пять категорий:

- Работники, занятые за рубежом в соответствии с международными трудовыми контрактами, заключенными между китайским правительством или китайскими фирмами, с одной стороны, и иностранными правительствами, фирмами и физическими лицами — с другой.
- Работники, занятые за рубежом в соответствии с контрактами на выполнение международных проектов, заключенными между китайскими и иностранными фирмами на основании международных тендеров.
- Эксперты и квалифицированные рабочие: такие как менеджеры, техники и наставники, работающие в китайских зарубежных фирмах.
- Работники, нанимаемые иностранцами на китайской территории.
- Индивидуалы, работающие за рубежом с помощью государственных агентов.

По данным Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества (МВТЭС), число контрактов на экспорт рабочей силы выросло с 3 455

в 1990 г. до 17 397 в 1995 г. и до 23 191 в 1998 г. Общая стоимость контрактов увеличилась с 0,478 млрд. долл. в 1990 г. до 2,007 млрд. долл. в 1995 г. и до 2,39 млрд. долл. в 1998 г.

Таблица 5

**Китайские граждане, работающие за рубежом
по международным трудовым контрактам**

Годы	Численность работников
1982	23 158
1983	17 663
1984	27 557
1985	24 895
1986	18 991
1987	31 449
1988	39 810
1989	41 867
1990	36 116
1991	68 314
1998	290 771
1999 (на конец сентября)	303 631

Источники: Хэ Сянкай. Практика международной кооперации в области трудовых услуг. Пекин. 1994. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества, 2001

По данным Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества, число контрактов на выполнение международных проектов увеличилось с 920 в 1990 г. до 2 322 в 1998 г. Общая стоимость контрактов возросла с 2,125 млрд. долл. в 1990 г. до 7,484 млрд. долл. в 1995 г. и до 9,243 млрд. долл. в 1998 г. Численность китайских граждан, работающих за рубежом по контрактам на выполнение международных проектов, представлена в таблице 6.

Таблица 6

**Китайские граждане, работающие за рубежом по контрактам
на выполнение международных проектов**

Годы	Численность работников
1982	8 470
1983	13 056
1984	21 910
1985	30 640
1986	27 403
1987	31 300
1988	30 024
1989	23 591
1990	21 823
1991	21 523
1998	61 077
1999 (на конец сентября)	

Источники: Хэ Сянкай. Указ. соч. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества. 2001.

Китайские работники за рубежом заняты в разных отраслях, но больше всего — в строительстве (табл. 7). Подсчитано, что за период с 1986 г. по 1990 г. китайские граждане, работающие за рубежом по контрактам на экспорт рабочей силы и по контрактам на выполнение международных проектов, заработали 168 млрд. долл.

Таблица 7

Распределение китайских граждан, работающих за рубежом, по профессиям согласно платежам по контрактам (млн. долл.)

	1986	1987	1988	1990	Итого
Инженеры по информатике и компьютерам	23	50	284	642	1121
Медицинские работники	40	170	115	865	1526
Специалисты и техники	325	601	1261	726	3649
Моряки	1411	1720	2829	8833	25885
Работники сельского хозяйства	2767	754	255	974	5177
Повара	505	721	1361	1587	4953
Строительные рабочие	4101	5976	10404	16587	48683
Текстильщики	1247	2476	2778	4218	16527
Работники промышленности стройматериалов	416	3943	1702	1178	11759
Машиностроители	1404	900	1287	3479	7452
Прочие	4776	6771	13609	8276	39947
Итого	17018	24073	35885	47815	167927

Источник: Оценки Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества, 1994

Для того чтобы расширить экспорт рабочей силы и укрепить руководство обслуживанием китайских граждан, работающих за рубежом, Госсовет поручил Министерству экономики и торговли вести кооперацией услуг, оказываемых зарубежным работникам, включая установление связей на правительственном уровне, и уполномочил Министерство труда взять на себя заботу по защите законных прав и интересов работающих за рубежом.

14 ноября 1992 г. Министерство труда приняло «Правила по управлению зарубежной занятостью», направленные на использование каналов занятости для работников, заинтересованных в работе за рубежом, на усиление управления обслуживанием работающих за рубежом, на защиту их прав и интересов и предотвращение несанкционированной эмиграции. С этого момента государственные фирмы, занятые экспортом рабочей силы, должны были следовать предписаниям этого документа. Выступая в качестве посредников, эти фирмы взимают плату как с работников, направляющихся за границу, так и с их зарубежных нанимателей. Эти фирмы предоставляют следующие услуги: обеспечение китайских граждан информацией о возможностях трудоустройства за границей, набор китайских работников, желающих работать за рубежом, консультирование работников при заключении контрактов занятости или соглашений с зарубежными нанимателями, предложение китайским работникам профессионального обучения до их отъезда из Китая, оказание помощи работникам при выполнении необходимых процедур до отъезда из Китая и защита законных прав и интересов работающих за границей. Со своей стороны, работающие за рубежом должны депонировать в посреднических фирмах определенную сумму, которая возмещается по их возвращении в Китай.

Контракты или соглашения по трудоустройству заключаются между работниками и посредническими фирмами. Соглашение должно основываться

на принципах равенства, свободного волеизъявления и переговоров. Содержание соглашения обычно определяет условия труда, сроки действия, продолжительность рабочего дня, заработную плату, права и обязанности.

Работающие за рубежом должны соблюдать законные условия занятости, установленные принимающей страной. В период занятости работники обязаны следовать законам принимающего государства. Посреднические фирмы несут ответственность за нарушение названных законов работниками, которых они набрали.

Политика китайского правительства в отношении экспорта рабочей силы различается по видам применительно к квалификации и месту назначения работающих за рубежом.

• *Виды экспорта рабочей силы.*

Для расширения экспорта рабочей силы используются и усиливаются традиционные виды экспорта рабочей силы посредством контрактов на выполнение международных проектов. В Китае введена и новая, более автономная, форма экспорта рабочей силы, использующаяся во многих развивающихся странах. Эта форма не связана с контрактами на выполнение проектов. Ее применяют обычно при отправке за рубеж тех, кто занят тяжелым ручным трудом, например в угледобыче, на земляных работах, на очистных сооружениях, в строительстве и прокладке дорог, на погрузке и разгрузке в портах. Эти работы не требуют высокого уровня образования и технических навыков. Китай обладает богатыми трудовыми ресурсами, и у него нет проблем в удовлетворении спроса на рабочую силу зарубежных рынков. Это побуждает китайское правительство заключать с иностранными правительствами двусторонние и многосторонние соглашения на экспорт рабочей силы. Контракты на экспорт рабочей силы заключают также соответствующие китайские фирмы с иностранными нанимателями.

• *Квалификация работников.*

Китайское правительство полностью осознает, что экспорт рабочей силы должен удовлетворять спрос международных рынков труда на работников низкой, средней и высокой квалификации. К высококвалифицированным работникам принадлежат инженеры высших разрядов, эксперты, специалисты и ученые. Согласно исследованиям, проведенным Министерством труда и социального обеспечения, в развитых странах существует спрос на программистов: в США не хватает около одного миллиона программистов, в Японии — около 200 тысяч. В программистах нуждаются также Германия и другие европейские страны. К работникам средней квалификации относятся профессионалы и эксперты, например, специалисты по китайской медицине, тренеры по китайским боевым искусствам, мастера по цигуну, специалисты в области сельского хозяйства, артисты и т.п. Экспорт работников более низкой квалификации включает, помимо строителей, также сиделок, санитарных работников, шахтеров и нефтяников.

• *Место назначения работников.*

* Соглашение действительно с момента подписания обеими сторонами (работником и фирмой) вплоть до окончания срока занятости. Если обе стороны достигают согласия о продлении занятости за месяц до окончания срока соглашения, оно возобновляется, число продлений не лимитируется. Срок действия контракта на трудоустройство обычно не превышает одного года. Посредническая фирма имеет право прекратить действие соглашения, если работник совершил следующее деяние: серьезно нарушил правила или кодекс поведения фирмы или зарубежного нанимателя, серьезно пренебрег обязанностями, был коррумпирован или замешан в иной порочной деятельности, которая нанесла вред интересам фирмы, был осужден за уголовное преступление или представил посреднической фирме фальсифицированную информацию.

Китайские фирмы поощряют осуществлять организованный экспорт работников во все страны и регионы, испытывающие потребность в работниках. В таблице 8 показано распределение китайских граждан, работающих за рубежом, по различным регионам за период с 1982 г. по 1991 г. Перспективы на будущее могли бы включать Россию, чья огромная территория нуждается в развитии. Ей требуются овощеводы, лесорубы, строители, специалисты по китайской медицине. Киргизстану, Казахстану, Таджикистану и Монголии также, весьма вероятно, понадобятся работники из Китая. Как сказано выше, США, Германии, Японии нужны программисты, которых может поставить Китай.

Таблица 8

Региональное распределение китайских граждан, работающих за рубежом, в 1981-1991 гг.

	Ближн. Восток	АТР	Африка	Европа	Северная Америка	Южная Америка	Проч.	Итого
1982	28040	1078	1192	402	33	128	—	31771
1983	24903	2197	3073	347	199	180	—	30971
1984	37714	4693	5446	406	317	179	1216	49975
1985	38051	5907	7863	470	806	340	2827	56264
1986	27081	7407	9056	503	1146	559	310	47062
1987	36619	12255	10312	1836	2468	589	66	64145
1988	32306	19148	12463	2787	2557	585	1038	70884
1989	12386	25161	11105	6418	3480	765	2140	67066
1990	4230	23671	11997	7341	5473	1026	4192	57939
1991	3375	47923	12536	10610	7025	1366	6972	89837
Итого	251713	85043	85043	31153	23504	5725	18716	365914

Источник: Хэ Сянькай. Указ. соч.

Общая стоимость контрактов на экспорт рабочей силы и проектных контрактов в 1998 г. составила 16 млрд. долл. Как показано в табл. 9, больше всего контрактов на китайскую рабочую силу заключается с другими азиатскими странами.

Таблица 9

Стоимость контрактов на экспорт рабочей силы (тыс. долл.)

Регион	Итого	Проектные контракты	Контракты на экспорт рабочей силы	Консультации по дизайну
Азия	11 773 230	9 243 160	2 389 600	140 470
Африка	2 019 120	1 870 640	144 140	4 340
Европа	489 923	238 800	246 230	4 200
Южная Америка	153 030	103 760	48 370	900
Северная Америка	321 760	111 070	203 900	6 810
Тихий океан	149 630	99 690	47 900	2 040
Прочие	1 740 280	1 496 890	151 420	91 970
Итого	16 646 280	13 164 010	3 231 560	250 730

Источник: Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества. 2001.

Защита основных прав и интересов своих граждан, работающих за рубежом, составляет важный компонент правительственной политики по экспор-

ту рабочей силы. Правительство требует, чтобы все китайские фирмы, занятые международной кооперацией в сфере труда, соблюдали законы и порядки Китая и стран, импортирующих рабочую силу, осуществляли свою деятельность в соответствии с заключенными контрактами, защищали законные права и интересы китайских работников и выполняли требования соответствующих департаментов других стран.

Необходимо отметить, что, в соответствии с международными соглашениями, китайское правительство строго запрещает любые формы несанкционированной внешней миграции, включая как незаконную иммиграцию, так и незаконную эмиграцию.

Привлечение иностранных экспертов в Китай

С 1978 г все больше иностранцев с разными целями приезжают в Китай: чтобы реализовать строительные проекты, учиться в университетах и институтах, вести научные исследования или заниматься различным бизнесом. Иностранцы, посещающие Китай, — это персонал, занятый на дипломатической и иной государственной службе, бизнесмены, эксперты, специалисты, исследователи и ученые, студенты, туристы, люди, навещающие родственников и друзей, те, кто ищет работу, и другие.

Число иностранных туристов, посещающих Китай, растет. В 1985 г. было 17,83 млн. посетителей, в 1990 г. — 27,46 млн., в 1997 г. — 57, 59 млн. Они представляли разные страны и регионы, но больше всего — Японию, Россию и США (табл. 10).

Таблица 10

Иностранные посетители Китая в 1978-1997 гг. (млн.)

Страна	Число посетителей
Япония	158,2
Россия	81,4
США	61,6
Малайзия	36,1
Сингапур	31,7
Филиппины	27,7
Великобритания	22,8
Германия	18,5
Канада	17,4
Таиланд	16,9
Австралия	15,7
Франция	13,1
Швейцария	3,0
Новая Зеландия	2,8
Итого	742,8

Источник: ГСУ КНР и Министерство труда и социального обеспечения. 1999. С. 143

Международная организация туризма прогнозирует, что в 2020 г. число иностранцев, которые посетят Китай, достигнет 137 млн., что составит 8,6% мирового туристического рынка. В XXI веке Китай стремится стать туристической сверхдержавой, страной номер один среди стран, куда стремятся туристы со всего мира. Многие иностранные туристы, посещая Китай, приносят большой валютный доход.

Чтобы стимулировать туризм, некоторым городам и районам, как например Шэньчжэню и Хайнаню, центральное правительство недавно разрешило предоставлять иностранцам ряд льгот. Иностранцы, желающие совершить путешествие в Шэньчжэнь, могут получить пятидневную визу. Те, кто хочет посетить другие места, помимо Шэньчжэня, или продлить свое пребывание, могут получить разрешение от Шэньчжэньского городского бюро общественной безопасности. Провинция Хайнань предлагает безвизовый режим для туристов из 21 страны.

Наряду с туристами правительство стремится привлекать иностранных экспертов на работу в Китай с тем, чтобы ускорить переход к рыночной экономике. Иностранные эксперты рассматриваются как составная часть процесса модернизации промышленности, сельского хозяйства, науки и техники и обороны страны. Нужны высший управленческий персонал, ученые, техники, инженеры и другие высококвалифицированные люди. Долгосрочная стратегия китайского правительства для удовлетворения этой потребности включает посылку студентов и научных работников на учебу за рубеж.

Принципы привлечения иностранных экспертов на работу в Китай сформулированы во «Временных правилах для агентств, организующих работу иностранных экспертов в Китае», принятых 25 августа 1995 г. Соответствующие агентства, включенные в эту программу, несут следующие обязанности:

- Определяют квалифицированных иностранных экспертов, желающих работать в Китае. Иностранные эксперты должны быть в состоянии обеспечивать технический инструктаж, консультации, профессиональное обучение, чтение лекций и проведение исследований.
- Помогают иностранным экспертам выдвигать и изучать проекты, проводить маркетинговые исследования, анализировать процессы менеджмента и консультировать лиц, принимающих решения в Китае.
- Проводят предварительную подготовку экспертов к работе и оказывают им помощь.

Для укрепления административного управления занятостью иностранцев в Китае 22 января 1996 г. были приняты «Правила административного управления занятостью иностранцев в Китае». Иностранцы, стремящиеся получить работу в Китае, должны удовлетворять следующим условиям:

- Быть в возрасте 18 лет и старше.
- Обладать хорошим здоровьем.
- Располагать профессиональными знаниями и опытом работы, необходимыми для желаемого трудоустройства.
- Не иметь криминального прошлого.
- Иметь четко определенное нанимателя.
- Иметь действующий паспорт или иные международные проездные документы, его заменяющие.

Получив санкцию правительства, наниматели должны обратиться за разрешением на трудоустройство иностранцев, которых они хотят пригласить. В соответствии с правилами, освобождаются от получения лицензии и разрешения на трудоустройство иностранцы, отвечающие следующим условиям:

- Те, кто нанимаются непосредственно китайским правительством или китайскими правительственными агентствами и занимают высокие технические должности или обладают особыми знаниями, признанными их отечествен-

* Среди них — Япония, Сингапур, Филиппины, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Россия, Франция, Германия, Италия, Швеция, Испания Швейцария и Нидерланды, Туристы из этих стран могут без визы посещать остров Хайнань на срок до 15 дней.

ными или международными властями или профессиональными ассоциациями, или имеют сертификат иностранного эксперта, выданный китайским Бюро по делам иностранных экспертов.

- Иностранцы, имеющие специальную подготовку, которые работают на нефтепромыслах в офшорной зоне и не нуждаются для своего трудоустройства в посещении материка и получении «разрешения на работу для иностранного персонала, занятого в Китайской Народной Республике».
- Иностранцы, которые осуществляют коммерческие развлекательные представления с разрешения Министерства культуры и имеют «разрешение на временные коммерческие представления».

Иностранцы могут быть освобождены от получения лицензии на трудоустройство и обратиться непосредственно после прибытия за разрешением на трудоустройство, представив свои визы занятости и соответствующие документы, если они относятся к одной из следующих категорий:

- Иностранцы, занятые в Китае в соответствии с соглашениями или договоренностями, достигнутыми между китайским правительством и иностранными правительствами или международными организациями и направленными на реализацию китайско-иностраных проектов сотрудничества и обмена.
- Иностранцы, занятые в качестве представителей постоянных офисов иностранных предприятий в Китае.

Начиная с 1990-х годов правительство ввело ряд льгот для поощрения использования иностранных экспертов в Китае. В Шанхае недавно были провозглашены следующие установки:

- Заработная плата, выплачиваемая китайскими нанимателями иностранным экспертам, не должна быть ниже стандартов, устанавливаемых правительством.
- Правительство гарантирует денежную помощь работающим в Китае иностранным добровольцам.
- Иностранным экспертам предоставляются льготы при поездках, обмене валюты и покупках товаров.
- Эксперты, отличившиеся выдающимися достижениями в Китае, награждаются почетными званиями, бонусами, сертификатами и медалями.

Иностранцы привлекаются в Китай по приглашению правительства либо на работу в правительственных проектах, либо в фирмах, имеющих партнерские отношения с зарубежными фирмами и международными организациями, либо по поручению иностранных фирм, имеющих инвестиции в Китае.

Число иностранных экспертов, работающих в Китае после 1993 г., превысило 70 тыс. Их общая численность за период с 1978 г. по 1997 г. в 21 раз превзошла общую численность за 30 лет до 1978 г. Иностранцы работают почти во всех сферах: в народном хозяйстве, науке, технике, образовании и культуре.

Наряду с экспертами, китайские наниматели нуждаются также в квалифицированных иностранных рабочих. Однако никаких специальных льгот для квалифицированных и обычных рабочих не предусмотрено, поскольку в Китае нет недостатка в трудовых ресурсах и цена труда в целом невелика.

Необходимо отметить, что в Китае наниматель и иностранный наемный работник в соответствии с законом заключают трудовой контракт на срок не более пяти лет. Такой контракт может быть возобновлен по завершении расчетов. В этом случае наниматель должен за тридцать дней до истечения срока контракта подать просьбу в органы, ведающие управлением труда, о продлении условий занятости и по получении согласия пройти необходимые формальности для продления разрешения на занятость. Как указано выше, заработная плата иностранного наемного работника не может быть ниже мини-

мальной зарплаты в данной местности. Продолжительность рабочего дня, отдыха и отпуска, безопасность труда и социальное обеспечение иностранных наемных работников определяются, исходя из соответствующих установок государства.

Политика в отношении незаконной внешней миграции

Выше описанная политика экспорта рабочей силы относится исключительно к тем, кого в плановом порядке набирают или привлекают государственные посреднические фирмы. Отдельные люди могут также своими силами искать работу за рубежом. Однако государство выступает против любого вида и любой формы несанкционированной внешней миграции и проводит курс на строгое наказание и пресечение незаконной внешней миграции. Эта политика включает следующие элементы:

- У тех, кто нелегально прибывает в Китай или покидает его, используя недействительные паспорта или иные удостоверения, эти документы конфискуются, а сами они, независимо от гражданства, подвергаются уголовному преследованию по соответствующим законам.
- Те, кто подделывает, изменяет, злоупотребляет, передает, покупает или продает визы и паспорта, подвергаются штрафу и задержанию на срок до 10 дней. Серьезные нарушения преследуются по соответствующим законам.
- Те, кто получил действительные сертификаты для въезда в Китай или выезда из него, предоставив ложную информацию, фальшивые документы или дав взятку, получают предупреждение или задерживаются на срок до 5 дней. Иностранцам, допустившим серьезные нарушения, может быть предписано покинуть Китай в течение определенного срока. Против китайских граждан и иностранцев, допустивших нарушения, достаточно серьезные, чтобы квалифицироваться как преступления, возбуждается уголовное дело.
- Китайские граждане, обманывающие государственные органы при запросах на выдачу паспорта, задерживаются на срок до 5 дней или получают запрет на выезд за рубеж на срок от одного года до пяти лет в случае серьезных нарушений.

В целях противодействия незаконной внешней миграции китайское правительство применяет суровые меры к «змеиным головам» планирующим и организующим такого рода деятельность. Эти лица имеют связи с международными синдикатами. В провинции Фуцзянь, где незаконная внешняя миграция свирепствует, местное население тесно сотрудничает с соответствующими органами, особенно — ведающими общественной безопасностью, для обмена информацией.

На китайских пограничных постах представители властей могут воспрепятствовать выезду китайских или иностранных граждан в случае, если они предъявили недействительный документ на выезд, документ, принадлежащий другому лицу, поддельный или измененный документ. Кроме того, китайским или иностранным гражданам запрещено покидать Китай, если против них возбуждено уголовное дело, если им запрещен выезд народным судом в связи с неурегулированным гражданским спором или если они ожидают решения в связи с любым нарушением соответствующего законодательства, которое требует дальнейшего расследования.

Иностранцам въезд в Китай запрещается в следующих случаях: если они высланы китайским правительством, если считается, что по прибытии в Китай они могут участвовать в террористической, насильственной и подрывной деятельности, если считается, что они по прибытии в Китай могут заниматься контрабандой, сбытом наркотиков или проституцией, если они страдают умственными расстройствами, проказой, СПИДом, венерическими заболеваниями

ниями, туберкулезом или другими инфекционными болезнями, если они не могут гарантировать оплату своих расходов в период пребывания в Китае и если считается, что они могут быть замешаны в иной деятельности, направленной против национальной безопасности и интересов Китая.

Международные соглашения по социальному обеспечению

Согласно правилам управления социальным обеспечением, принятым Госсоветом и местными властями, начиная с 1997 и по сей день премии по социальному страхованию выплачиваются только в пределах китайской территории. Однако, как цель и как тенденция, различные профессии и мастерство китайских работников приобретают все больше международное значение, особенно после вступления Китая в ВТО в 2001 г. Сегодня миллионы китайских работников и обычных людей трудятся в других странах или посещают их как туристы. Эта тенденция требует, чтобы блага социального обеспечения действовали и за рубежом или представлялись в других странах. С другой стороны, все больше иностранных работников, экспертов и обычных людей в качестве туристов посещают Китай. Нельзя отрицать, что здесь также есть проблема выплаты денег по социальному обеспечению.

Для защиты прав и интересов международных мигрантов в сфере социального обеспечения перед правительствами стран, экспортирующих и импортирующих рабочую силу, должна быть, очевидно, поставлена проблема глобализации льгот по социальному обеспечению. Китай, без сомнения, стоит сегодня перед этой проблемой. Также несомненно, что китайская политика внешней миграции не может беспрепятственно проводиться без успешного решения этой проблемы. В этой связи китайское правительство рассматривает ее как свою срочную задачу.

По мнению автора, для решения этой неотложной задачи китайское правительство может воспользоваться хорошим примером или, по меньшей мере, иметь его в виду. Широко известно, что государства-члены Европейского Союза, такие, как Германия, Франция, Греция, Бельгия, Дания, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания и другие, заключили друг с другом и с рядом других стран, в особенности европейских, двусторонние или многосторонние соглашения о социальном обеспечении, стремясь предотвратить возможные невыгоды для международных мигрантов, включая работников, экспертов и туристов. Для Китая, по моему мнению, практическая реализация этой задачи потребует в ближайшем будущем немало и упорного труда. Например, в Китае должен быть сформулирован и принят надежный закон о социальном обеспечении, который мог бы послужить основой для подписания любых двусторонних и многосторонних соглашений по проблеме социального обеспечения с заинтересованными странами. К сожалению, однако, такого рода законы пока что не разработаны и не введены в практику. Как известно, общий Закон о труде принят только недавно, хотя трудовая регламентация имеет полувековую историю с момента создания Китайской Народной Республики в начале 50-х годов прошлого столетия.

Плюс к этому, выплаты по социальному страхованию должны гарантироваться двусторонними соглашениями по социальному обеспечению в случаях болезни, инвалидности, старости, материнства, предоставляться оставшимся в живых иждивенцам, равно как и лицам, пострадавшим от несчастных случаев на работе или от профессиональных заболеваний, но в Китае эти виды социального страхования сегодня далеки от совершенства. Так, ни один из подобных законов о социальном страховании еще не разработан.

Широко признано, что солидное международное соглашение по социальному обеспечению должно базироваться на следующих посылах:

1. Все лица, охватываемые им, пользуются одинаковым статусом в отношении их прав и интересов в вопросах социального обеспечения.
2. Пребывание в одной стране или контрактирующем государстве в целом дает статус, равный с пребыванием в других странах.

Очевидно, что китайская реальность сегодня далека от указанных требований, но, как говорится, ничто не дается без усилий. Китайское правительство и китайский народ уверены, что они сумеют добиться решения упомянутых задач, хотя им и придется пройти еще немалый путь.

Заключение

В настоящее время китайская политика в отношении внешней миграции включает два компонента: политику по экспорту рабочей силы и политику по привлечению иностранных экспертов. И та, и другая являются составными частями курса Китая на реформы и открытость. Экспорт рабочей силы из Китая до 1978 г. был ограничен. Он особенно ускорился в 1990-х годах в связи с интеграцией китайской экономики в мировую экономику. Китай стал экспортировать все больше работников в различные регионы. Китайское правительство поощряет организованный экспорт рабочей силы, осуществляемый уполномоченными фирмами. По данным Министерства труда и социального обеспечения, эти фирмы обеспечили занятость за рубежом в конце 1998 г. 60 тыс. работников, а в 1999 г. — 100 тыс. Китайские граждане работают в области сельского хозяйства, швейного дела, строительства и питания более чем в 10 странах и регионах. Вопреки предположениям, что Китай экспортирует рабочую силу, чтобы решить проблему занятости, экспорт рабочей силы ни в коей мере не может служить значительным выходом для страны с населением в 1,3 млрд. чел.

-
1. ГСУ КНР. Статистический ежегодник 2000, с. 143
 2. Там же, с. 80
 3. ГСУ КНР и Министерство труда и социального обеспечения. Статистическое обозрение Китая. 1998, с. 78
 4. Там же, с. 123

Источники и литература

1. ГСУ КНР. Статистический ежегодник Китая. 1997-1998. — Пекин, 1999
2. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества. Ежегодник по внешней торговле и экономическому сотрудничеству, 1999-2000.- Пекин, 2001
3. ГСУ КНР и Министерство труда и социального обеспечения. Статистическое обозрение Китая. 1998. — Пекин, 1999.
4. Хэ Сянькай. Практика международной кооперации в области трудовых услуг. — Пекин, 1994.
5. Хоу Вэньжо. Политика занятости в экономическом развитии. В: Выбор политики для экономического развития. Ред. Жу Найва. — Ханчжоу, 1993
6. Сун Сяоу и др. Международное сотрудничество в трудовых услугах и занятость за рубежом. — Пекин, 1994.
7. Чжу Гаохун. Китайские иммигранты за рубежом: исследование истории международной миграции. — Шанхай, 1994

Комментарий

Статья профессора Хоу Вэньчжу, посвященная государственному регулированию экспорта и импорта рабочей силы в Китае, полагаю, привлечет внимание не только специалистов, но и широкой публики. Политика китайского государства в этом вопросе, представляющая жизненно важный интерес для России, трактуется в нашей прессе неоднозначно, и прояснение ее для нашего читателя таким видным исследователем, каким является профессор Хоу Вэньчжу, возможно, будет способствовать формированию более трезвых, лишенных аффектации взглядов.

Особенно важным для России представляется китайский опыт государственного регулирования экспорта рабочей силы. На то есть, по меньшей мере, две причины. Во-первых, известно, какой колоссальный ущерб причинила и продолжает причинять российской экономике, российской науке и образованию неконтролируемая утечка умов. Широко известно и то, что хаотично покидающие страну работники, причем не только умственного, но и физического труда, очень часто вынуждены соглашаться на условия, значительно худшие, чем те, на которые они могли бы рассчитывать, исходя из уровня своих знаний, умений, квалификации. Их законные права и интересы за рубежом практически никак не защищены. В этом отношении было бы весьма полезно как следует проанализировать китайскую практику, в особенности касающуюся деятельности государственных фирм, агентств по экспорту и импорту рабочей силы. Благодаря этой деятельности в выигрыше оказываются как государство, имеющее миллиардные доходы от этого вида экспорта, так и сами работники, получающие оптимальную цену за свой труд и чувствующие за своей спиной поддержку государства. Не остаются в накладе, разумеется, и сами фирмы.

Но, пожалуй, еще более значим для нас второй момент: место, которое отводит китайское государство экспорту рабочей силы в общей стратегии развития страны, во внутренней и внешней политике Китая. Профессор Хоу Вэньчжу предваряет анализ политики Китая в отношении внешней миграции рассмотрением итогов экономического роста страны за период реформ и положения в области занятости. Констатируя определенную напряженность в решении проблем трудоустройства работоспособной части гигантского населения Китая, он вместе с тем считает, что страна в состоянии справиться с этими нелегкими проблемами и делает важный вывод о том, что «Китай никогда не считал экспорт рабочей силы главным путем решения проблем занятости в городских районах». В статье также фиксируется негативное отношение китайского государства к нелегальной эмиграции и характеризуются меры, принимаемые для ее пресечения.

Все это, разумеется, необходимо принимать во внимание. Вместе с тем нельзя не видеть и того, что все, сделанное до сих пор в экономической и социальной сфере, пока не способствует уменьшению демографического давления на занятость. Несмотря на очень высокие темпы экономического роста безработица в городах увеличивается, а в сельских районах несколько не рассасывается колоссальный избыток рабочей силы.

Безработица в городах, по официальным китайским данным, которые фиксируют лишь зарегистрированных безработных, в конце 2000 г. составляла 3,1%, в конце 2001 г. — 3,6%, а в первой половине 2002 г. — 3,8%. По оценкам Министерства труда и социального обеспечения, к концу 2002 г. она может достичь 4,5%.¹ Но регистрируются далеко не все безработные. Официально публикуемая статистика городской безработицы не учитывает не работающих мужчин старше 50 лет и женщин старше 45 лет, а также сельских жителей, прибывших в город, но не сумевших найти там работу. Не считаются официально безработными т.н. «ся ган» — работники, уволенные с государственных предприятий, но сохраняющие с ними некую формальную связь и получающие определенное пособие. Исследователь из Центра изучения экономики Китая Пекинского университета Чжао Сяо называет регистрируемую безработицу «верхушкой айсберга»²

Таким образом, реальная безработица в китайском городе существенно выше официально публикуемых данных (по некоторым сообщениям, Государственное управление статистики КНР располагает сведениями о фактической безработице, но они не обнародуются). По мнению специалистов из Института демографии Академии общественных наук Китая, она составляет 5-6%.³ Существуют, однако, и еще более высокие оценки. В «Зеленой книге о населении и труде», изданной в 2002 г. издательством той же Академии общественных наук Китая, говорится, что фактическая безработица достигла 7%.⁴ Такой вывод был получен т.н. дельфийским методом⁵ — путем опроса специально отобранных пятидесяти с лишним наиболее известных экспертов по статистике труда и занятости и чиновников соответствующих правительственных ведомств, примерно в равной пропорции. Первые подняли планку реально существующей безработицы еще более высоко — до 8%, тогда как последние оценили ее в 6%. При этом почти три четверти специалистов полагают, что в ближайшие два года этот показатель может увеличиться еще на один-два процентных пункта.

Согласно методике, разработанной специалистами из Института труда и социального обеспечения и основанной на полевых исследованиях в различных районах Китая, показатель безработицы выше 7% означает вхождение в опасную, «красную» зону (следующую за предшествующими относительно благополучными зонами — «светлозеленой», «зеленой», «светложелтой и «желтой»). Пересечение этой черты подает сигнал тревоги в масштабе всей страны и требует принятия экстренных мер для снижения уровня безработицы и поддержки безработных, включая использование страховых фондов, внесение изменений в макроэкономическую политику, снижение ставки рефинансирования для стимулирования инвестиций, еще большую активизацию финансовой политики, увеличение потребления и т.п.⁶

Угрожающий характер такого уровня реальной безработицы определялся тем же дельфийским методом — путем экспертной оценки предельных масштабов безработицы, которые общество способно вынести. Переход за эту черту резко увеличивает общественное недовольство и факторы социальной нестабильности, стимулирует антиобщественную активность.

Некоторые специалисты считают, что сегодняшняя ситуация с безработицей — не просто угрожающая, но чрезвычайная, которая характерна для последней, «фиолетовой» зоны, начинающейся с уровня в 10%. Эту цифру называет, например, заместитель председателя Научного совета по структурным реформам Госсовета КНР Ян Цисянь.⁷

Расчеты известного китайского экономиста, директора Центра исследований Китая Академии наук Китая и университета Цинхуа профессора Ху Аньгана определяют численность реально безработных в китайских городах на 1998 г. в 15,4-16 млн. чел. Плюс к этому 17 млн. чел. остались без работы на во-

лостно-поселковых предприятиях после их закрытия в связи с нерентабельностью, неконкурентоспособностью и серьезным ущербом, наносимым ими окружающей среде. Итого — 32-33 млн. чел. Избыток рабочей силы в деревне составлял не менее 150-160 млн. чел.⁸ Соответственно общая численность людей, нуждающихся в трудоустройстве, оценивается в 182-199 млн. чел., или в 26-28,45% от общей численности занятых в городе и деревне в 1998 г.⁹ Сохранение этой ситуации прогнозируется и на конец текущей 10-й пятилетки.¹⁰

Особенно тревожно, что безработными в китайском городе все чаще оказываются молодые люди в возрасте до 35 лет. Как показало исследование, проведенное Институтом труда Министерства труда и социального обеспечения в 62 городах страны, за последние два года численность этой когорты безработных возросла почти на 20%¹¹. За это время удельный вес молодежи в общей численности безработных увеличился с 50 до 60%. Затруднения с устройством на работу испытывают многие молодые люди, в том числе и окончившие высшие учебные заведения. Сегодня работу находят только 70% выпускников высших учебных заведений, тогда как еще недавно без работы не оставался ни один абитуриент.

Для решения проблем трудоустройства не имеющих сегодня работы, рабочих и служащих, увольняемых с государственных предприятий с целью повышения их эффективности и конкурентоспособности, избыточных сельских работников и, наконец, десятиmillionной армии молодых людей ежегодно вступающих в рабочий возраст, китайское государство всеми мерами стремится поддерживать высокие темпы экономического роста. Считается, что при годовом росте экономики в 8% создается примерно 8 млн. новых рабочих мест. Это означает, что в текущей 10-й пятилетке можно будет трудоустроить 40 млн. чел., как раз столько, сколько планируется высвободить людей из сельского хозяйства. Такой простой расчет не только не оставляет никакой возможности для сокращения существующей городской безработицы, но, напротив, предполагает ее дальнейшее усугубление, поскольку не останется никакой возможности найти работу новому поколению работников, людям, демобилизуемым из армии, увольняемым в ходе сокращения штатов государственных предприятий и организаций. Их численность в общей сложности ежегодно увеличивается на 22-23 млн. чел.

Повысить еще более темпы экономического роста вряд ли возможно. Во-первых, вследствие четкой фиксируемой тенденции падения этих темпов за последние десятилетия, во-вторых, в связи с тем, что «перегрев» экономики неминуемо сопряжен с увеличением инфляции, что также доказано предшествующим опытом Китая, и, в-третьих, и это самое главное, простое наращивание темпов не ведет к адекватным успехам в смягчении безработицы.

Нерешенность проблем трудоустройства исчисляемого десятками миллионов контингента людей ведет к разрастанию нового для Китая слоя городской бедноты, создает угрозу политике реформ и в целом социальной и политической стабильности в стране.¹² Выход из складывающейся чрезвычайно тяжелой социальной ситуации усматривают в корректировке приоритетов социально-экономического развития и в изменении качества роста.

Весьма авторитетный Центр экономических исследований Государственного комитета по экономике и торговле опубликовал недавно доклад под весьма многозначительным заголовком: «О корректировке макроэкономической политики: от «стимулирования роста» вернуться к «полной занятости». В докладе констатируется, что после принятия курса на реформы и открытость экономический рост неизменно сопровождался обострением проблем занятости. Авторы доклада отмечают, что с уходом в прошлое экономики дефицита рын-

ки страны переполнены избыточными товарами, но в дефиците остается самое главное — рабочие места, или, как они пишут, простая «чашка риса».¹³

Как показывают расчеты, в первой половине 1980-х годов, когда среднегодовые темпы экономического роста достигали 10,77%, занятость росла на 3,32% в год. В первой половине 1990-х годов среднегодовые темпы роста экономики увеличились до 11,56%, а прирост занятости упал до 1,23% в год. Во второй половине 1990-х годов темпы экономического роста уменьшились до 8,30%, а занятость увеличивалась только на 0,96% в год.¹⁴

В Китае, как и в других странах, стремятся реализовать четыре главных приоритета макроэкономической политики: высокий уровень и высокие темпы экономического роста, высокий уровень занятости и низкий уровень недобровольной безработицы, стабильность цен и уравновешенность платежного баланса страны. На практике, однако, крайне трудно обеспечить одновременное достижение этих целей. Можно лишь попытаться на каждом этапе обеспечить их оптимальное сочетание, меняя в силу необходимости соответствующие акценты. Считается, что по мере созревания в Китае рыночной экономики проблемы сохранения и тем более наращивания темпов экономического роста должны отступать на второй план по сравнению с проблемами снижения безработицы, учитывая, что, как сказано выше, рост сам по себе не обеспечивает необходимое увеличение занятости.

Сегодня предлагается, таким образом, сделать больший упор на использовании главного сравнительного преимущества Китая — наличия огромных резервов дешевой рабочей силы. Это означает, во-первых, дальнейшие сдвиги в соотношении государственного и негосударственных секторов экономики в пользу последних, обеспечивающих более высокую и эффективную занятость, в т.ч. и для тех, кого вытесняет нерентабельный государственный сектор, и, во вторых, всемерное расширение сферы услуг, потенциально способной аккумулировать значительно больше рабочей силы, чем иные сферы.¹⁵ Одновременно предусматривается значительное укрепление системы социального обеспечения и изменение направленности финансовой политики государства, до сих пор нацеленной, главным образом, на обеспечение высоких темпов экономического роста.¹⁶

Специалисты рекомендуют правительству вкладывать деньги преимущественно в трудоемкую экономическую и социальную инфраструктуру, особенно в сельских районах, включая строительство дорог, мостов, систем водоснабжения, электросетей, телекоммуникаций, центров медицинского обслуживания сельского населения, мелиоративных, водоохраных, противопаводковых сооружений. Аналогичные цели задачи предусматриваются и для городов. Целесообразность инвестиций в тот или иной проект должна оцениваться прежде всего с точки зрения его потенциальных возможностей для привлечения избыточной рабочей силы и создания новых рабочих мест.

Осложнения с трудоустройством многомиллионных масс трудоспособного населения в городе и особенно в деревне, несомненно, оказывают возрастающее давление и на политику китайского государства в отношении внешней миграции. Решение или хотя бы смягчение проблем безработицы внутри страны могло бы уменьшить опасения по поводу возможного ослабления официальных ограничений на экспорт рабочей силы из Китая и, главное, укрепить уверенность в том, что на пути нелегальной миграции стоят надежные преграды. Но, как видно из сказанного, чтобы добиться такого эффекта, китайскому государству предстоит приложить немалые усилия, включающие и корректировку макроэкономического курса.

-
1. Жэньминь жибао. 2002. 11 сентября.
 2. Цзинцзи жибао. 2002. 12 июля.
 3. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 10 октября.

4. Наньфан чжоумо. 2002. 13 июня.
5. Этот метод широко использовался с 40-х годов прошлого века известной американской аналитической компанией «Рэнд корпорейшн».
6. Цзинцизи цанькао бао. 2002. 6 марта.
7. Чжунго цзинцизи шибао. 2002. 16 сентября.
8. Ху Аньган. Куажу синь шицзе ды цзуйда тяочжань: Чжунго цзиньжу гао шице цзедуань (Самый большой вызов при вступлении в новый век: Китай входит в этап высокой безработицы). Чжунго жэнькоу кэсюэ. Пекин. 1999. N 6.
9. Го Юнчжун. Данцянь вого шице жэнькоу вэньти ды сяньчжуан, чэньинь фэньси юй дуйцэ (Анализ состояния и факторов, определяющих проблемы безработного населения в Китае, и меры по их решению). Цзяосюэ юй яньцзю. 2002. N 2.
10. Чжун Мижун. Шуй вэй Чжунгожэнь цзао фань вань (Кто даст китайцу чашку рису?) - Пекин, Чжунго цзинцизи чубаньшэ, 2001, с.17
11. China daily. 2002. 13 June.
12. Выборочные социологические исследования показывают, что более 90% «сяган» уволены с убыточных или прекративших работу предприятий. Месячный доход на одного человека в их семьях в 70% случаях не превышает 300 юаней (менее 40 долл.). Более половины уволенных с госпредприятий остаются без работы в течение трех и более лет. Устроиться на новую работу им очень трудно. Их средний возраст — 40 лет, половина из них имеет низкие разряды и никакой профессиональной подготовки. Жэньминь жибао. 2002. 11 сентября. Согласно опросам, проводимым Институтом макроэкономики среди факторов, дестабилизирующих общество, городские жители в 1998 г. на первое место ставили коррупцию, на второе — разрыв в доходах, а на третье — рост численности «сяган», в 1999 г. рост безработицы вышел на второе место, непосредственно после коррупции. Hu An-gang. China's employment problems: analysis and solutions.// World economy and China. — Beijing, 2001, N 1
13. Чжунго цзинцизи шибао. 2002. 11 сентября.
14. Лю Хун. Вэйлай ши нянь вого ды цзюе синши цзи дуйцэ (Ситуация с занятостью в Китае в предстоящее десятилетие и меры по ее улучшению)// Нанькай цзинцизи яньцзю. — Тяньцзинь. 2000. N 4. С.43. .
15. По расчетам профессора Университета внешней торговли Цю Чжаосяна, на 1 млн. юаней, вложенных в тяжелую промышленность, создается 400 новых рабочих мест, в легкую промышленность — 700, а в сферу услуг — 1000. Доля сферы услуг в ВНП развитых стран достигает 50-60%, а в Китае — немногим более 30%. Чжунго цзинцизи шибао. 2002. 16 сентября.
16. С 1998 г., когда Китай стал проводить активную финансовую политику, по 2001 г. включительно эта политика обеспечила создание 4-5 млн. новых рабочих мест, на что было потрачено 510 млрд. юаней, полученных от реализации государственных облигаций. Другими словами в расчете на одно рабочее место государственный долг увеличивался на 100-130 тыс. юаней. Если исходить из этого курса на стимулирование экономического роста путем увеличения государственного долга, то для предусмотренного в 10-й пятилетке создания примерно 16 млн. новых рабочих мест понадобится от 1600 до 2080 млрд. юаней, что было бы непосильной ношей для китайских финансов. Чжунго цзинцизи шибао. 2002. 11 сентября.

История

Доктрина китайской нации

© 2002

А. Москалев

(Окончание. Начало в ПДВ № 5 2002 г.)

II

Призыв осуществить "великое возрождение китайской нации" звучит сегодня в КНР привычным рефреном. И хотя, по словам Цзян Цзэминя, уже произошло "историческое чудо в развитии китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)"¹, ее дальнейшее укрепление и развитие рассматриваются как неперенное условие превращения Китая в сильную и процветающую державу. Без преувеличения можно сказать, что идея единой китайской нации поднята в КНР на уровень интегративной доктрины стратегического значения. Но такой статус она обрела лишь в 80-90-е годы ушедшего века. Сначала же все обстояло иначе.

После образования КНР на протяжении длительного времени вокруг *чжунхуа миньцзу* сохранялась несколько двойственная ситуация. С одной стороны, нация *чжунхуа миньцзу* упоминалась в государственном гимне КНР², и это словосочетание было, так сказать, "на слуху". Также было известно, что Мао Цзэдун подходит к *чжунхуа миньцзу* как к совокупности всех народов Китая. Термин *чжунхуа миньцзу* изредка употреблялся в таком значении в текстах представителей высшего руководства КНР, в частности, самого Председателя КНР, его ближайшего соратника Чжоу Эньлая³. В этот же период в некоторых китайских газетах и журналах нации *чжунхуа миньцзу* было посвящено несколько статей (общее их число невелико), в которых рассматривались главным образом "глубокие исторические корни" китайской нации.

С другой стороны, подход к китайской нации как к "совокупности наций" не укладывался, понятно, в рамки четырехпризнаковой формулы этнонации, ставшей "канонической" в Советском Союзе, и руководству КНР в трактовке такой категории, как нация, по всем признакам, было желательно оставаться (в то время) в пределах советских "стандартов". По этой, видимо, причине в официальных политических текстах, например, в редакционных статьях газеты "Жэньминь жибао", работах теоретиков национального вопроса, выступлениях политических деятелей по вопросам национальной политики и т.п. было принято использовать не термин *чжунхуа миньцзу* (там, где теперь он обязательно был бы употреблен), а несколько однотипных словосочетаний (вероятно, рекомендованных "сверху"), выражавших идею единства всех народов страны. Приведу несколько характерных примеров. Так, через весь текст

Москалев Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

редакционной статьи “Жэньминь жибао”, озаглавленной “Еще далее усиливать сплоченность национальностей”, проходили словосочетания “единая большая семья наций”, “большая социалистическая семья наций”, “большая семья [наций нашей] родины” и т.п.⁴. Аналогичного рода словосочетания употреблялись в монографии Чжан Чжиин⁵, содержащей обширный раздел, посвященный национальному вопросу в Китае, в выступлении на совещании по национальной политике в Циндао (1957 г.) тогдашнего председателя Комитета по делам национальностей Улаанху (Уланьфу)⁶. Этими же словосочетаниями неоднократно пользовался Чжоу Эньлай в своем установочном выступлении на том же совещании в Циндао⁷.

Но в чем же состояла позиция Мао Цзэдуна в отношении *чжунхуа миньцзу*? Об этом можно сказать немного, поскольку у Мао Цзэдуна о *чжунхуа миньцзу* также сказано очень мало. Я имею в виду его учебное пособие (относящееся к декабрю 1939 г.) “Китайская революция и Коммунистическая партия Китая”. В этой работе первая глава, “Китайское общество”, действительно открывается параграфом, озаглавленным “Китайская нация (*чжунхуа миньцзу*)”⁸. Однако Мао Цзэдун не дает какого-либо определения понятия *чжунхуа миньцзу*. Он лишь отмечает, что эта нация охватывает весь “многонациональный народ” Китая. Касаясь исторического “развития *чжунхуа миньцзу*” (истоки которого, согласно Мао Цзэдуну, уводят в глубокую древность), он рассматривает его на примере ханьцев (*ханьцзу*), т.е. ханьской нации, что специально оговаривается в тексте⁹. В работе упоминаются названия ряда национальностей, входящих в состав китайской нации. Этим, собственно, и исчерпывается подход Мао Цзэдуна к китайской нации.

Из сказанного следует, что Мао Цзэдун, не вдаваясь в теоретизирование по поводу понятия *чжунхуа миньцзу*, воспользовался, говоря словами партийного идеолога Чэнь Бода¹⁰, “обиходным (*пин жи си юн дэ*)” значением данного словосочетания как “общего названия (*цзун чэн*)” народов Китая. Именно такое толкование понятия *чжунхуа миньцзу* дается в китайских толковых словарях, справочниках, энциклопедиях, статьях и монографиях по национальному вопросу в Китае.

Может быть, то, чего не сказал Мао Цзэдун о *чжунхуа миньцзу*, досказали китайские авторы, взявшиеся иллюстрировать его взгляды на эту нацию? Отнюдь нет. К примеру, Фань Вэньлань в статье “Развитие китайской нации”, написанной специально с указанной целью, ограничился лишь дополнительными сведениями о предках китайской нации, начав свой рассказ с “пекинского обезьяночеловека”, обитавшего, по его словам, “в Китае 40-50 тысяч лет назад”. Но прямыми предками народов, образовавших впоследствии *чжунхуа миньцзу*, историк считает “людей неолита”. Не давая, как и Мао Цзэдун, определения понятия *чжунхуа миньцзу*, Фань Вэньлань замечает, что “в многотрудных испытаниях в тюрьме народов”¹¹ великая китайская нация (*чжунхуа миньцзу*) закалила революционную волю, постепенно окрепла, ее самосознание повысилось, углубилось взаимопонимание между нациями [в нее входящими]¹². С образованием же КНР, как писал ученый, “тюрьме народов” пришел конец, и перед *чжунхуа миньцзу* открылась перспектива “беспримерно ускоренного развития”¹³.

Таковым оставалось принятое в КНР понимание единой китайской нации в первые несколько десятилетий после 1949 г. По свидетельству профессора Фэй Сяотуна, выступившего во второй половине 80-х гг. со своими замечаниями относительно нации вообще, многие китайские специалисты понима-

ли, что пустившая в КНР корни сталинская формула этнонации в Китае практически “не работает”. Но обстановка в стране долгое время была такова, что, по замечанию Фэй Сяотуна, “никто не осмеливался” исследовать данную проблему. Хотя, вспоминает ученый, еще в 50-е годы ему довелось слышать, как Мао Цзэдун говорил, что “в этот вопрос (о нации. – А.М.) нужно бы внести ясность”. Но дискуссия о нации так тогда и не состоялась¹⁴. Если не было достаточного понимания того, что же такое этнонация как тип социальной организации, то в объяснении термина *чжунхуа миньцзу* дело не шло далее определения его как “общего названия” национальностей Китая.

Несмотря на теоретическую неопределенность понятия *чжунхуа миньцзу*, политика КНР с самого начала была направлена на консолидацию китайского общества. Курс на “сплоченность национальностей” был закреплен законодательно. Конституция КНР обязывает граждан любой национальности “защищать единство государства и сплоченность всех национальностей”. Также запрещаются действия, направленные на “подрыв сплоченности национальностей”. Однако, начиная с конца 50-х годов, в 60-е и 70-е годы, – в период господства деструктивных политических установок – “сплоченность национальностей”, как и вообще консолидация всего китайского общества, были серьезно подорваны. В частности, на грани 70-х-80-х годов в КНР констатировалось значительное обострение межнациональных отношений. В этой ситуации идея единой нации оказалась как нельзя более востребованной и как бы “спасительной”. Термин *чжунхуа миньцзу* стал все чаще попадать на страницы газет и журналов; им все шире пользуются в своих выступлениях и речах ответственные политические деятели; руководимые КПК “демократические партии” вносят в свои уставы положения о необходимости крепить единство *чжунхуа миньцзу*¹⁵. В уставе Всекитайской ассоциации студентов появляется пункт, вменяющий в обязанность ее членам “содействовать сплоченности *чжунхуа миньцзу*”¹⁶. КПК все шире использует понятие *чжунхуа миньцзу* в работе в сфере национального вопроса, стремясь “идеологически внушить” неханьцам, что все они – члены единой китайской нации. Тогда же к пропаганде идеи единой нации привлекаются историки. В печати появляются статьи и материалы о первопреемке *чжунхуа миньцзу* – Желтом императоре (Хуанди)¹ нередко в паре с мифологической фигурой другого правителя архаической древности Яньди. Утверждается, что *чжунхуа миньцзу* насчитывает пять тысяч лет своей истории. Нация *чжунхуа миньцзу* выступает при этом как символ единства страны и ее народов. Идея единения в рамках китайской нации используется в качестве рычага, предназначенного обеспечить вектор центростремительного развития пестрого по своему составу китайского общества. Однако, как и в первые годы после образования КНР, вопрос о теоретическом осмыслении понятия единой нации остается открытым.

Несколько фрагментов текстов, относящихся к концу 70-х – началу 80-х годов, позволяют уловить идейно-пропагандистский смысл употребления понятия единой нации на уровне, так сказать, восприятия масс. Так, в “Жэньминь жибао” сообщалось, что в окрестностях Ташкуртана (Синьцзян-Уйгурский автономный район) обнаружены “захоронения национальных меньшинств” 2-3-тысячелетней давности, которые (национальные меньшинства), как сказано в газете, “с древнейших времен были членами великой семьи китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”. Отсюда вывод: “этот район (восточного Памира. – А.М.) с древнейших времен является частью территории нашего государства (Китай. – А.М.)”¹⁸. Нужно заметить, что членами китайской нации

действительно объявляются не только ныне проживающие в Китае народы, но и те, которые обитали в пределах территории КНР тысячелетия тому назад.

Как писала газета "Гуанмин жибао", выдающийся вклад в формирование китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) внесли Чингисхан и Хубилай¹⁹. Чингисхан признается "национальным героем в истории китайской нации"²⁰, много потрудившимся ради "единства национальностей (*вэй лэ миньцзу тунъи*)". "Культура Си Ся (государства тангутов, 982-1227. - А.М.), - писала "Гуанмин жибао", - важный компонент древней культуры *чжунхуа миньцзу*"²¹.

"Жэньминь жибао", сообщая о создании в XXI веке до н.э. "одной относящейся к *чжунхуа миньцзу* нацией рабовладельческого государства Ся", подчеркивала, что ее соседи тогда "еще находились на стадии первобытного общества"²².

В статье "Единство государства - неперемнная тенденция исторического развития китайской нации", опубликованной в теоретическом журнале ЦК КПК "Хунци", авторы Ли Минсань и Го Дэхун подчеркивали, что "*чжунхуа миньцзу* является сильной нацией, обладающей [проявившимися] в истории силой консолидации и центростремительной силой". Те же авторы утверждали, что когда император Канси "умиротворял" мятеж тибетцев²³, а император Цяньлун "умиротворял" монголов в Чжунгарии (кстати, тогда было вырезано почти все мужское население этого края) и уйгуров в Кашгарии, то эти действия якобы "получали горячую поддержку всех слоев населения тибетцев, монголов и уйгуров". А кровавое "усмирение" генералом Цзо Цзунтаном "раскольнического движения" в Синьцзяне²⁴, по словам авторов статьи, "объективно отражало чаяния народа, соответствовало его интересам". Это один из примеров описания межнациональных отношений в рамках *чжунхуа миньцзу*, которая "всегда отличалась патриотическими традициями борьбы с расколом, защиты единства"²⁵.

На съезде в г. Хух-Хото образцовых коллективов и отдельных лиц, отличившихся в движении за сплоченность национальностей, председатель народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия Бохоо отмечал, что коренной, главный принцип национальных отношений внутри *чжунхуа миньцзу* состоит в том, что ни одна нация не отрывается ни от какой другой нации²⁶.

Как поясняла "Жэньминь жибао", "наши казахи, уйгуры, хуэй, ханьцы, а также более пятидесяти братских наций всей страны равно являются компонентами *чжунхуа миньцзу*"²⁷.

Член Политбюро ЦК КПК Ван Чжэнь в 1980 г. писал: "Китайская нация, включающая ханьцев и все национальные меньшинства, представляет собой единое целое... Еще несколько тысячелетий тому назад наша китайская нация уже имела контакты... с древними цивилизованными государствами Запада"²⁸.

В постановлении, принятом VI пленумом ЦК КПК 12-го созыва (28 сентября 1986 г.), говорилось, что "*чжунхуа миньцзу* - это великая нация (*вэйда миньцзу*), обладающая длительными историей и культурой, которая в истории древней цивилизации долго находилась среди передовых наций мира. Но в новое время, в силу разложения феодализма и агрессии империализма, она превратилась в нацию отсталую"²⁹.

К числу отличительных свойств *чжунхуа миньцзу* (помимо упомянутых выше) СМИ КНР относили ее "возвышенный дух (*гаошан дэ цзиншэнь*)", трудолюбие, отвагу, выносливость, стойкость, чувство национальной гордости и т.п.³⁰, т.е. черты, которые, по-видимому, не чужды любой другой нации.

Приведенные примеры в общем свидетельствуют о том, что с окончанием длительного периода деструкции, в КНР пришли к пониманию стратегической важности усиления межнациональных связующих нитей, без чего единство государства могло бы быть серьезно поколеблено. Именно это, как представляется, и заставило китайское руководство обратиться к идее единой нации как важнейшему средству консолидации общества. Создаются механизмы внедрения в массовое сознание населения представления о единой китайской нации. Корни этой нации возводятся в архаическую древность. Ставится задача возрождения былого величия единой нации общими усилиями всех народов Китая. Исторический путь *чжунхуа миньцзу* связывается единой континуальностью, в начало пути помещаются мифические первопродки – родоначальники “всех народов” Китая. Исторической достоверности при этом не придается значения. Преследуется вполне определенная цель: утвердить веру в национальный миф. Последний призван послужить в качестве одного из способов формирования целостного массива единой нации.

При всей уязвимости поддерживавшихся в КНР в эти годы подходов к пониманию процессов формирования *чжунхуа миньцзу*, ее структуры, сомнительной мотивации действий исторических личностей, односторонности в изображении характера межнациональных отношений в истории и т.п., нельзя не признать, что сам факт возвращения к идее единой нации, которая (идея) стала овладевать умами многих китайцев с начала XX в., был шагом в правильном направлении. Это способствовало как противодействию силам дезинтеграции, внутренним и внешним, так и постепенному преодолению межнациональной вражды, отчужденности, недоверия и вообще межэтнической (и внутриэтнической) разобщенности между людьми.

Новый этап в осмыслении понятия единой китайской нации открывают исследования профессора Фэй Сяотуна. Он предложил свою модель *чжунхуа миньцзу*, явившуюся итогом его многолетних раздумий. Трактовка *чжунхуа миньцзу* Фэй Сяотуна заслуживает более детального рассмотрения.

Выступая в 2000 г. на международной научной конференции в Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь), посвященной исследованиям в области ханьской нации, Фэй Сяотун (которому в этом году исполнилось 90 лет) отнес появление своей “Модели китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) как множественного единства” к 1987 г.³¹

Но еще годом ранее в журнале “Миньцзу туаньцзе” было опубликовано интервью с маститым ученым, рассказавшем о своем понимании природы *чжунхуа миньцзу*. Обратив внимание на то, что *чжунхуа миньцзу* включает в себя 56 наций, Фэй Сяотун заметил: “Когда нация состоит из наций, само это понятие становится не вполне ясным. На Западе, насколько мне известно, такое словопотребление не встречается”. Отсюда ученый заключил, что у нации в Китае и на Западе “не вполне одинаковое содержание”³². Кроме того, по словам Фэй Сяотуна, нынешние “нации” (*миньцзу*) Китая отличны от западных, формировавшихся в период подъема капитализма. Поэтому нации в Китае, “не могут полностью соответствовать предложенному Сталиным определению нации”³³. По мнению Фэй Сяотуна, ключом к пониманию феномена нации в Китае может стать анализ процесса формирования ханьской нации. Сама же ханьская нация, как подчеркнул Фэй Сяотун, складывалась в ходе длительного смешения различных этносов, благодаря чему ее рост можно уподобить увеличивающемуся “снежному кому”. Сюнну, заметил ученый, частично ушли в Европу, частично остались в местах первоначального обитания, и немало

сюнну превратились в “ханьцев”. “То же самое *цян*, которые в эпоху Сун создали [государство] Си Ся. Сейчас на окраинах Сычуани их всего несколько десятков тысяч человек, но куда делось большинство [*цян*]?”³⁴ (Фэй Сяотун подразумевает, что большинство *цян* оказались поглощенными ханьцами). Ханьцы, по его убеждению, “представляют собой сложное целое, образовавшееся из многих различного происхождения потомков Яньди и Хуанди, и в расовом отношении у них очень сложный метисированный состав”³⁵ (к слову, об этом китайские ученые писали еще в первой половине XX в.).

Особенно большое значение придает Фэй Сяотун преобладанию в Китае смешанного характера расселения национальностей, что “в мире встречается редко”. В результате взаимных контактов, взаимовлияния в различных сферах, усвоения национальностями элементов культуры своих соседей и т.п. создается ситуация, когда, по замечанию ученого, “в тебе есть мое, во мне есть твое, и все это трудно разграничить, трудно расчленишь”³⁶. По поводу данной мысли Фэй Сяотуна замечу, что нечто подобное отмечалось в статье Ван Цзюньцзе “Рост и развитие *чжунхуа миньцзу*”, опубликованной в 1943 г. в журнале “Синь Чжунъюань” (“Новый Китай”). Автор этой статьи писал тогда, что “к настоящему времени в каждом клане (кланами здесь именуется этносы. – А.М.) появились свойства, присущие другим кланам”, и они уже утратили свою изначальную природу. Вот почему, заключает Ван Цзюньцзе, “кланы (т.е. этносы Китая. – А.М.) уже полностью превратились в одну великую китайскую нацию (*чжунхуа миньцзу*)”³⁷. Нечто подобное, по всей видимости, имеет в виду и Фэй Сяотун.

Развивая свою мысль, он подчеркивает, что в экономическом отношении интересы национальностей Китая тесно переплелись: “ты не отрываешься от меня, я не отрываюсь от тебя”. При этом, поясняет ученый, говорить о каких-либо “экономических центрах (*цзинцзи чжунсинь*)” у отдельных национальностей не приходится³⁸.

В формировании неханьских национальностей ученый усматривает те же сложные процессы, в ходе которых взаимно смешивались (сливались) различные (в частности, по языку) этнические группы.

В итоге Фэй Сяотун заключает, что начало формирования китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) как таковой относится к новому времени, когда национальности Китая стали включаться в совместное отражение империалистической агрессии. По его мнению, “Республика пяти национальностей”, “за которую ратовал Сунь Ятсен в конце династии Цин и начале Республики”, явилась “отражением существования формировавшейся в течение длительного времени общности”³⁹.

Что касается структуры *чжунхуа миньцзу*, то, по убеждению Фэй Сяотуна, она представляет собой трехъярусное образование: первый ярус (*цэнцзы*) – это собственно китайская нация (*чжунхуа миньцзу*) как целое; второй ярус – это все 56 наций Китая, конечно, и ханьцы; третий ярус включает подразделения внутри национальностей второго яруса. Этнические группы, проблема идентификации которых еще не решена, по мнению Фэй Сяотуна, относятся к третьему ярусу *чжунхуа миньцзу*⁴⁰.

Изложенные выше положения интервью Фэй Сяотуна уже содержали в себе почти все главное, что легло затем в основу концепции, получившей название “Модель китайской нации как множественного единства”. Подробное изложение этой концепции содержится в статье под тем же названием, опубли-

ликованной в 1989 г. в "Вестнике Пекинского университета"⁴¹. Вот ее основные положения.

Чжунхуа миньцзу – это народ (*жэньминь*) всего Китая, обладающий своей национальной идентичностью (*миньцзу жэньтун*). Более 50 национальностей, составляющих *чжунхуа миньцзу*, – это множественность (*до юань*), сама *чжунхуа миньцзу* – это единство, единое целое (*и ти*). Нации – члены *чжунхуа миньцзу* обозначаются тем же термином *миньцзу*, что и сама эта нация, но это разноразличные понятия.

Как и в своем интервью, Фэй Сяотун повторил, что нация *чжунхуа миньцзу* в качестве осознавшей себя этнической субстанции (*миньцзу шити*) появилась в последние 100 лет, в ходе противостояния Китая давлению со стороны западных держав. Но в качестве не осознавшей себя субстанции она формировалась на протяжении нескольких тысячелетий.

Фэй Сяотун замечает, что формирование *чжунхуа миньцзу* отличалось своей спецификой, хотя другие нации мира, по его мнению, могли образовываться аналогичным путем. Основу *чжунхуа миньцзу* составило этническое ядро, сложившееся три тысячелетия тому назад из нескольких слившихся этнических групп и локализованное в среднем течении Хуанхэ. Это ядро, которое стали именовать *хуася* (*бэй чэн вэй хуася*), постепенно разрасталось за счет поглощения иноплеменных этнических групп. После того как хуася заселили территории на равнинах Восточной Азии, в среднем и нижнем течении Хуанхэ и Янцзы, соседние народы стали именовать их ханьцами. Общность ханьцев продолжала поглощать прочие этносы и проникать на территории их обитания, образовалась своего рода система (межэтнических) отношений, в которых возобладала тенденция центростремительного развития. Таким образом, была заложена база объединения многих этносов в одно единое (и "неделимое" (*бу кэ фэнъгэ дэ*)) целое, которое оформилось сначала в не осознавшую себя (существовавшую "в себе" – *цзыцзай*) этническую субстанцию, а затем осознано себя в качестве *чжунхуа миньцзу*⁴². Такова схема рассуждений Фэй Сяотуна и его понимание единой китайской нации как некоей макроэтнической в своем субстанциальном содержании сущности. С момента появления этой концепции в конце 80-х годов вплоть до настоящего времени Фэй Сяотун не изменял своей позиции в данном вопросе.

Концепция Фэй Сяотуна явилась первым в условиях КНР опытом создания целостной теории понятия *чжунхуа миньцзу*. Сам автор назвал в 1989 г. свой подход "дерзкой попыткой"⁴³ разобраться в данном вопросе. Выступая на научной конференции в 2000 г., ученый заявил, что для того, чтобы его подход (теория) приобрел совершенный вид, "еще потребуются совместные усилия нескольких поколений" исследователей. Он также дал понять, что его подход, так сказать, "открыл путь"⁴⁴ для дальнейших разысканий в данной области. С этим можно вполне согласиться. Выдвижение Фэй Сяотуном своей концепции активизировало работу по изучению проблемы единой нации, подняв ее на академический уровень, и в этом высокая значимость его теории.

Понимание *чжунхуа миньцзу* как множественного единства, несомненно, отражает главное, что характеризует общности подобного рода. Кстати, обратившись к данной формуле, Фэй Сяотун лишь воспользовался принципом, известным со времен античности и находящем признание во многих странах мира.

Существенным нужно признать отнесение времени возникновения самосознания китайской нации к середине XIX в. Это более реалистично, нежели просто заявления о ее 4-5-тысячелетней истории. Вероятно, указанный рубеж

можно считать точкой отсчета лишь весьма относительно. Видимо, с этого времени, как считает ученый, появляются признаки, свидетельствовавшие о первых шагах в развитии идентичности данного уровня.

Что касается тысячелетий “неосознанного” существования *чжунхуа миньцзу* “в себе” (кстати, при отсутствии и общего наименования), о котором пишет Фэй Сяотун, то об этом, думается, более удачно говорится в текстах Лян Цичао, считавшего тысячелетия, предшествовавшие появлению китайской нации (*чжунхуа гоминь*), временем подготовки к ее формированию.

Ряд китайских исследователей не может согласиться с трактовкой Фэй Сяотуном *чжунхуа миньцзу* как этнической категории. Это обнаружилось еще на научной конференции 1990 г., на которой обсуждалась его концепция. В статье профессора Чэнь Лянькая, подводившей итоги этой дискуссии, об этом сказано, что на конференции прозвучало мнение, согласно которому к *чжунхуа миньцзу* следует подходить как к “политическому понятию (*чжэнчжи дэ гайнянь*)”, а не к этнической категории⁴⁵. Ма Жун в статье, посвященной *чжунхуа миньцзу*, пишет о ней как о “единой политической субстанции (*тунъи дэ чжэнчжи шити*)”⁴⁶.

Некоторые участники конференции поясняли, что квалификация *чжунхуа миньцзу* в качестве “политической категории” позволяет лучше понять, почему, например, монголы Внутренней Монголии являются членами китайской нации, тогда как их соплеменники в Монгольской Республике таковыми не являются. Наконец, некоторые предлагали считать единую нацию одновременно и политической, и этнической категорией⁴⁷.

Что касается разноречивости понятий нации в концепции Фэй Сяотуна, то с академической точки зрения, такое разграничение вполне понятно и правомерно. Другое дело – речевая практика. И когда, к примеру, встречаются такие фразы, как: “Ханьская нация – это главная нация китайской нации”⁴⁸, слушающий (или читающий), возможно, не всегда успевает разложить все эти “нации” по надлежащим полочкам. К слову, о нациях, состоящих из наций, изредка пишут и западные ученые⁴⁹. Однако когда Цзян Чжунчжэн в 1942 г. предлагал ограничить употребление термина нация только одним понятием *чжунхуа миньцзу*, то это также можно расценивать как одно из допустимых решений.

Методологически несостоятельной представляется точка зрения Фэй Сяотуна, согласно которой формирование нации в Китае якобы “шло своим особым путем (*дутэ дэ даолу*)”⁵⁰. Убедительных доказательств этого у Фэй Сяотуна нет. В частности, его замечание о том, что в Китае имеет место взаимопроникновение некоторых относящихся к области культуры элементов у контактирующих этносов отнюдь не является уникальным явлением. То же самое наблюдается и в Европе⁵¹. Однако в целом, как я уже заметил, разработка проблемы китайской нации Фэй Сяотуном явилась импульсом для дальнейших разысканий в этой области. В 90-е годы XX в. в КНР публикуется огромное количество научных статей, сборников, монографий, своеобразных хрестоматий (с подборками высказываний по проблематике *чжунхуа миньцзу*) и прочих материалов, посвященных единой нации. Стали создаваться центры по изучению *чжунхуа миньцзу*, проводятся научные конференции по данной проблематике.

Как я уже говорил, среди китайских исследователей высказывается мнение, что *чжунхуа миньцзу* является политической (а не этнической, как у Фэй Сяотуна и его последователей) общностью. С этим связан вопрос о воз-

возможности отнесения к *чжунхуа миньцзу* китайских эмигрантов (*хуацяо*). В статьях многих китайских авторов утверждается мысль, что помимо “ханьской нации как главной нации китайской нации”, а также такого компонента, как национальные меньшинства, “непременной частью” *чжунхуа миньцзу* является мировая китайская диаспора (*шицзе хуажэнь*)⁵². У Фэй Сяотуна об этой части единой нации ничего не говорилось. Однако Дэн Сяопин в 1990 г. заявил, что “соотечественники на континенте, соотечественники на Тайване, в Сянгане и Аомэне, а также заморские *хуацяо* (*хай вай хуацяо*) все являются *чадами* (*цзысунь*) *чжунхуа миньцзу*”⁵³. Но как быть с теми *чадами*, которые имеют гражданство той страны (за пределами КНР), где они проживают? Если считать *чжунхуа миньцзу* политической (государственной) нацией (что на мой взгляд единственно верно), то “прописанные” в других государствах *хуацяо* не могут, естественно, считаться “частью” *чжунхуа миньцзу*. Но проблема окажется решаемой, если согласиться с тем, что *чжунхуа миньцзу* будет рассматриваться и в формате культурного сообщества, т.е. как культурная нация. Теоретически такой подход правомерен, причем в культурном аспекте *чжунхуа миньцзу* также может пониматься как множественное единство, или единство в многообразии. В этом случае *хуацяо*, при желании, вполне могут считать себя принадлежащими к *чжунхуа миньцзу* как культурной нации, т.е. идентифицировать себя с ней⁵⁴. Но этот вопрос, конечно, входит в компетенцию китайских теоретиков, и им его решать.

Какие же новые идеи относительно единой китайской нации предлагались учеными КНР в последние годы? Изменилась ли в результате модель китайской нации, предложенная Фэй Сяотуном? Были ли какие-либо уточнения или поправки к этой теории? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к конкретным исследованиям китайских авторов.

Чжоу Син, рассматривая термин *чжунхуа миньцзу* в своей монографии “Этнополитология”, обратил внимание на близость понятий *чжунхуа миньцзу* и *гоминь* (“нация”). Отличия одного от другого он усматривал в том, что первое более тесно связано с этническим планом, тогда как второе – с такими категориями, как “государство” и “народ”. В то же время он отмечал, что общности, превосходящие “основные этнические единицы” постоянно приобретают некоторую политическую значимость⁵⁵. Несколько ранее, в статье, посвященной оценке модели единой нации Фэй Сяотуна, Чжоу Син ставил вопрос о сущности самого понятия *чжунхуа миньцзу*: “Все-таки, – спрашивал ученый, – *чжунхуа миньцзу* – это этническая категория или культурная категория или же политическая категория?...”⁵⁶. Ответа в статье не предлагалось. В самой *чжунхуа миньцзу* Чжоу Син склонен видеть “уникальную в мировой истории макрорасовую единицу (*даньвэй*)”, хотя и признает, что изученность этого “объекта” в Китае еще недостаточна⁵⁷.

Хотя точка зрения на *чжунхуа миньцзу* как нацию, насчитывающую несколько тысячелетий своего развития, весьма распространена в КНР, некоторые китайские авторы ее оспаривают. Чжоу Цзяньсинь, автор статьи “Размышления о наименовании *чжунхуа миньцзу*” пишет по этому поводу, что он “не согласен с возведением понятия *чжунхуа миньцзу* на тысячелетия в прошлое”. Он также против того, чтобы “все древние нации включались в состав *чжунхуа миньцзу*”⁵⁸. Далее он высказывает мысль, что “не следует преждевременно признавать, что субстанция (*шити*) *чжунхуа миньцзу* уже сформировалась”. В данной связи он замечает, что “нужно принять во внимание опыт и уроки бывшего Советского Союза и бывшей Югославии, дабы из-

бежать крупных тактических просчетов”⁵⁹. По его мнению, уже появившееся самосознание *чжунхуа миньцзу* может способствовать “формированию и развитию “*чжунхуа миньцзу*”, но “довольно большой разрыв между нациями [Китая]” не дает еще основания для “забегания вперед” в решении вопроса о формировании ее “этнической субстанции”⁶⁰. Автор в то же время считает, что “этнополитическая субстанция (*чжэнчжи миньцзу шити*) уже сформировалась”. Дальнейший путь развития единой нации он видит в трансформации нации как “абстрактного понятия” в “реальную этническую субстанцию”⁶¹. В другом месте своей статьи автор поясняет, что будущая *чжунхуа миньцзу* (в его понимании) станет “полностью новой этнической субстанцией”⁶². Это напоминает рассуждения на эту же тему Сунь Ятсена, относящиеся к 1919 г. Итоговое мнение Чжоу Цзяньсиня сводится к тому, что *чжунхуа миньцзу* находится сейчас на начальном этапе (*ци бу цзедуань*) своего формирования⁶³. Знакомство со взглядами этого автора (являющегося докторантом Ляньчжоуского университета) показывает, насколько велик разброс мнений о единой китайской нации, — ее прошлом, настоящем и будущем — и насколько неодинаково понимание ее категориальной отнесенности.

Сяо Цзюньхэ, представляющий Исследовательский центр китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) при Фошаньском университете (провинция Гуандун), считает важнейшими факторами, определяющими *чжунхуа миньцзу* как единую общность, наличие у всех ее членов ощущения общности расы (*тун чжун*), общности корня (*тун гэн*) и общности культуры (*тун вэн*). Общность корня представляет собой не что иное, как миф относительно происхождения всех членов единой нации от первопредков Яньди и Хуанди⁶⁴. Основными макрокомпонентами китайской нации он называет ханьскую нацию (как главную нацию китайской нации), национальные меньшинства и мировую китайскую диаспору (*шицзе хуажэнь*).

Много внимания уделяют китайские исследователи проблеме укрепления сознания *чжунхуа миньцзу*. Ян Фажэнь, представляющий Синьцзянскую академию общественных наук, особо подчеркивает, что сознание *чжунхуа миньцзу* необходимо всемерно укреплять и “соединять воедино этническое сознание национальностей и сознание *чжунхуа миньцзу*”. По его словам, “сознание *чжунхуа миньцзу* представляет собой сформировавшуюся в ходе длительного исторического развития наличествующую у всех национальностей общую форму сознания... являющуюся квинтэссенцией 5-тысячелетней цивилизации *чжунхуа миньцзу*”. Он также утверждает, что “общие интересы *чжунхуа миньцзу* выше специфических интересов национальностей”⁶⁵. Сознание *чжунхуа миньцзу*, как подчеркивает Ян Фажэнь, “воплотило славные традиции патриотизма многонационального народа Китая. Патриотизм — это духовный столп *чжунхуа миньцзу*, ее душа, ядро сознания *чжунхуа миньцзу*”. И еще: сознание *чжунхуа миньцзу* в древности “было направлено главным образом против темных замыслов господствующих классов, против раскола государства, в защиту сплоченности и единства *чжунхуа миньцзу*, а в новое время — главным образом против сил империализма и феодализма, на борьбу за завоевание независимости, свободы и освобождение родины”. Автор также замечает, что требование укрепления сознания *чжунхуа миньцзу* не противоречит укреплению этнического сознания национальностей: в своей основе, считает он, это единый процесс⁶⁶.

Автор рецензии на коллективную монографию сотрудников Института национальностей АОНК, посвященную “собирающей силе” *чжунхуа минь-*

цзу как центральной теме⁶⁷, Хуа Цзугэнь, отмечает, что *чжунхуа миньцзу* превратилась в “единое неделимое целое” благодаря своей собирательной силе. В настоящее время, “в новый исторический период”, ее собирательная сила “еще далее укрепилась”. Рецензент полагает, что наличие столь мощной собирательной силы – специфическая особенность *чжунхуа миньцзу*, сложившаяся в результате совокупного действия шести факторов: географического, экономического, культурного (имеется в виду традиционная культура), общего психического склада, наличия единого многонационального государства, совместной борьбы с внешней агрессией⁶⁸.

Сунь Найминь, представляющий Академию общественных наук провинции Цзилинь, подчеркивает, что *чжунхуа миньцзу* является продуктом процесса исторического слияния национальностей⁶⁹. По-видимому, такое понимание есть следствие столь распространенного в КНР подхода к *чжунхуа миньцзу* как к этнической макрообщности, будущее которой многим видится как некое “полное слияние” составляющих ее национальностей.

Цин Вэньхуэй и Сунь Хуэй добавляют к свойствам *чжунхуа миньцзу* еще одно качество: пацифистскую природу ее культуры⁷⁰. Ши Иньхун и Сун Дэсин полагают, что “китайская нация по-прежнему нуждается в том, чтобы посредством учебы (*цзин сюэси*) приобрести облик зрелого национального образования”⁷¹, т.е., по-видимому, она еще находится, согласно их мнению, на начальном этапе своего становления.

В теоретической статье члена Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК КПК Сюй Чжунтяня (посвященной, правда, не проблеме нации) говорится об “исторической миссии осуществления великого возрождения китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)” в условиях “полного надежд и вызовов нового века”⁷². Об этом же неоднократно упоминал Цзян Цзэминь в своей речи по случаю 80-летия КПК. Он, в частности, отметил, что со времени начавшегося строительства социализма с китайской спецификой “был открыт правильный путь для великого возрождения *чжунхуа миньцзу*”. Иначе говоря, наиболее благоприятная ситуация для дальнейшего развития единой китайской нации сложилась именно с принятием партией этого политического курса. Нельзя также не отметить, что в своей юбилейной речи Цзян Цзэминь вспомнил о том, как Сунь Ятсен уподоблял китайцев разрозненным песчинкам, заявив, что “мы окончательно покончили с тем состоянием старого Китая, когда [его народ сравнивали] с множеством разрозненных песчинок (*и пань сань ша*)”, и добились “высокопрочного единства страны и небывалой сплоченности всех национальностей”⁷³. Это мнение важно учитывать, так как в настоящее время уровень консолидации китайского общества действительно далеко уже не тот, каким он был во времена Лян Цичао и Сунь Ятсена, и это говорит о том, что единая китайская нация из периода абстрактных проектов вступила в новый этап своего развития.

В связи с обсуждаемыми проблемами единой китайской нации упомяну также о статье Чжу Луя (заведующего отделом наций мира в Институте национальностей АОНК), которая любопытна тем, что ее автор, говоря о полиэтнической нации в Китае, пользуется не термином *чжунхуа миньцзу*, а употребляющимся в свое время Лян Цичао понятием *гоминь* (“нация”). В качестве обозначения единой нации он также использует старый термин Лян Цичао – *чжунхуа гоминь* (“китайская нация”), попутно замечая, что (в отличие от этого мыслителя) теперь уже нет почвы для ее подразделения на собственно

“государственную нацию (*гоминь*)” и “этнонации (*миньцзу*)” (что имело место у Лян Цичао)⁷⁴.

Изложение подходов современных китайских исследователей к проблеме единой нации было бы неполным без упоминания еще одного немаловажного аспекта, связанного с *чжунхуа миньцзу*, о котором китайские авторы, пишущие по проблематике этой нации, обычно не упоминают. Я имею в виду вопрос “национализма китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”, о котором в последнее время пишут китайские исследователи “китайского национализма” (*чжунго миньцзучжун*). (Те, кто занимается проблемой *чжунхуа миньцзу*, как правило, ограничиваются ее “традициями патриотизма”.) Так, шанхайский историк Сяо Гунцин упоминает о “поощрении “национализма” китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)” в КНР⁷⁵. Другой исследователь подчеркивает, что “национализм – это идеология всей нации”. Эта идеология, по его же замечанию, “является таковой для всех классов и прослоек всей нации”⁷⁶. Автор одного из заглавных докладов на шэньчжэньской конференции по проблемам национализма Чжао Цзюнь считает “современный национализм китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)” одной из важнейших “внутренних проблем *чжунхуа миньцзу*”. Он убежден, что благодаря национализму можно решить “проблему консолидации внутри самой *чжунхуа миньцзу*”⁷⁷. По словам Чжао Цзюня, “те, кто стоит на позициях национализма *чжунхуа миньцзу*... являются людьми, способными увлечь за собой всю нацию ради [достижения] великого замысла наших предков о совершенном правлении”⁷⁸. И далее: “сущность духа национализма китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) – это [принцип] “Поднебесная – общее достояние”, который способствует консолидации нашей нации”. Чжао Цзюнь уверял, что, опираясь на этот принцип, можно будет “продолжить борьбу за [лучшие] традиции *чжунхуа миньцзу*”⁷⁹. Полиэтнический (или на-дэтнический) национализм *чжунхуа миньцзу*, за который ратуют китайские исследователи, думается, еще одно свидетельство в пользу трактовки этой нации как *неэтнической* общности.

К этому можно добавить, что в КНР в последние годы многие исследователи склоняются к мнению, что “правильным” национальным самоопределением может быть только самоопределение всей китайской нации (*чжунхуа миньцзу*). Такое мнение (но в несколько иной форме) высказывалось некоторыми китайскими авторами еще в 50-е годы, но лишь в 90-х годах ушедшего века *чжунхуа миньцзу* стала рассматриваться как носитель права на самоопределение⁸⁰.

Итак, создание единой китайской нации – одна из “сквозных” идей в Китае XX в., унаследованная и веком XXI. Ее актуальность подтверждается тем, что будучи сформулирована на грани XIX–XX вв., в последующие годы и на всех этапах развития страны (с отдельными перерывами) эта идея становилась все более востребованной, обретая форму стратегической интегративной доктрины.

Наиболее интенсивной в плане количества предлагавшихся решений проблемы единой нации стала первая половина XX века. Различные концепции единой нации выдвигались тогда одна за другой, и некоторые из них, как уже отмечалось выше, оказались весьма удачными. Во второй половине века первые три с лишним десятилетия стали годами “застоя” в этой области, и лишь в последние пятнадцать лет – со времени появления концепции Фэй Сяотуна – активность теоретических изысканий по данной проблематике, а также политической поддержки доктрины единой нации резко возрастают.

Анализ социальной реальности Китая XX и начавшегося XXI вв. подтверждает, что формирование единой китайской нации — это продолжающийся процесс, в силу чего сказать, что такой общности, как *чжунхуа миньцзу*, еще нет, так же неправильно, как и сказать, что такая нация уже существует в своем “готовом” виде. Здесь нужно подчеркнуть, что важна прежде всего ориентация на такую нацию, политическая установка, решимость, воля ее обрести. А эта идея, пожалуй, и есть то главное, что находит сегодня понимание в китайском обществе. Думается, что политическая идентичность *чжунхуа миньцзу* действительно уже стала социально релевантной, то есть воспринимаемой как определенная ценность, с которой связывается многое полезное для граждан КНР, в частности, политическая стабильность государства (*чжунхуа миньцзу* как один из “стабилизаторов” китайского общества), без которой нормальное развитие страны было бы немислимо.

Заметное повышение уровня социально-политической интеграции в рамках *чжунхуа миньцзу* в значительной мере является результатом развития процесса нациестроительства в Китае, активной пропаганды доктрины единой нации⁶¹. Не менее важно и то, что в КНР особое внимание уделяется внедрению в сознание граждан страны общегосударственного самосознания (*гоцзя иши*) или, что то же самое, самосознания единой китайской нации (*чжунхуа миньцзу иши*). Все это позволяет сделать центростремительное развитие компонентов единой нации определяющей тенденцией. На этом фоне есть, конечно, негативные явления (сепаратизм в некоторых национальных районах, региональный партикуляризм и т.п.). Но эти явления в общем носят маргинальный характер и не в состоянии поколебать главную тенденцию укрепления вектора центростремительного развития.

Из всех концепций единой нации, предложенных в первой половине XX века, наиболее удачной, пожалуй, была концепция, закреплённая в проекте Конституции Китайской Республики 1936–37 гг. Значение проекта Цзян Чжунчжэна можно видеть в сознательном ограничении сферы употребления термина “нация” одним лишь уровнем надэтнического “свода” единой нации, что отвечало наиболее распространенным международным стандартам в использовании данного термина. Концепция Лян Цичао, несмотря на недостатки, несомненно, ценна как пионерский проект, принципиально ориентированный на понимание китайской нации как политической общности. К тому же он как ни кто другой сумел показать, что государству, у которого отсутствуют связующие силы нации, грозит распад.

Что касается периода КНР, то несмотря на обилие работ по *чжунхуа миньцзу*, публиковавшихся в стране в последние годы, подлинно творческих, теоретически основательных исследований по данному вопросу не так уж много. Знакомство с различными точками зрения китайских исследователей на *чжунхуа миньцзу* показывает, что в понимании природы этой нации немало противоречивого. В частности, все еще сильна приверженность многих авторов к этнической интерпретации *чжунхуа миньцзу*, проявляющаяся, к примеру, в желании подключить к ней всех хуацяо; в переносе данных об одном, хотя и главном ее компоненте, т.е. ханьской этнонации, на всю общность *чжунхуа миньцзу* (взять хотя бы миф об “общих” первопредках Яньди и Хуанди) и т.д. Несомненно, однако, вклад Фэй Сяотуна в теоретическое осмысление понятия *чжунхуа миньцзу*. Предложенная им модель стимулировала начало широких теоретических дискуссий вокруг данного понятия. Можно полагать, что интеллектуальные усилия китайских участников этих дискуссий позволят решить

спорные теоретические проблемы китайской нации и не за столь долгий срок, о котором упомянул Фэй Сяотун в своем выступлении 2000 года.

В целом, твердый курс КНР на “великое возрождение *чжунхуа миньцзу*”, продолживший традиции нациестроительства, заложенные в Китае в первой половине XX века, отражает осознание важности данной проблемы, первые шаги в решении которой приводят к позитивным практическим результатам. Доктрина *чжунхуа миньцзу* уже показала свою политическую эффективность как действенная интегративная сила. Работающий в КНР огромный государственный пропагандистский механизм, внедряющий в массовое сознание идею единой нации, действует постоянно и многопланово. Упомяну в данной связи лишь о таких центрах воздействия на сознание масс, как Парк *чжунхуа миньцзу* и Дворец культуры национальностей в Пекине. Подобного же рода объекты есть и в других регионах страны. Недавнее объявление Компартией себя “авангардом *чжунхуа миньцзу*”, возможно, означает не только желание представить КПК как символ единства *чжунхуа миньцзу* и, тем самым, усилить интегративные качества доктрины китайской нации, но и стремление найти связь с теорией “трех представительств”, согласно которой КПК представляет “коренные интересы самых широких слоев народа Китая”⁸².

1. Цзян Цзэминь. Цзай цинчжу Чжунго гунчаньдан чэнли баши чжоуньян дахуэй шан дэ цзянхуа [Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины создания КПК] // Жэньминь жибао. 2001. 2 июля.
2. Текст гимна принадлежал Тянь Таню (1898-1968) и был им написан на музыку Не Эра (1911-1935) [“Марш добровольцев”] в 1934 г. Сейчас трудно с полной определенностью утверждать, что имел тогда в виду автор текста под *чжунхуа миньцзу*.
3. Например, термин *чжунхуа миньцзу* был дважды употреблен Мао Цзэдуном в тексте, озаглавленном “Цзелунь” [“Итоги”], относящемся к 1955 г. См.: Мао Цзэдун сюань цзи [Избранные сочинения Мао Цзэдуна]. Пекин, 1977. Т. 5. С. 154. Один раз этот термин встречается в выступлении Чжоу Эньлая на совещании по национальной политике в Циндао (1957 г.). См.: Чжоу Эньлай. Гуаньюй во го миньцзу чжэнцэ дэ цзигэ вэньти [О некоторых вопросах национальной политики нашей страны] // Хунци. 1980. № 1. С. 9.
4. Жэньминь жибао. 1957. 24 августа.
5. Чжан Чжи. Ши лунь чжунго жэньминь миньчжу туньи чжаньсянь [Опыт рассмотрения Единого демократического Народного фронта Китая]. Пекин, 1958. С. 227, 228. Лишь один раз в этой книге – в цитате из документа, относящегося к 1935 г., встречается термин *чжунхуа миньцзу*, но, судя по контексту, он употреблен в значении “ханьцы” (с. 234).
6. Гоуюань фу цзунли Уланьфу цзай миньцзу гунцзо цзотаньхуэй шан дэ фаянь чжайяо [Извлечения из выступления вице-преьера Госсовета Улаанху на совещании по работе в сфере национального вопроса] // Цзинь и бу цзэнцян миньцзу туаньцзе [Еще далее усиливать сплоченность национальностей]. Пекин, 1957. С. 15, 17.
7. Чжоу Эньлай. Указ. соч. С. 4, 6, 9, 10, 12.
8. Кстати, в русском издании этой работы Мао Цзэдуна термин “китайская нация (*чжунхуа миньцзу*)” переведен неправильно: либо как “китайский народ”, либо как “Китай” См.: Китайская революция и коммунистическая партия Китая // Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1953. Т. 3. С. 135-137.
9. Чжунго гэмин хэ чжунго гунчаньдан // Мао Цзэдун сюань цзи [Избранные сочинения Мао Цзэдуна]. Пекин, 1952. Т. 2. С. 616.
10. Чэнь Бода. Пин “Чжунго чжи миньюнь” [К критике [книги] “Судьба Китая”] // Чэнь Бода, Ай Сыци дэн чжу. Пин “Чжунго чжи миньюнь” [Чэнь Бода, Ай Сыци и др. К критике [книги] “Судьба Китая”]. Б.м., 1945. С. 3.
11. Китайскую Республику, как и Цинскую империю, Фань Вэньлань характеризует как “тюрьму народов (*миньцзу дэ лаоюй*)”.

12. Фань Вэньлань. Чжунхуа миньцзу дэ фачжань // "Сюэси" ["Учеба"]. 1950. Цзяюань 3. № 1 (6 октября). С. 45, 47.
13. Там же. С. 47.
14. Фэй Сяотун тань "миньцзу" [Фэй Сяотун обсуждает проблему "нации"] // Миньцзу туаньцзе. 1986. № 6. С. 6.
15. Жэньминь жибао. 1983. 23 ноября; 9 декабря; 30 декабря.
16. Жэньминь жибао. 1983. 25 августа.
17. Миньцзу сянь цзу Хуанди лин [Могила предка нации Хуанди] // Жэньминь жибао. 1985. 7 апреля; Fang Dong. The Tomb of the Yellow Emperor // China Reconstructs. 1984. № 12. P. 51.
18. Жэньминь жибао. 1977. 8 декабря.
19. Гуанмин жибао. 1981. 17 августа.
20. Гуанмин жибао. 1984. 19 августа.
21. Гуанмин жибао. 1980. 22 января.
22. Жэньминь жибао. 1981. 8 декабря.
23. Это имело место в 1720 г.
24. В 1878 г.
25. Ли Минсань, Го Дэхун. Гоця тунъи ши чжунхуа миньцзу лиши фачжань дэ би-жань цюйши // Хунци. 1983. № 15. С. 27-30.
26. Жэньминь жибао. 1983. 16 сентября.
27. Жэньминь жибао. 1980. 13 сентября.
28. Жэньминь жибао. 1980. 16 октября.
29. Чжун гуан чжунъян гуаньюй шэхуэйчжун цзиншэнь вэньмин цзяньшэ чжидао фанчжэнь де цзюэи [Постановление ЦК КПК относительно курса, которым следует руководствоваться в строительстве социалистической духовной культуры] // Жэньминь жибао. 1986. 29 сентября.
30. Жэньминь жибао. 1983. 24 августа, 21 октября, 27 октября; Гуанмин жибао. 1983, 26 октября.
31. Фэй Сяотун. Гуаньюй хань миньцзу яньцзю дэ исе сяньфа [Некоторые соображения относительно исследований в области ханьской нации] // Миньцзу вэньти яньцзю. 2001. № 4. С. 70.
32. Фэй Сяотун тань "миньцзу". С. 6.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же. С. 7.
36. Там же.
37. Ван Цзюньцзе. Чжунхуа миньцзу дэ чэнчжан юй фада // Синь Чжунъюань. 1943. Т. 1. № 2-3. С. 51.
38. Там же.
39. Там же. С этим мнением трудно согласиться по ряду причин. Об отрицательном отношении Сунь Ятсена к доктрине "Республика пяти национальностей" и ее смысле см.: А.А. Москалев. Сунь Ятсен и доктрина "Республика пяти национальностей" // Востокведение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 353-361.
40. Фэй Сяотун тань "миньцзу". С. 7.
41. Фэй Сяотун. Чжунхуа миньцзу дэ до юань и ти гэцзюй // Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1989. № 4.
42. Фэй Сяотун. Указ. соч. С. 1.
43. Там же.
44. Фэй Сяотун. Гуаньюй хань миньцзу... С. 70.
45. Чэнь Лянькай. Цзэньян лицэ чжунхуа миньцзу цзи ци до юань и ти (Таолунь цзуншу) [Как понимать, что такое чжунхуа миньцзу и ее множественность в единстве. Итоги дискуссии] // Чжунхуа миньцзу яньцзю синь таньсо / Ред. Фэй Сяотун. Б.м., 1991. С. 411-412.
46. Ма Жун. Чунцзянь чжунхуа миньцзу до юань и ти гэцзюй дэ сань дэ лиши тяоцзянь [Новые исторические условия для реконструкции модели чжунхуа миньцзу как множественного единства] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1989. № 4. С. 25.
47. Чэнь Лянькай. Указ. соч. С. 412.

48. Сяо Цзюньхэ. Лунь чжунхуа миньцзу цзуги дэ гоучэн [О структуре этнической субстанции китайской нации] // D5 Миньцзу яньцзю. 1997. № 4. С. 20.
49. Хюбнер К. Нация. От забвения к возрождению (перевод с нем.). М., 2001. С. 52.
50. Сюй Пин. Фэй Сяотун миньцзу сюэшу сысян шулюэ [Краткий обзор научных идей Фэй Сяотуна относительно нации] // Чжунго шаошу миньцзу. 1992. № 6. С. 6.
51. Ср. в данной связи замечания об этом Хюбнера: Хюбнер К. Указ. соч. С. 388-389.
52. Сяо Цзюньхэ. Указ. соч. С. 23-24.
53. Гунтун нули, шисянь цзуго тунъи [Общими усилиями добиваться единства родины] // Дэн Сяопин вэнь сюань [Избранные сочинения Дэн Сяопина]. Пекин, 1993. Т. 3. С. 362.
54. В настоящее время в различных странах мира проживает примерно 55 млн хуацяо. См.: Сяо Цзюньхэ. Указ. соч. С. 23.
55. Чжоу Син. Миньцзу чжэнчжисюэ. Пекин, 1993. С. 7, 6.
56. Чжоу Син. Гуаньюй "Чжунхуа миньцзу до юань и ти гэцзюй" дэ сюэшу пинлунь [К научной оценке "Модели китайской нации как множественного единства"] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1990. № 4. С. 5.
57. Чжоу Син. Хуанхэ шан ю цюйюй до миньцзу гэцзюй дэ лиши синчэн [Историческое формирование полиэтнического образования в регионе верхнего течения Хуанхэ] // Чжунхуа миньцзу яньцзю синь таньсо. Б.м., 1991. С. 405.
58. Чжоу Цзяньсинь. Гуаньюй "чжунхуа миньцзу" чэнвэй дэ сыкао // D5 Миньцзу яньцзю. 2000. № 12. С. 20.
59. Чжоу Цзяньсинь, видимо, имеет в виду, что распространявшиеся в Советском Союзе утверждения об "особой прочности" "новой социальной и интернациональной общности – советского народа" были преждевременными. Ю.В. Бромлей действительно писал, что советский народ отличает "особая прочность" в силу его "морально-политического единства". См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 391.
60. Чжоу Цзяньсюнь. Указ. соч. С. 20-22.
61. Там же. С. 22.
62. Там же. С. 23.
63. Там же.
64. Сяо Цзюньхэ. Указ. соч. С. 19. Замечу в данной связи, что Цзян Цзэминь в 1990 г. предлагал заменить выражение "чада Яньди и Хуанди" на "чада *чжунхуа миньцзу*", мотивируя это тем, что у последнего "гораздо большая представительность". См.: Миньцзу туаньцзе. 1990. № 4. С. 46. Однако нет признаку того, что кто-либо этому указанию следует.
65. Ян Фажэнь. Да ли цзэнцян чжунхуа миньцзу иши, шисянь чжунхуа миньцзу куа шицзи тэнфэй [Всемерно укреплять сознание китайской нации, реализовать взлет китайской нации на рубеже столетий] // D5 Миньцзу яньцзю. 1997. № 4. С. 16-17.
66. Там же. С. 18.
67. "Чжунхуа миньцзу нинцзюйли дэ синчэн юй фачжань" ["Формирование и развитие собирательной силы китайской нации"]. Миньцзу чубаньшэ. Пекин, 2000.
68. Хуа Цзугэнь. Чжунхуа миньцзу нинцзюйли дэ лиши таньсо [Исторические разыскания, касающиеся собирательной силы китайской нации] // Миньцзу яньцзю. 2001. № 3. С. 97-98.
69. Сунь Найминь. Чжунхуа миньцзу лиши жунхэ цзи ци тэдянь [Исторические слияния национальностей в рамках *чжунхуа миньцзу* и их особенности] // Миньцзу вэньти яньцзю. 2001. № 2. С. 34.
70. Цин Вэньхуэй, Сунь хуэй. Хоу лэн чжань шидай дэ Чжунго гоцзя аньцюань [Государственная безопасность Китая в эпоху после холодной войны] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2001. № 1. С. 9.
71. Ши Иньхун, Сун Дэсин. 21 шицзи цянъ ци Чжунго гоцзи тайду, вай цзяо чжэсюэ хэ гэньбэнь чжаньлюэ сыкао [Международное положение, дипломатическая философия и коренная стратегия Китая в начале XXI века] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2001. № 1. С. 16.
72. Сюй Чжунтянь. Юн бао чжунго гунчаньдан дэ сяньцзиньсин [Всегда сохранять переловой характер КПК] // Жэньминь жибао. 2001. 1 марта.
73. Цзян Цзэминь. [Речь на торжественном собрании...] // Жэньминь жибао. 2001. 2 июля.

74. Чжу Лунь. Сяньцзинь миньцзу чжэнчжи вэньхуа цзи ци лилунь хэ чжиду чуансинь [Передовая этнополитическая культура и ее теоретическое и институциональное обновление] // Миньцзу яньцзю. 2001. № 6. С. 11-12.
75. Сяо Гунцин. Чжунго миньцзучжуи дэ лиши юй цяньцзин [История и перспективы китайского национализма] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 2. С. 61.
76. Ма Жуйян. Миньцзучжуи: миньцзу цю цунь дэ бихусо [Национализм: прибежище нации в ее стремлении к бытию] // D5 Миньцзу яньцзю. 1998. № 5. С. 17-18.
77. Чжао Цзюнь. "Тянься вэй гун" юй шицзи чжи цзяо дэ чжунго миньцзучжуи ["Поднебесная – общее достояние" и китайский национализм на рубеже столетий] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С. 1-2.
78. Там же. С. 3.
79. Там же.
80. Подробнее об этом см.: Москалев А. Подходы к принципу самоопределения в Китае (XX в.) // ПДВ. 2000. № 5. С. 117-129.
81. Впрочем, как и других интегративных доктрин, как, например, "три не отрываться" (ранее – "два не отрываться"), не обладающих, правда, тем глобальным значением, что доктрина китайской нации.
82. Цзян Цзэминь. Речь на торжественном собрании... // Жэньминь жибао. 2001. 2 июля.

Памятные места Китая. Яньань

© 2002

В. Буров

Недавно мне довелось побывать в Яньани, городе, сыгравшем важную роль в истории Китая новейшего времени. Путь в Яньань проходит через Сиань, столицу провинции Шэньси. В те далекие тридцатые-сороковые годы не было шоссейной, ни тем более железной дороги, и поэтому до города приходилось добираться проселочной дорогой. Один китайский профессор в шутку сказал мне, что в годы китайской революции Мао Цзэдун выбирал для своего проживания труднодоступные места — Цзинганшань, Яньань, Сибэйпо. Сравнительно недавно в северных районах Шэньси началось широкое развитие транспортных путей сообщения. В настоящее время скоростная автострада проложена уже до Хуаньлиня — могилы Желтого императора, предка китайской нации, далее идет обычное шоссе вплоть до самой Яньани. К середине 90-х гг. была закончена прокладка однопутной железнодорожной ветки (недавно железная дорога продлена еще на 300 км севернее Яньани до города Юйлинь). Рельеф местности — сложный, дорога все время петляет между гор, на ней около 100 тоннелей, только перед самым городом я насчитал не менее семи, один из которых не меньше километра.

Поезд прибывает в Яньань ранним утром, город встречает туманом, в это время здесь прохладнее, чем в центре провинции — это объясняется тем, что он расположен в долине между гор; их склоны, окружающие город, благодаря обилию зелени очень живописны. Дома в основном малоэтажной застройки, 3-5 этажей, правда, встречаются дома и в 10 этажей, ведется строительство нескольких многоэтажных зданий (в 20 этажей). Город разбросан, его центр — небольшой, его можно обойти за полчаса. К сожалению, Яньань — город достаточно грязный, особенно на окраинах. Он прорезан руслом высохшей реки Янхэ, но местные жители говорят, что в июле-августе — в период дождей — она заполняется большой водой. Но в это трудно верить, ибо во многих местах дно заросло травой и кустарником. Некоторые жители продолжают жить в лессовых пещерах, в них летом прохладно, зимой они отапливаются печкой. Я побывал в одной из них, здесь бытовые удобства примитивные, количество мебели — минимальное.

По разным оценкам в городе проживает до 300-500 тыс. человек, а всего в округе — 12 млн. человек. Есть несколько высших учебных заведений, в том числе Яньаньский университет, который можно назвать родным братом Народного университета Китая, ибо он также ведет свою родословную от школы кадров КПК, существовавшей в далекие сороковые годы. Своим первым ректором он также считает У Юйчжана, бюст которого стоит перед главным кор-

пусом. Постройки университета в основном сравнительно новые, хотя часть молодых преподавателей живет в пещерах.

Яньань — город провинциальный и нравы здесь соответственно провинциальные, в автобусах, например, курят и это не считается чем-то противоестественным. Местные жители говорят на шэньбэйском диалекте (северошэньсийском), который значительно отличается от путунхуа.

Мемориальный комплекс, посвященный китайской революции, включает 5 достопримечательностей — Янцзялинь, Цзаоюань, Фэнхуаншань, Ванцзяпин и Музей революции. Фэнхуаншань — это первое помещение ЦК КПК и штаба НОА после прибытия в Яньань участников Великого похода, в котором ЦК и Штаб размещались с 13 января 1937 г. по 30 ноября 1938 г. Оно расположено на открытой местности в старой части города, его пришлось покинуть из-за бомбардировок японской авиации. Все остальные памятные места (Янцзялинь, Цзаоюань, Ванцзяпин) находятся в одном районе, но с другой стороны реки, сравнительно недалеко друг от друга. В разное время в них жили руководители КПК, находились секретариат ЦК КПК, руководство НОА. Первые два — Янцзялинь и Цзаоюань, приютились в лесу на склонах гор и представляют собой очень живописные места.

Экспозиции памятных мест построены, в сущности, по одному одинаковому принципу — обязательно представлены жилища Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, в некоторых случаях добавлены жилища Жэнь Биши, Пэн Дэхуая. Интересно, что ни одной пещеры, где жили руководители КПК, в числе памятных мест нет. Их жилища — глинобитные постройки, домики, как правило, состояли из 2-х, иногда 3-х комнат: спальни, в которой находилось подобие кровати, кабинета, гостиной. Все в них было очень примитивно, мебелировка — стол, два стула — очень простенькие; удобства, как принято говорить, во дворе. Жилища очень скромные, ничего лишнего, быт в Яньани был действительно спартанским. В комнатах — по одной-две фотографии, на некоторых из них руководители КПК с женами, только в одной из мест проживания Мао Цзэдуна есть фотография с надписью “Мао Цзэдун в кругу семьи”, где руководитель КПК сфотографирован вместе с Цзян Цин и их дочерью Ли На. Судя по этой фотографии (1946 г.) Цзян Цин была очень привлекательной женщиной. Цзян Цин, можно сказать, “не повезло”. В Яньаньском музее революции есть только одна фотография без указания ее имени, и, наконец, третья фотография еще в одном из памятных мест. Итак в общей сложности 3 фотографии. В то же время, жены других руководителей КПК присутствуют на многих фотографиях.

Как известно, Цзян Цин приехала в Яньань из Шанхая 8 августа 1937 г. Там в 1932 г. она вступила в КПК, но в 1937 г. ее принадлежность к компартии была обнаружена, и она была вынуждена покинуть этот город. В Яньани Цзян Цин стала слушательницей военно-политической школы. Во время лекций Мао Цзэдуна она садилась на первую парту и любила задавать ему вопросы. Естественно, он не мог не обратить на нее внимания. По словам заместителя директора Музея революции Мао Цзэдун впервые в своей жизни встретился с такой женщиной, как Цзян Цин. Все прежние его жены выросли в сельской местности, они, как и сам Мао Цзэдун, “принадлежали к сельской интеллигенции, в то время как Цзян Цин — к городской интеллигенции”. В книге “Мао Цзэдун в Яньаньский период”, изданной в 1999 г. в Сиани, говорится буквально следующее: “Мао Цзэдун также был человеком, а какой человек не нуждается в домашнем тепле! Мао Цзэдун также был мужчиной. А какой мужчина не стремится к тому, чтобы жить вместе с женщиной!”¹ Поэтому настойчивые попытки Цзян Цин сблизиться с ним в конце концов увенчались успехом. Они поженились в ноябре 1938 г. Интересный факт, свадьба началась в Фэнхуан-

шане, но именно в этот день японская авиация совершила налет на Яньань, и молодожены были вынуждены переехать в Янцзялинь. Авторы книги обвиняют Кан Шэна в том, что он фактически способствовал этому браку, ибо не принял во внимание информацию шанхайского коммунистического подполья о некоторых “темных страницах” пребывания Цзян Цин (тогда Лан Пин) в этом городе.

Авторы книги утверждают, что “союз Мао Цзэдуна и Цзян Цин в Яньани — самое большое несчастье в его жизни². Это объяснялось различием их жизненных позиций, привычек и т.п. Цзян Цин не могла привыкнуть к условиям яньаньского быта. По словам того же заместителя директора местного музея революции, Цзян Цин вообще не любила крестьян³, вопреки требованию мужа “не хотела сближаться с ними”. Поэтому в конце концов единственным, связывающим звеном между супругами, стала их дочь. Отношения между ними ухудшились после возвращения в 1946 г. из Советского Союза сына Мао Цзэдуна — Мао Аньина.

В Ванцзяпине сохранилось двухэтажное здание, где проходил VII съезд Коммунистической партии Китая. На первом этаже зал вместительностью до 1000 человек, сохранено его прежнее убранство. Над столом президиума портреты Мао Цзэдуна и Чжу Дэ. На боковых стенах справа и слева — портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, над сценой надпись — VII Всекитайский съезд КПК, на задней стене написано “дэ тун синь тун” — “мораль и сердца едины”. Немного выше и слева от этого здания расположена постройка, в помещении которой в мае 1942 г. проходило совещание творческой интеллигенции, на котором с известной речью выступил Мао Цзэдун. Эта постройка называется “здание-самолет”, поскольку по своей форме напоминает аэроплан.

Во всех памятных местах, а также музее есть специальные киоски, где идет бойкая торговля книгами, буклетами, открытками, дискетами, компакт-дисками с выступлениями Мао, картинами с его изображением и изображениями других руководителей КПК. Можно, например, послушать и увидеть его выступление с докладом на VII съезде КПК. Как было принято говорить раньше, “оно неоднократно прерывалось бурными, продолжительными аплодисментами”. Несомненно, что к весне 1945 г. Мао обладал в партии огромным авторитетом. Большим спросом пользуются одежда и кепи, характерные для яньаньского периода.

Музей революции представляет собой большое здание и состоит из 10 залов, посвященных различным периодам истории революционного и коммунистического движения в Китае, в основном в провинции Шэньси. Интересно, например, что в Яньань в 1936 г. пришло всего свыше 10 тысяч участников Великого похода, из которых бойцов было 8–9 тысяч, остальные являлись членами семей. В Музее размещено более 1000 экспонатов, в том числе много уникальных фотографий 30–40-х гг., на них запечатлены многие руководители КПК, ее военные деятели, в том числе и те, которым впоследствии были предъявлены политические обвинения, — Гао Ган, Линь Бяо, Кан Шэн, Чжан Готао, Ван Мин. Среди экспонатов можно увидеть, например, снимок Мао Цзэдуна, беседующего с известным философом Лян Шумином. Есть специальный стенд, посвященный зарубежным гостям, в частности, корреспондентам иностранных газет, членам американской военной миссии. Фотографии последних есть почти во всех памятных местах, из чего можно заключить, что приезд американских военных и сотрудников посольства США был в то время для руководителей КПК важным событием. Особо выделены фотографии зарубежных друзей — А.Смедли, Э.Сноу, А.Л.Стронг, Ма Хайдэ (Хайтем). Есть одна фотография советского врача-хирурга Орлова, работавшего в Яньани в 1942–1945 гг. Фотографий других “советских жителей” Яньани, в частности, П.П.Владимирова, нет.

Памятные места в Цзаюане, кроме жилищ руководителей КПК, — это строения, в которых находились госпиталь, резидентура ИККИ и Отдел ЦК КПК по работе в обществе (чжунъян шэхуэй бу), переименованный позже в Отдел разведки (цинбао бу). Раньше к ним можно было выйти прямо из парка, либо по дороге, проходящей мимо жилища Мао Цзэдуна. Есть табличка с надписью и стрелками, указывающими маршрут следования, однако теперь эти помещения “отрезаны” от основного комплекса высокой стеной. Чтобы пройти к ним, надо выйти за ограду и обойти ее по шоссе и тропинке. Внизу у подножья горы окруженная оградой небольшая, состоящая из 2-х комнат постройка, где помещался первый сектор Отдела по работе в обществе, он занимался сбором разведывательной информации в тылу Гоминьдана. Его возглавляли поочередно Ши Чжэ⁴ и Ло Чантин. Главой самого Отдела был Кан Шэн, его заместителем — Ли Кэун. Дом, где жил Кан Шэн, расположен в двухстах метрах выше по склону горы. В настоящее время в нем живут крестьяне. Как мне сказал сторож, поскольку Кан Шэн сыграл зловещую роль в “культурной революции”, помещение, где он жил, не представляет исторической ценности. В то же время постройка, где жил Ли Кэун, недавно подверглась реставрации. Сохранилось и помещение, где находился второй сектор Отдела по работе в обществе, который отвечал за охрану руководства КПК. Его поочередно возглавляли Ван Цзясян и Ван Дунсин. В одном из помещений Отдела есть выставка, посвященная его погибшим сотрудникам. На одном из стендов — фотография молодой супружеской пары с двухлетним ребенком. Во время выполнения одного из заданий они, чтобы по попасть в руки гоминьдановской охраны, бросились вместе с ним с корабля в море. На выставке портреты Ли Кэуна яньаньского периода и в 1955 году — в форме генерал-полковника.

Как писал в своих воспоминаниях П.П.Владимиров: “Наш дом примостился на горюшке — отроге столообразной горы”⁵. Чтобы попасть в постройки, где когда-то находились резидентура ИККИ и госпиталь, нужно подниматься по узкой отвесной тропинке. Передвигаться приходится осторожно, чтобы не свалиться вниз, к подножью горы. Помещение госпиталя мне найти не удалось, видимо, оно не сохранилось. На месте резидентуры — разрушенное глинобитное здание желтого цвета без крыши. Как мне объяснили, для его восстановления нет средств. Кстати сказать, для внешнего мира резидентура формально не существовала, она входила в состав госпиталя Центрального Комитета.

Рядом с разрушенной постройкой поставлена табличка со следующей надписью: “Весна 1941 г. Дальневосточное бюро 3-го Интернационала направило в Китай семь офицеров во главе с генерал-лейтенантом Тесленко для сбора информации о действиях Японии, Гоминьдана, марионеточного правительства и передачи ее в Москву. Позднее эту группу возглавляли Скворцов, Сун Пин (китайский псевдоним Владимирова — В.В.). Ян Баохан, Пан Ханьянь добыли информацию о начале советско-германской войны, она была передана в Главное командование Советской армии, что сыграло важную роль в победе в антифашистской войне”.

Следует подчеркнуть, что многие видные деятели КПК, жившие в Яньани в 30-40-е годы, позднее приезжали в город, за исключением, правда, Мао Цзэдуна. В частности, 7 ноября 1958 г. вновь посетил Яньань Пэн Дэхуай. В Ванцзяпине есть специальный стенд, рассказывающий об этом посещении. Как известно, это был разгар “большого скачка”, увиденное и услышанное буквально потрясло маршала. В пояснениях к фотографиям сказано, что он откровенно поделился своими размышлениями с кадровыми работниками города. Магнитофонная запись его тогдашнего выступления послужила на Лушаньском совещании 1959 г. одним из доказательств его “антипартийной линии”.

В последние годы руководство КПК придает большое значение популяризации Яньаньского периода истории китайской революции. С этой целью проводятся различные мероприятия — конференции, выставки, юбилейные концерты. На развитие инфраструктуры Яньани отпускаются специальные средства, в город организуются специальные экскурсии для представителей различных слоев общества (во время моего пребывания в Яньани я встретил несколько групп военнослужащих). В конце марта 2002 г. город посетил Цзян Цзэминь.

Но Яньань интересен не только своими революционными памятными местами. В городе есть несколько исторических достопримечательностей, не связанных прямо с историей китайской революции. Над городом на высоте свыше 1000 м возвышается гора Баоташань, на ней два храма — Чжайсинлоу и самый знаменитый не только в городе, но и во всем Китае — Баота. Он построен в XI веке — в конце Танской династии. Во время антияпонской войны, а затем гражданской войны с гоминьданом он служил ориентиром для самолетов, поэтому несколько раз принимались решения о сносе храма, однако в конечном счете этого не произошло ввиду его исторической ценности. Вокруг него много деревьев, посаженных за последние годы различными организациями и учреждениями центрального и провинциального уровня — министерствами, средствами массовой информации, банками и т.д. Под горой Баоташань находилась рабоче-крестьянская школа для японских солдат, перешедших на сторону НОА. Сейчас в здании школы живет несколько семей, в центре площадки установленная в 1995 г. стелла с надписью “В память о погибших японских друзьях” с перечислением фамилий.

На противоположной стороне реки — другая гора, где начиная с подножья и до вершины расположились несколько буддийских храмов. Я оказался в Яньани накануне 8-го апреля по лунному календарю (17 мая) и убедился, насколько сильны в простых китайцах религиозные чувства. Узкая, крутая тропинка ведет к вершине горы, но тем не менее многие горожане, в том числе преклонного возраста, стремятся подняться в храм, чтобы совершить обряд — возжечь свечи перед статуей Будды. Идет бойкая торговля различными предметами церковной утвари, не только свечами, но и красными лентами с надписью — “у хорошего человека жизнь будет покойной”. Я тоже приобрел себе одну такую ленту на память...

-
1. Нью Синхуа. Жэнь Сюэлин, Гао Шаньвэнь, Ян Яньху. Шэньси жэньминь чубаньшэ. Сиань, 1999. С. 325.
 2. Там же. С. 316.
 3. Она рассказала автору данной статьи, что Цзян Цин обучала грамоте девочку из одной крестьянской семьи.
 4. Ши Чжэ, как известно, был необоснованно репрессирован в период “культурной революции”.
 5. П.П.Владимиров. Особый район Китая. М. 1973. С. 11.

Выдающийся востоковед-энциклопедист (К 125-летию со дня рождения Н.В.Кюнера)

© 2002

А. Решетов

В истории отечественного востоковедения XX века профессору Н.В.Кюннеру принадлежит особая роль¹. Один из самых ярких его представителей он проявил себя как ученый еще в дореволюционный период, много и плодотворно трудился в советское время вплоть до начала второй половины XX столетия, являясь связующим звеном между этими двумя эпохами российской востоковедческой науки. Его весомый вклад в ее развитие несомненен. Усвоенные им от своих учителей научные традиции теперь продолжают его ученики и последователи.

Николай Васильевич Кюннер родился 13(25) сентября 1877 г. в Тифлисе в семье учителя музыки. Его отец Вильгельм Фридрих Кюннер — уроженец Германии, переселившись в Россию, занялся преподаванием музыки и ее сочинением: его произведения для детей исполняются и в наше время. Здесь он обзавелся семьей. Николай был вторым ребенком, после него родилось еще четверо детей.

В 1878 г. семья Кюннеров переехала в столицу. Когда пришло время учиться, Николая определили в Третью Санкт-Петербургскую гимназию, которую он закончил в 1896 г. с золотой медалью. Еще в 1891 г. отец и сын Кюннеры приняли присягу на подданство России, а через 8 лет Николай делает еще один решительный шаг: он переходит из лютеранства в православие. Этим самым он как бы подчеркивает свое стремление служить России, стать россиянином и отныне считает себя православным и русским².

В 1896г. Николай Кюннер был принят в Императорский Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков по китайско-маньчжуро-монгольскому разряду. Китайским классическим языком он занимался у В.П.Васильева, Д.А.Пещурова, А.О.Ивановского, разговорным — у Куе-фана, китайской каллиграфией и японским языком — у Есибуми Куроно, монгольским и калмыцким языками — у К.Ф.Голстунского и А.М.Позднеева, маньчжурским языком — у А.О.Ивановского, лекции по истории Востока слушал у Н.И.Веселовского, по истории Китая — у Д.М.Позднеева³. Первоначально Н.В.Кюннер предполагал специализироваться по кафедре монгольской и калмыцкой словесности, но позднее по состоянию здоровья (из-за ухудшения слуха) сосредоточился на изучении истории Востока. Уже его студенческое сочинение "Историко-географический очерк Японии" было отмечено на факультете золотой медалью. Будучи студентом, он принял участие в создании трехтомного "Описания Кореи" — первого в России обобщающего труда по истории, экономике и этнографии этой страны. По окончании университета молодого уче-

¹ Решетов Александр Михайлович, кандидат исторических наук, сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, Санкт-Петербург.

ного удостоили диплома первой степени и оставили при университете для подготовки к профессорскому званию.

В конце XIX в. при участии факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета был открыт во Владивостоке Восточный институт. Для преподавания в нем был приглашен и Н.В.Кюнер. Профессор Н.И.Веселовский, рекомендуя его, высоко отозвался о своем ученике: "Николай Кюнер обнаружил при замечательном трудолюбии вполне основательные познания в важнейших европейских языках и умение пользоваться восточными источниками"⁴. В 1900-1902 гг. Н.В.Кюнер по ходатайству Института находился на стажировке в странах Восточной Азии. По возвращении он был назначен исполняющим должность профессора Восточного Института.

Во владивостокский период жизни (1902-1925 гг.) Н.В.Кюнер сформировался как ученый-востоковед широкого профиля. Он был основным преподавателем по страноведению, читал лекции по истории, географии и этнографии стран Дальнего Востока. Несмотря на большую преподавательскую нагрузку, Николай Васильевич сумел создать целый ряд трудов, не потерявших своей научной ценности и в наше время. Прежде всего им была подготовлена фундаментальная работа "Описание Тибета", построенная на самом широком использовании преимущественно западноевропейской литературы⁵. Как историк-востоковед он блестяще продолжил традиции отечественного востоковедения, заложенного Н.Я.Бичуриным. За эту работу, представленную Ученому совету факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, Н.В.Кюнер был удостоен магистерской степени по истории. Официальные оппоненты профессор В.В.Бартольд и приват-доцент А.И.Иванов отметили ее большую ценность. "Описание Тибета" Н.В.Кюнера и до сих пор все еще остается единственным в мировой науке наиболее полным сводным комплексным трудом, посвященным этой стране.

Уже во владивостокский период обозначился обширный круг востоковедческих интересов Н.В.Кюнера. В 1906 г. он возглавил Этнографический музей при Восточном Институте. Занимался изучением Японии, Кореи и Монголии, но особенно плодотворно развивалась его деятельность как Китаиста. Один за другим выходят такие известные научные и прикладные труды как "Экономическая география Китая" (1903), "Коммерческая география Китая" (1903), "География Китая" (1904), "Исторический очерк развития китайской материальной и духовной культуры" (1912). По поводу последней работы, переизданной во Владивостоке в 1921г., выдающийся синолог В.М.Алексеев написал: "Таким образом, перед нами первый оригинальный на русском языке курс лекций по китайской культуре, который, при усиливающемся интересе к Востоку со стороны некитаистов, сослужит нам большую службу. Как учебник, это пособие пока незаменимо"⁶.

Для пополнения знаний и сбора материалов Н.В.Кюнер в 1909, 1912, 1913, 1915 и 1917 гг. выезжал в Китай, Корею и Японию, в 1905-1906 гг. совершил поездку в Австрию.

Имя ученого-востоковеда Н.В.Кюнера становится известным далеко за пределами Дальнего Востока. Высокой оценкой его вклада в развитие науки стало его избрание в октябре 1909 г. действительным членом Императорского Русского Географического общества, а в декабре 1915 г. — действительным членом Императорского Общества востоковедения. 22 февраля 1913 г. в актовом зале Восточного Института по случаю празднования 300-летия царской династии Романовых Н.В.Кюнер выступил с основной речью "Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Дома Романовых". В августе 1915 г. на курсах краеведения и учительском съезде в Харбине он с большим успехом прочитал цикл лекций по этнографии народов Восточной Азии.

Во время революции и гражданской войны положение на Дальнем Востоке оставалось исключительно сложным вплоть до освобождения Владивостока частями Красной Армии в октябре 1922 г. Н.В.Кюнер в 1917 г. вступил в партию кадетов и состоял в ней до 1920 г., но, как он отмечал позднее, активного участия в ее работе не принимал и только числился в ее списках⁷. Помимо преподавания в Восточном Институте с 1918 г. он стал читать лекции на частном Историко-филологическом факультете по истории Древнего Востока, истории и географии Сибири и др. На восточном факультете созданного в 1920 г. Дальневосточного Государственного университета он подготовил и прочитал ряд новых оригинальных курсов лекций, в том числе "Введение в общую историю народов Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до начала сношения их с новыми европейскими народами".

Исторической заслугой Н.В.Кюнера является его обращение в этот период к изучению проблем новейшей истории стран Востока: он выступил как первопроходец в отечественной исторической науке. Его лекции о новейшей политической истории, позднее изданные отдельной книгой, явились первым в советской России научным трудом по этой проблеме⁸. Позднее один из крупнейших советских китаеведов профессор Г.В.Ефимов об этом труде написал так: "В книге находит выражение искреннее стремление автора, а Николай Васильевич был человеком правдивым и искренним, откликнуться на новый подход к истории в нашей стране, на новые события в Китае"⁹. Во Владивостоке сложился сильный профессорско-преподавательский состав, здесь в разное время вместе с Н.В.Кюнером работали А.В.Рудаков, П.П.Шмидт, Н.И.Кохановский, Г.В.Подставин, А.В.Гребенщиков, Е.Г.Спальвин, С.М.Широкогоров, В.А.Рязановский, М.Н.Ершов, А.М.Мерварт и многие другие, обеспечивавшие учебный процесс на высоком научном уровне. Среди прямых учеников Н.В.Кюнера следует назвать П.В.Шкуркина, И.Г.Баранова, Н.П.Мацокина, Б.И.Панкратова, Б.К.Пашкова, К.А.Харнского и др. Как бы подводя итог владивостокскому периоду, следует согласиться с мнением, что "из профессоров Восточного Института наибольший вклад в изучение истории, географии и этнографии стран Дальнего Востока внес Н.В.Кюнер"¹⁰.

Очевидно, еще в период гражданской войны Н.В.Кюнер стал думать об отъезде из Владивостока, предположительно в Европу. Во всяком случае известно, что в январе 1923 г. он получил отказ из Праги от Правления Союза русских академических организаций о содействии его переезду из-за отсутствия у Правления каких бы то ни было средств¹¹. Когда эта и другие попытки вырваться за границу не увенчались успехом, Н.В.Кюнер принимает решение переехать в Ленинград.

В Ленинграде в 1925 г. открывается новый этап в жизни и деятельности ученого. Его сразу пригласили на должность профессора кафедры страноведения в Ленинградском Институте живых восточных языков (с 1927 г. Ленинградском Восточном Институте) и еще заведующего монгольским циклом этнографического отделения географического факультета ЛГУ. Для студентов этнографов он читал курс лекций "Экономическая география Монголии", "Этнография монгольских народов", "Этнография Дальнего Востока" и др.

В Ленинграде в полной мере проявилась широта и энциклопедичность знаний Н.В.Кюнера: он здесь выступал как синолог, тибетолог, монголовед, кореевед, японист, специалист по Юго-Восточной Азии, и в каждой из этих областей оставил заметный след. На факультете языковедения и материальной культуры ЛГУ он читал такие лекции, как "История народов Восточной Азии", "История культуры Китая" и т.д.

Начиная с 30-х гг. Н.В.Кюнер вел большую преподавательскую работу в Ленинградском Восточном Институте, где до его закрытия в 1938 г. за ним бы-

ли закреплены различные курсы лекций по истории, географии и этнографии Китая, Тибета, Кореи, Японии, Индокитая. С октября 1931 г. он стал трудиться по договору в Музее антропологии и этнографии, а с ноября 1933 г. — в штате Института антропологии и этнографии АН СССР в качестве специалиста-этнографа и заведующего отделом Дальнего Востока, в феврале 1937 г. преобразованного в отдел Восточной и Южной Азии. Здесь в полной мере реализовались его возможности не только как исследователя, но и организатора научной и музейной работы.

Институт в 30-е гг. приступил к подготовке двухтомника “Этнография зарубежных стран”, для которого он и его коллеги по отделу писали статьи. Среди исследовательских тем, которые разрабатывал лично Н.В.Кюнер, были самые разнообразные: этногенез японцев, терминология родства у тайваньских горцев, монография о племени атайал, этнографическая карта Китая и т.д. В эти же годы он принимал участие в научной работе Института востоковедения АН СССР. Его знания и опыт преподавательской деятельности были востребованы здесь при подготовке учебников по истории стран Востока для вузов.

По планам Института антропологии и этнографии и Института востоковедения Н.В.Кюнер в 30-е гг. вел громадную, казалось бы, непосильную для одного человека работу, составляя библиографии, в которых скрупулезно, с немецкой педантичностью учитывались труды отечественных и зарубежных ученых на доступных ему языках. Им были составлены общие библиографии по Китаю, Тибету, Корее, Маньчжурии, Монголии, национальным меньшинствам Китая, Японии и т.д. К сожалению, все они остались неопубликованными и теперь хранятся в архивах этих институтов¹². Однако коллеги-востоковеды, будучи хорошо информированными об этих трудах, постоянно обращались к мэтру за библиографическими справками и никогда не получали отказа. Не только известные ученые, но и аспиранты и даже студенты при написании диссертаций, дипломных и курсовых работ прибегали к помощи почтенного профессора и получали листочки бумаги, исписанные его колочим почерком с названиями необходимой литературы и источников. После организации в 1934 г. исторических факультетов профессор Н.В.Кюнер был приглашен в ЛГУ на кафедру истории колониальных и зависимых стран, где читал лекции и руководил работой аспирантов. В 1935 г. ему без защиты была присуждена ученая степень доктора истории.

В довоенный период Николай Васильевич был довольно заметной фигурой в ученом мире Ленинграда и оказывал определенное влияние на развитие востоковедения в городе и стране. Об этом говорилось в решении Президиума АН СССР за подписями президента АН СССР академика В.Л.Комарова и вице-президента академика О.Ю.Шмидта, принятом по докладу академика А.М.Деборина 24 декабря 1940 г. Тогда Н.В.Кюнер за проведенную большую исследовательскую работу в области этнографии и истории народов Дальнего Востока и в связи с 40-летием его научной деятельности был отмечен крупной денежной премией¹³.

Во время войны профессор Н.В.Кюнер находился в эвакуации в г. Алма-Ата, куда прибыл 15 января 1942 г. Здесь он обнаружил корейскую энциклопедию “Муньхонбиго”, знакомство с которой позволило ему разработать несколько тем, касающихся этнографии, истории и языка. Материалы по языку он использовал в докладе, который прочитал в Институте языка и мышления, куда временно был зачислен. Работая в Центральном и Историческом архивах КазССР, он нашел там много маньчжурских документов, в том числе и официальную переписку между Россией и Китаем в связи с Кульджинским вопросом в 70-80-е гг. XIX в., когда происходили оживленные сношения между Семиреченским губернатором и Илийским цзяньцзунем и другими местными китай-

скими чинами, обращения местных жителей (сибо, солонов и др.) к российской администрации. Особый интерес вызвали посемейные списки дунган в Кульджинском крае по переписи 1878 г. и т.д.¹⁴ В соответствии с планом Института этнографии он продолжал разрабатывать тему "Китайские известия о народах Амура и Сибири" и написал брошюру "Народы Индо-Китая".

16 сентября 1944 г. Н.В.Кюнер с семьей вернулся в Ленинград. Квартира, хотя и сохранилась, была почти пуста, старая мебель во время блокады сожжена. Один из современников в то время писал в своем дневнике: "Жив еще и ходит к нам (в Институт востоковедения АН СССР. — А.Р.) заниматься (в библиотеке. — А.Р.) и даже читает в ЛГУ старый профессор Кюнер. Глухой, почти блаженный, немисливо драный и грязный. Все видят, как он, с трудом нагибаясь, собирает на улице щепки и прячет в портфель"¹⁵. После войны, несмотря на житейские трудности, Н.В.Кюнер по-прежнему много работал. Он возобновил свою деятельность в Институте этнографии АН СССР и на восточном и историческом факультетах ЛГУ. Для восточного факультета, на котором функционировали только филологические кафедры, включая северное отделение, Н.В.Кюнером был разработан ряд специальных курсов по истории, географии и этнографии народов Сибири, Центральной Азии и Приморья. Особенно значителен его вклад в подготовку молодых специалистов для Тувы¹⁶. После перевода в 1949 г. востоковедческих исторических кафедр на восточный факультет Н.В.Кюнер имел большую нагрузку по кафедре истории стран Дальнего Востока (заведующий кафедрой доцент Г.В.Ефимов). С именем Н.В.Кюнера связана традиция чтения на кафедре курсов по историографии и источниковедению истории стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В дальнейшем его начинание подхватили, продолжили и развили Г.В.Ефимов, Е.Я.Люстерник, Л.В.Зенина, Л.А.Березный, Г.Я.Смолин, Ю.В.Петченко, Б.Г.Доронин, Б.М.Новиков, Б.Н.Мельниченко и последующие поколения молодых преподавателей. Именно с Н.В.Кюнером связано возрождение отечественного маньчжуроведения на факультете в послевоенный период.

Н.В.Кюнер — воспитатель не одного поколения молодых ученых, работавших и еще продолжающих трудиться в научных учреждениях страны. Любой, даже самый длинный список, не включит всех тех, кто считает его своим учителем, но обязательно надо назвать имена Г.В.Ефимова, Л.Н.Гумилева, И.Б.Мarmorштейна, Г.Г.Стратановича, В.А.Аврорина, Е.П.Лебедевой, Л.В.Хомич, Л.Л.Викторовой, Ю.А. и Л.И.Сем, М.П. Волковой, Д.А.Сергеева, Р.Ф.Итса, Е.И.Кычанова, В.Е.Ларичева, В.С.Кузнецова, Э.В.Шавкунова, Ю.В.Маретина, А.И. Мухлинова, Ю.А.Зуева, В.П.Журавлевой, Ю.В.Гагарина, Р.Е.Пубаева, Л.В.Гребнева, Ю.Л.Аранчина, М.Б.Кенин-Лобсана, К.В.Васильева, В.М.Серова, Э.С.Жуковской и многих других. Среди них — историки, этнографы, археологи, лингвисты, фольклористы, библиографы и т.д. Работая в Ленинграде, Н.В.Кюнер продолжал оказывать постоянную помощь сибирскому, бурятскому, тувинскому, казахскому, дальневосточному востоковедению. Его консультациями пользовались и многие московские коллеги.

Особо следует отметить значительность вклада Н.В.Кюнера в редактирование, подготовку и издание источников. В соавторстве с А.Н.Берштаном он произвел редактирование текста, написал вступительную статью и комментарии к труду Н.Я.Бичурина (о. Иакинфа) "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена"¹⁷. Н.В.Кюнер продолжал бичуринские традиции в отечественном востоковедении, работая над переводом и комментариями китайских источников о народах Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, но этот труд увидел свет уже после его кончины¹⁸.

Н.В.Кюнер трудился в науке свыше полувека, проявив себя как востоковед широкого профиля. Им опубликовано свыше 300 работ, написано более

100 рецензий и отзывов, им оставлен поистине громадный архив¹⁹. Для Николая Васильевича как ученого характерно первоклассное знание и широкое использование источников и литературы на восточных и западных языках. В советское время он, как и все ученые старого поколения, пытался применять марксистские методы исследования. Но ученым-марксистом его в общем никогда никто не считал, и это сказывалось как в его поведении, так и на отношении к нему. Хотя кандидатура Н.В.Кюнера выдвигалась в члены-корреспонденты АН СССР, он, к сожалению, избран не был, несмотря на очевидные большие заслуги перед наукой востоковеда-энциклопедиста старой школы. В его жизни было немало обстоятельств, вынуждавших не привлекать внимание к своей персоне (родственники в Германии, высокое социальное положение членов его семьи до революции, попытки уехать за границу, арест в блокадном Ленинграде сына и его смерть в тюрьме). Постоянно требовалась исключительная осторожность, чтобы нечаянно оброненным словом или случайным поступком не нарушить то относительно хрупкое благополучие, которое он создавал, а ведь на его попечении была семья. И он неукоснительно следовал правилам игры, принятым в то время. В характеристиках (а их тогда писали по каждому поводу) неизменно отмечалось, что “в лице профессора Н.В.Кюнера мы имеем ученого с большой культурой и знаниями, сохранившего лучшие традиции русского востоковедения, убежденного в превосходстве русской науки над зарубежной и ревностного педагога, охотно передающего свои знания молодежи... Н.В.Кюнер горячо откликается на все политические кампании и отдельные мероприятия, проводимые советской общественностью”²⁰.

Умер Н.В.Кюнер 5 апреля 1955 г. и был похоронен в Ленинграде на Большеохтинском кладбище. Прошло около полувека со дня его кончины, но интерес к его трудам не ослабевает, к ним постоянно обращаются все новые поколения востоковедов. В память о Николае Васильевиче, начиная с 1977 г., в отделе Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН проводятся ежегодные Кюнеровские чтения²¹. В кабинете кафедры истории стран Дальнего Востока его портрет занимает почетное место среди тех, кто составляет славу и гордость петербургского-петроградского-ленинградского востоковедения, а это значит — отечественной и мировой науки.

1 Подробнее о Н.В.Кюнере см.: Стратанович Г.Г. Николай Васильевич Кюнер (некролог) // Советская этнография, 1955, 3 №. С. 171-172; Горохова Г.С. Профессор Н.В.Кюнер (1877-1955) (К 5-летию со дня кончины) // Вестник ЛГУ, 1960, № 14, вып. 3. С. 155-156; Зенина Л.В. 1) Н.В.Кюнер, историк Дальнего Востока // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962, т. 1. С. 81-87; 2) Ученый, учитель, гражданин (120 лет со дня рождения Н.В.Кюнера). Краткие вехи биографии // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы международной конференции, посвященной столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете 14-16 октября 1997 года. СПб, 1997. С. 8-18; Решетов А.М. 1) Историко-библиографические работы Н.В.Кюнера по Тибету // Доклады по этнографии Л., 1965, вып. 1(4). С. 93-99; 2) Н.В.Кюнер — выдающийся русский и советский востоковед (к столетию со дня рождения) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественный наук 1978, № 1, вып. 1. С. 103-108; 3) Н.В.Кюнер — выдающийся отечественный монголовед // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.) М., 2000. С. 95-99; 4) Основные этапы жизни и научной деятельности профессора Н.В.Кюнера // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 108-123; Серов В.М. Становление Восточного Института (1899-1909 гг.) // Известия Восточного Института Дальневосточного Государственного университета, Владивосток, 1994, № 1. С. 14-36.

2 Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1, д. 473, лл. 1 (обр. ст.), 2 (обр. ст.).

- 3 Центральный Государственный исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 3, д. 32523, лл. 10, 11, 13, 23, 28.
- 4 Цит. по ст.: Серов В.М. Становление Восточного Института. С. 31.
- 5 Кюннер Н.В. Описание Тибета. Владивосток, 1907, ч. 1, вып. 1, 1908, ч. 2, вып. 1 и 2.
- 6 Алексеев В.М. (рец.) Проф. Н.В.Кюннер. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные в 1918-1919 академическом году в Восточном Институте, ныне Восточном факультете Дальневосточного университета. Владивосток, 1921 // Восток, М., Пб., 1925, кн. 3. С. 180.
- 7 Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1, д. 473, лл. 50, 51; Кадры. Личное дело Н.В.Кюннера. С. 67.
- 8 Кюннер Н.В. Очерки новейшей политической истории Китая. Л., 1927.
- 9 Ефимов Г.В. Историко-библиографическое обозрение источников и литературы по новой истории Китая. Л., 1968. Ч. 2. С. 48.
- 10 Григорцевич С.С. Из истории Отечественного востоковедения (Владивостокский Восточный Институт в 1899-1916 гг.) // Советское востоковедение, 1957, № 4. С. 136. О работе Н.В.Кюннера в университете см.: Дальневосточный государственный университет. История и современность. Ч. 1. 1899-1939. Владивосток, 1997.
- 11 Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1, д. 473, л. 69.
- 12 Опубликована была только одна библиография: Кюннер Н.В. Литература о Монголии на китайском и японском языках. М., Л., 1935.
- 13 Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1, д. 473, л. 69.
- 14 Там же, д. 476, л. 43.
- 15 Болдырев А.Н. Осадная запись. (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 344.
- 16 После образования факультета народов Севера в 1948 г. Н.В.Кюннер продолжал здесь свою деятельность по подготовке учителей и научных кадров для Севера. По истории и этнографии народов Севера им опубликован ряд оригинальных работ, построенных преимущественно на китайских источниках. Все это дает право говорить о значительном вкладе Н.В.Кюннера в отечественное сибиреведение.
- 17 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средне Азии в древние времена М.; Л. Т. 1, 1950. 381 с.; т. II, 1950. 335 с.; т. III, 1953. 326 с.
- 18 Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
- 19 Зенина Л.В. Список научных трудов доктора исторических наук профессора Николая Васильевича Кюннера (1877-1955) // Вопросы истории стран Азии. Л., 1965. С. 85-94. Фонды Н.В.Кюннера находятся в архивах МАЭ и Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАНЕ, а также в Государственном Архиве Сахалинской области. Об этом см.: Зенина Л.В. Историко-библиографические материалы Н.В.Кюннера (Архив востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии) АН СССР // Вопросы истории стран Азии. Л., 1965. С. 78-84; Жуковская И.В. Фонд Н.В.Кюннера в МАЭ РАН // Кюннеровские чтения 1995-1997. Краткое содержание докладов СПб., 1998. С. 4-7.
- 20 Архив МАЭ. Кадры. Личное дело Н.В.Кюннера, лл. 148, 154.
- 21 Хроника // Народы Азии и Африки, 1978. № 2. С. 178-179; Кюннеровские чтения 1993-1994. Краткое содержание докладов. СПб., 1995; Кюннеровские чтения 1995-1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998; Кюннеровские чтения 1998-2000. Краткое содержание докладов. СПб., 2001.

Жизнь, прожитая не зря (Памяти Турсуна Рахимова)

© 2002

Ф. Хамраев

В истории уйгуроведения есть ученые, хотя их не так много, которые на протяжении более пятидесяти лет занимались своим любимым делом — различными проблемами родного народа. Одним из таких людей был известный уйгуровед и синолог, человек широчайшей эрудиции, обширных энциклопедических знаний, удивительно обаятельный Турсун Рахимович Рахимов (1912–1986). Сегодня невозможно представить себе уйгуристику без его многочисленных трудов: монографий, словарей, научных и научно-популярных статей, посвященных актуальным проблемам истории и языка уйгурского народа. Не одно поколение ученых воспитывалось не только на его научных работах, но и на богатом жизненном опыте. А жизнь Турсуна Рахимовича была прожита ярко, интересно, насыщенно.

Турсун Рахимович Рахимов родился 15 декабря 1912 г. в Кыргызстане в семье бедняка. В 1930 г. окончил Ташкентский институт просвещения тюркско-татарских национальностей, а в 1939 г. — Ленинградский институт журналистики им. В.В.Воровского. С 1931 по 1934 гг. Т.Рахимов плодотворно работал в редакции уйгурской газеты "Кутулуш" ("Освобождение") и журнала "Шарк Хакикати" ("Правда Востока") художественным редактором и ответственным секретарем. В период его работы в этих изданиях в г. Ташкенте жили и трудились многие уйгурские писатели, практически все зачинатели новой уйгурской литературы. И на страницах уйгурских изданий, в том числе и газет, где работал Турсун Рахимович, были опубликованы многие произведения Нура Исраилова, Турды Хасанова и многих, многих других. Есть в этом и заслуга молодого, начинающего исследователя, который, кстати, также пытался начать свой творческий путь с поэзии.

Поэтические задатки у Турсуна Рахимова были вполне серьезными и обстоятельными. Он интенсивно публиковался и даже тогда, когда отошел от литературного творчества и всерьез занялся политикой и исследовательской деятельностью: в различных сборниках уйгурской поэзии продолжали издаваться его как юношеские, так и более зрелые стихи.

В 1939–1943 гг. — Турсун Рахимов на преподавательской работе. Сначала в Ленинградском институте восточных языков, а затем в Московском институте востоковедения, где в 1943 г. он закончил аспирантуру.

В 1943 г. Т.Р.Рахимов возвращается в Ташкент и работает помощником руководителя республики Усмана Юсупова. Одновременно он возглавляет общественно-политический журнал "Шарк Хакикати" ("Правда Востока").

На протяжении последующих двадцати трех лет (с 1944 по 1967 гг.) Турсун Рахимович Рахимов работал в аппарате ЦК КПСС. А с августа 1967 г. до последних дней своей жизни — в Институте Дальнего Востока АН СССР заведующим сектором.

Еще будучи студентом Турсун Рахимович активно включился в научную жизнь. Уже в 1940 г. в соавторстве с известным тюркологом Н.А.Баскаковым он

издает в г. Москве один из первых в отечественной науке русско-уйгурский словарь. С этого времени он становится одним из крупнейших специалистов в области уйгурской лексикологии и лексикографии. В 1956 г. в г. Москве вышел другой словарь авторского коллектива под редакцией и с предисловием Т.Р.Рахимова, а в 1968 г. под редакцией ученого вышел в свет уникальный и на сегодняшний день уйгурско-русский словарь Э.Н.Наджиба, явившийся значительным вкладом не только в уйгуристику, но и в тюркологию в целом.

Турсун Рахимович Рахимов не был кабинетным ученым. Он принимал непосредственное участие в разработке литературной нормы уйгурского языка, причем не только языка отечественных уйгуров, но и зарубежных, не раз выезжая в Синьцзян. Результатом его многолетних научных изысканий явился большой труд "Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь", часть которого была издана в 1970 г. В этой работе впервые в уйгуроведении обобщены китаизмы современного уйгурского литературного языка. Этот труд явился новым не только по содержанию и количеству лексических единиц, но и по принципу их толкования. Владение автором китайским языком сделало это монографическое произведение уникальным.

Много и плодотворно трудился Т.Р.Рахимов как переводчик. В свое время им были осуществлены перевод на уйгурский язык и редактирование огромного количества общественно-политической литературы. С уйгурского и китайского языков на русский им переведены несколько десятков официальных документов, которые были изданы в бюллетенях Института Дальнего Востока. Им подготовлены специалисты-переводчики, которые много и успешно работали в области перевода.

Турсун Рахимович Рахимов был крупным специалистом по национальным проблемам Китая. Особой его заслугой является глубокое и всестороннее изучение — одним из первых в отечественном китаеведении — национальных отношений и национальной политики в КНР. Данная проблематика широко представлена в его монографических исследованиях.

Конкретное знакомство с практической деятельностью правительства Китая в национальном вопросе позволило ему правильно, с учетом складывающихся отношений, дать всестороннюю оценку политики руководства КНР. Особо следует отметить его исследование "Судьбы неханьских народов в КНР". Ученый также впервые в отечественной науке подготовил фундаментальный труд о Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, который, к сожалению, так и не был издан, а после смерти ученого хранился в домашнем архиве. Многие друзья и коллеги Т.Р.Рахимова были знакомы с рукописью книги и часто ссылались на нее.

В результате многолетней научно-педагогической деятельности Т.Р.Рахимов подготовил немало высококвалифицированных специалистов, которые трудятся в различных отраслях. Среди его учеников немало докторов и кандидатов наук.

Много интересных встреч было в жизни ученого. Он принимал участие в научно-практических конференциях синологов и уйгуроведов в Италии, Германии, Монголии, Чехословакии, во многих городах бывшего СССР, выступал с докладами и сообщениями.

Турсун Рахимович Рахимов состоял членом Ученого совета Института Дальнего Востока, Научного совета Академии наук СССР по национальным проблемам, Комитета тюркологов, Центрального правления Общества советско-китайской дружбы.

До последних дней своей жизни Т.Р.Рахимов неустанно работал, поражая своим трудолюбием, огромной работоспособностью и жизненной активностью. Он был человеком щедрой души, искренним и доброжелательным, готовым всегда прийти на помощь людям.

Научная жизнь

Вручение дипломов доктора экономики (*Honoris causa*) и Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН видным представителям общественно-политических, деловых и научных кругов Китая Сюй Чжимину и Ху Дэпину

На заседании Ученого совета ИДВ РАН 28 октября с.г. директор Института член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко вручил дипломы доктора экономики (*Honoris Causa*) и Почетного доктора ИДВ РАН Президенту Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций, члену Народного политического консультативного совета Китая, члену постоянного комитета Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, заместителю председателя Всекитайского комитета содействия славному делу — делу ликвидации бедности в стране Сюй Чжимину и члену Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая, заместителю заведующего отделом ЦК Компартии Китая по работе единого фронта, заместителю председателя Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, заместителю председателя Всекитайского комитета содействия славному делу, члену российско-китайского комитета мира, дружбы и сотрудничества в XXI веке Ху Дэпину. Сюй Чжимин и Ху Дэпин были также избраны в члены Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии.

Доктор Сюй Чжимин был удостоен почетных званий за выдающиеся заслуги в разработке теории и практики модернизации развивающихся стран на примере Гонконга и КНР, широкую благотворительную деятельность в рамках программы преодоления бедности в Китае, а также за большой личный вклад в развитие научных и экономических связей между Китаем и Россией и поддержку фундаментальных исследований ИДВ РАН.

Доктору Ху Дэпину почетные звания были присвоены за заслуги в деле сохранения и изучения исторического наследия Китая, за вклад в укрепление сплоченности всех слоев населения и осуществление политики реформ и открытости в Китае, а также за активное содействие развитию и укреплению дружественных связей между КНР и Россией и поддержку фундаментальных исследований ИДВ РАН.

Представлявший новых почетных докторов ИДВ директор института М.Л.Титаренко и другие члены Совета, выступая на заседании, подробно охарактеризовали различные стороны общественно-политической, практической и научной деятельности докторов Сюй Чжимина и Ху Дэпина.

Отмечая успехи доктора Сюй Чжимина как энергичного предпринимателя (активы принадлежащих ему холдингов и компаний в 2001 г. составили 900 млн ам. долл.), выступавшие особо подчеркивали размах его спонсорской и благотворительной деятельности, направленной на ликвидацию бедности в Китае, на поддержку науки и образования. Наряду с осуществлением ряда коммерческих проектов, приведших к увеличению занятости и доходов населения в ряде районов страны, он безвозмездно пожертвовал ок. 25 млн долл. на строительство жилья, школ и другие нужды в ряде бедных районов Китая, в том числе передал крупные суммы (по несколько сотен и десятков тыс. долл.) на эти цели в распоряжение Всекитайского и ряда провинциальных комитетов содействия ликвидации бедности. В 1999 г. он передал 500 тыс долл. постра-

давшим от наводнения в провинции Цзянси. Он выделил 1,2 млн долл. для строительства новой библиотеки Нанкинского университета, 240 тыс. долл. — на приобретение нового телескопа для Пекинской обсерватории, спонсировал проведение ряда инициированных китайскими учеными международных конференций. Эта деятельность доктора Сюй Чжимина получила широкое признание в стране и на международной арене. В Китае он награжден медалью и получил почетное звание одного из выдающихся благотворителей, оказывающих помощь бедным, а также многочисленные награды за вклад в преодоление бедности в ряде провинций, уездов и городов страны. Департамент экономического развития ООН присвоил ему ученую степень доктора и наградил медалью “За содействие прогрессу человечества и поддержку бедным”.

Характеризуя деятельность доктора Ху Дэпина, выступавшие отмечали ее многогранный характер. В 1972-1983 гг., когда он занимал пост одного из руководителей Музея истории Китая, он делал все возможное, чтобы преодолеть разрушительное воздействие “культурной революции”, сохранить историко-культурное наследие страны, а с наступлением в 1978 г. эпохи реформ вместе с лучшими представителями китайской интеллигенции развернул работу по его критическому осмыслению и использованию в интересах реформ и модернизации страны.

С переходом в Отдел ЦК КПК по работе единого фронта, где он занимался и занимается вопросами политики в отношении частного капитала и контактами с объединениями предпринимателей в Китае и в среде китайской эмиграции, разнообразная и сложная проблематика политики партии и государства этой области, растущее значение которой выявилось в процессе развития политики реформ и открытости в Китае, заняла ведущее место в практической и научно-теоретической деятельности Ху Дэпина. Он принимает активное участие в разработке и обсуждении правовых актов, регулирующих деятельность различных форм частного капитала, мер, способствующих его развитию, а также гармонизации интересов государства и частных предпринимателей.

Доктор Ху Дэпин внес значительный вклад в разработку и реализацию национальной программы преодоления бедности и отсталости, в организацию и деятельность тесно связанного с этими задачами созданного в середине 90-х годов Комитета содействия славному делу, объединяющего и направляющего усилия патриотически настроенных предпринимателей страны на решение наиболее острых социальных проблем. В его работах и выступлениях в прессе, на различных форумах по этим вопросам наряду с разработкой экономических аспектов программы привлечения предпринимателей к задачам преодоления бедности особо выделяется и моральный аспект — задача пропаганды среди тех, кто “разбогател первым”, нравственных ценностей, патриотических установок, чувства долга, стремления действовать в духе принципа “богатеть вместе”.

Большую практическую работу доктор Ху Дэпин сочетает с научно-теоретической деятельностью. Важное место в этой деятельности занимает разработка проблем природы и роли частной собственности на различных этапах развития общества, в ходе процесса углубления реформ и дальнейшего развития Китая. Под этим углом зрения доктор Ху Дэпин стремится переосмыслить теоретическое наследие марксизма, опыт и уроки строительства нового общества в СССР и в КНР.

На заседании Ученого совета ИДВ доктор Сюй Чжимин выступил с докладом о состоянии и перспективах торгово-экономических отношений между Китаем и Россией (публикуется в настоящем номере журнала). Доктор Ху Дэпин выступил с докладом: “Некоторые вопросы нового направления экономической науки — “политэкономии реформ”” (доклад будет опубликован в следующем номере журнала).

Рецензии

Война в Корее 1950-1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001, 347 с.

В 2000 году в Москве состоялась международная научно-теоретическая конференция «Война в Корее 1950-1953 гг.: взгляд через 50 лет», организованная по инициативе региональной общественной организации «Первое Марта» при активной поддержке Института востоковедения РАН и Института военной истории МО РФ. Участники конференции попытались обобщить проделанную за последние годы научно-исследовательскую работу по изучению истоков, начала, хода, итогов и уроков Корейской войны 1950-1953 гг. российскими и корейскими историками и политологами, а также выработать новые взгляды и подходы к изучению первого столкновения эпохи «холодной войны».

Доклады и сообщения на конференции легли в основу выпущенного в 2001 году сборника под тем же названием, где было опубликовано четырнадцать докладов участников международной конференции (из них три – южнокорейских авторов) и семь статей в качестве «приложения» к сборнику. В центре внимания авторов докладов и статей был самый широкий спектр проблем, связанных с Корейской войной, сделана попытка систематизировать достижения российских исследователей по данному вопросу, восстановить историческую истину в отношении того – кто первый начал эту войну, ликвидировать многие «белые пятна» ее истории, включить в научный оборот ранее неизвестные источники, проливающие свет на начало и ход войны. Авторы конференции предложили в связи с 50-летием окончания корейской войны в 2003 году подготовить и провести международную научную конференцию по теме «Война в Корее: 1950-1953 гг.» с участием представителей по возможности всех заинтересованных стран – участниц той войны, включая Россию, Китай, США, Великобританию, Турцию и т.д.

Достоинством сборника, бесспорно, является то, что в нем публикуются раз-

личные авторские оценки Корейской войны с использованием разных источников информации, обнаруживаются расхождения в конкретных данных, – все это дает возможность читателю выбрать те оценки Корейской войны, которые, на взгляд читателя, более аргументированы и доказательны.

В статье Ю.В.Ванина «Некоторые вопросы предыстории и начала корейской войны», открывающей сборник, отмечается, что первопричиной войны был раскол Кореи, произошедший после августа 1945 года. Логическим следствием этого раскола явилось провозглашение в 1948 г. двух стран – КНДР и Республики Корея, каждая из которых объявляла себя единственно законной, представляющей весь корейский народ, а другую считала незаконной. С точки зрения автора, претензии КНДР на общекорейское лидерство выглядели более предпочтительными. Не вдаваясь в детали того, какая из великих держав – СССР или США – более виновата в развязывании военного конфликта на Корейском полуострове, он считает, что они обе «в своем противостоянии далеко не всегда принимали в расчет подлинные национальные интересы корейского народа» (с.12). Профессор Дипломатической академии МИД РФ, академик РАЕН В.Ф.Ли считает, что Корейская война явилась результатом схватки СССР и США. «Гуманитарная судьба самой Кореи, только что вырвавшейся из оков японского колониализма, – пишет он, – меньше всего интересовала супердержавы, ибо первостепенное значение для них имели свои сугубо прагматические цели. И независимо от того, кто в предельно напряженной межкорейской ситуации июня 1950 года первым нажал на спусковой крючок, объективные исследователи не могут уйти от главного: Корейская война вызревала и разразилась не столько как внутренний гражданский конфликт, а как непримиримая смертельная вооруженная

схватка супердержав, открыто провозгласивших свои амбициозные претензии на мировое господство» (с.49).

Начавшуюся между двумя странами 25 июня 1950 г. войну Ю. Ванин характеризует как «внутрикорейскую, гражданскую, национально-освободительную». Поэтому применение к ней понятия «агрессия» и принятие на этой основе решения Совета Безопасности ООН о международном вмешательстве в межкорейский конфликт, полагает он, юридически неправомерны. Ванин призывает более осторожно обращаться с противоречивыми данными о военных потенциалах КНДР и Республики Корея накануне и во время войны, подчеркивая, что обычно уделяется большее внимание советским военным поставкам КНДР, и часто замалчиваются аналогичные меры со стороны США. Между тем даже посол США в Сеуле Дж. Муччо утверждал в мае 1949 г., что США делали в военной сфере для Республики Корея больше, чем СССР для КНДР (с.23). Однако здесь уместно было бы в качестве примера привести публикацию в сборнике статьи профессора Института по военным и оборонным вопросам Республики Корея Ян Ен Чжо «Вооруженные силы Юга и Севера Кореи накануне войны: сравнительная характеристика», где южнокорейский автор подчеркивает: вооруженные силы Севера к моменту начала войны значительно превосходили вооруженные силы Юга (с.40), приводя в доказательство своей точки зрения серию сравнительных таблиц. Эти аргументы подтверждаются и приводимой официальной справкой МИД СССР от 10 августа 1966 г.: Северная Корея обеспечила себе превосходство над Южной Кореей по численности сухопутных войск – в 2 раза, по количеству артиллерийских стволов – в 2 раза, пулеметов – в 7 раз, автоматов – в 13 раз, танков – в 6,5 раз, самолетов – в 6 раз (с.50). Как считает профессор В.Ф.Ли, именно это количественное превосходство дало северянам возможность осуществить в первые недели войны стремительный прорыв через 38-ю параллель в направлении Пусана.

Специальному обзору военных действий на Корейском полуострове посвящена статья Н.Н.Чубака, научного сотрудника Института военной истории МО РФ, «Маятник войны (обзор военных действий на Корейском полуострове)» где поэтапно разбираются военные действия в Корее. Автор делит их на четыре хроно-

логических периода: первый (25 июля – 15 сентября 1950 г.) – вторжение северокорейских войск в Республику Корея, крупные оперативно-стратегические успехи наступающего. Второй период (16 сентября – 24 октября 1950 г.) – как крупные оперативно-стратегические успехи «войск ООН» под командованием американского генерала Макартура. Третий (25 октября 1950 г. – 9 июня 1951 г.) характеризуется как время крупных поражений «войск ООН» и крупных побед объединенных сил КНР и КНДР. Четвертый, самый продолжительный период войны (11 июня 1951 г. – 27 июля 1953 г.) характеризуется как позиционная вооруженная борьба при одновременно проходивших переговорах в Паньмынджоме, закончившихся подписанием соглашения о перемирии. «Локальная война в Корее, терзавшая корейский народ более 3 лет, завершилась вничью», – в заключение пишет Н.Н.Чубак¹.

А.А. Тимохин детально анализирует состояние Корейской народной армии во время войны 1950–1953 гг. и после нее. Полковник А.Суровцев рассказывает о военных действиях, которые велись в те годы в небе Кореи. На основе материалов интервью адмирала флота СССР В.М.Гришанова в статье «Удары с моря» характеризуется применение военно-морских сил в Корейской войне. В статье доктора исторических наук В.С. Шардакова «Атомный гриб» утверждается, что Пхеньян в те годы мог стать новой Хиросимой. Полковник А.Р. Криворучко в своей статье прослеживает историю военного сотрудничества Советского Союза с Кореей. Японский фактор в Корейской войне рассматривает в своей статье доктор исторических наук В.П.Зимонин.

Тяжелые социально-экономические последствия Корейской войны для КНДР рассматривает в своей статье кандидат экономических наук Института востоковедения РАН Г.В.Грязнов. Согласно официальным данным КНДР, суммарный ущерб, нанесенный за годы войны народному хозяйству республики оценивался более чем в 420 млрд вон (в старых денежных знаках). В результате военных действий на территории Северной Кореи было разрушено свыше 8700 заводских и фабричных зданий, шахт и рудников, 28 млн кв. м жилой площади, 5000 школ, 1000 больниц и амбулаторий, 263 театра и кинотеатра и тысячи других производственных и культурно-бытовых учрежде-

ний, а также исторических памятников культуры (с.190-191).

Полковник З. П. Вашурин в статье «Битва за умы» рассматривает тему информационной пропагандистской борьбы во время войны в Корее. Он считает, что несмотря на то, что опыт информационной борьбы в Корее детально изучался как в СССР, КНДР, так и в США, результаты этого до сих пор еще не стали достоянием широкой общественности.

Сегодня историки нашей страны и зарубежные хорошо представляют себе, какую роль сыграли китайские добровольцы в Корейской войне 1950-1953 гг., так, к.и.н. И.М.Попов писал: «Китайское военное участие... явилось одним из важнейших аспектов и одним из решающих факторов Корейской войны 1950-1953 гг. Фактически именно китайское участие на протяжении всех лет войны позволило Северной Корее достойно противостоять объединенным силам Южной Корее, США и других стран Запада. Без такого шага со стороны КНР судьба Северной Корее была бы решена – решена однозначно не в пользу Ким Ир Сена – уже к осени 1950 года»². И с этой точкой зрения, как мне кажется, согласится большинство российских и зарубежных историков. Как считает доктор политологии, профессор Института духовной культуры Кореи Ю Бен Ен, Китай, начиная войну в Корее, «прежде всего руководствовался интересами собственной безопасности, нежели чувством солидарности во имя спасения репутации Северной Корее» (с.179).

Однако хорошо известно также, с каким трудом руководство КНР принимало решение о вступлении корейских добровольцев в Корейскую войну после ее начала 25 июня 1950 года.

Интересно отметить, что у российских исследователей до сегодняшнего дня имеются разночтения по вопросу о том, кто из руководителей КНР выступал за участие «китайских добровольцев» в войне в Корее, и кто был против. И.М.Попов утверждает, что «наиболее авторитетными противниками линии Мао на вступление в войну в Корее» были Линь Бяо и Гао Ган³. Профессор Дипломатической академии МИД РФ, д.и.н. В.Ф.Ли подчеркивает, что «после жестких дискуссий в китайском руководстве немалая часть членов Политбюро ЦК КПК, в том числе Чжоу Эньлай, Жэнь Биши, Чэнь Юнь, Линь Бяо «выступили первоначально с резко негативных позиций»⁴, при этом

ссылаясь на книгу В.А.Шина «Китай и корейские государства во второй половине XX века»⁵.

До последнего времени в нашей исторической литературе ошибочно утверждается, что китайские добровольцы вступили на территорию Кореи 25 октября (вместо 19 октября) 1950 г.⁶

В президентском архиве имеется документ советского посла в Пекине Н.Рощина (В.Ф.Ли датирует его 13 октября⁷, в книге А.В. Торкунова он датируется 25 октября 1945 г.⁸), которому стало известно, что Политбюро ЦК КПК при настойчивых усилиях Мао Цзэдуна, Гао Гана и Пэн Дэхуа приняло решение направить свои «добровольческие войска» в Корею. «Как заявил Гао Ган, на заседании Политбюро ЦК КПК ему пришлось серьезно столкнуться с Чжоу Эньлаем, выступавшим против отправки китайских добровольческих армий в Корею, – информировал посол центр. – В решающий момент Гао Ган уговорил Пэн Дэхуа совместно обратиться к Мао Цзэдуну с настоятельным предложением о немедленном выступлении, мотивируя его опасностью, которая возникает для Китая и всей международной обстановки, если американцы оккупируют всю Корею. В результате энергичного и настойчивого воздействия со стороны Гао Гана и Пэн Дэхуа, которое было поддержано другими руководителями КПК, Политбюро приняло решение об отправке войск в Корею»⁹.

В то же время китайские историки утверждают, что против командирования «китайских добровольцев» в Корею выступали Линь Бяо, Гао Ган¹⁰ и некоторые другие деятели.

Как отмечали некоторые авторы, несмотря на то, что Китай в Корейской войне понес огромные людские и материальные потери (по оценкам, до полумиллиона китайских народных добровольцев не вернулось с поля боя)¹¹, ему удалось в то же время за счет форсированных советских военных поставок существенно перевооружить и модернизировать около 60 своих дивизий, которые составили ударный костяк НОАК¹². НОАК приобрела уверенность в своих силах, поверила в свою способность воевать с самым мощным и современным противником.

В рецензируемом сборнике представлена статья Ю Бен Ена «Великобритания, США и СССР на пути к перемирию в Корейской войне (секретные переговоры держав)». В ней анализируется ход сек-

ретных переговоров между СССР и Англией (осуществляемых А.Громыко и Д. Келли), с одной стороны, и советско-американских переговоров (Я. Малик – Д. Кеннан), с другой. Ю Бен Ен пишет, что для Англии Корейская война имела свою политическую подоплеку. «В ходе Корейской войны Англия весьма чутко реагировала на каждый шаг других мировых держав и, в соответствии со своими национальными интересами, старалась использовать военный конфликт для создания выгодного для себя нового миропорядка» (с. 172-173).

Автор приходит к выводу, что «Советский Союз и США пошли на секретные переговоры о перемирии и после того, как стало очевидным, что дальнейшее продолжение военных действий на Корейском полуострове неизбежно принесло бы им еще больший урон» (с.179). Можно согласиться с замечанием автора сборника к.и.н. А.А.Волоховой, что в обширной литературе о Корейской войне переговорному процессу уделено гораздо меньше внимания, чем предыстории вооруженного конфликта и событиям войны¹³, хотя нам известно, что несколько статей на эту тему недавно было опубликовано в китайских научных журналах.

Итоги и уроки войны в Корее подводит в своем материале кандидат исторических наук Н.И.Дорохов. Корейский народ понес самые страшные потери: погибло 9 млн человек, из них 84% – мирные жители. По предварительным данным (Дорохов оговаривается, что полных данных о советских потерях, к сожалению, нет до сегодняшнего дня) общие потери советских частей и соединений составили 299 чел., из них офицеров – 138, сержантов и солдат – 161, в небе Кореи погибло 120 советских летчиков (с.205).

При прочтении данного сборника и других аналогичных материалов, складывается впечатление, что некоторые ученые-корееведы (а возможно, что и не только они) слабо знакомы с исследованиями историков КНР по этой проблеме, они также не всегда знают, (а может быть умалчивают), что уже сделано в нашей стране по данному вопросу. Так, в рецен-

зируемом сборнике представлено два историографических доклада по Корейской войне: (один – старшим научным сотрудником ИДВ РАН Р.В. Савельевым «Исследования советских и российских ученых о Корейской войне 1950-1953 гг.», второй – заместителем начальника координационного отдела Института военной истории МО РФ, полковником В.Н.Моргачевым «Мифы и «белые пятна» (что неизвестно о войне в Корее)», и ни в одном из них я не нашел упоминания об интересной работе бывшего сотрудника ИДВ РАН, очевидца событий В.И.Петухова «У истоков борьбы за единство и независимость Кореи», изданной в 1987 году тиражом более 3 тыс. экз. Нет там и упоминания об интересной книге С. Гончарова с соавторами¹⁴, посвященной Корейской войне, о книге и статьях Т.Г.Зазерской. В качестве пожелания на будущее хотелось бы порекомендовать авторам более активно пользоваться уже опубликованными китайскими архивными и мемуарными материалами, и к разработке проблемы Корейской войны привлекать российских китаеведов, а не замыкаться только в довольно узком кругу исследователей-корееведов.

Последствия Корейской войны в АТР и мире, по справедливому мнению авторов рецензированного сборника, чувствуются по сегодняшний день. Война стала «одним из факторов углубления «холодной войны», стимулировала формирование противостоящих друг другу военных блоков». В итоге войны Корейский полуостров на многие десятилетия превратился в опаснейшую «горячую точку» планеты, а развитие Северной и Южной Кореи пошло по диаметрально противоположным путям. Как считает профессор В.Ф. Ли, «война в Корее, взвалив громадное материальное бремя на СССР, резко сузила диапазон его дипломатического маневрирования, поставив державу на грань международной изоляции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем поучительным уроком этого противоборства стало понимание простой истины: в любой локальной войне, если в нее втянуты ядерные супердержавы, не может быть ни победителей, ни побежденных»¹⁵.

1. Война в Корее 1950-1953 гг.: взгляд через 50 лет. Материалы международной научно-теоретической конференции (Москва. 223 июня 2000 года). М., 2001. С.243.
2. Там же. С.125.
3. Там же. С.135.
4. Там же. С.231.
5. Шин В.А. Китай и корейские государства во второй половине XX столетия. М., 1998.С.19.
6. См. к примеру «Историю Китая» под редакцией А.В.Меликсетова. М., 1998.С.634; Зазерская. Т.Г.Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949-1960 годы). Санкт-Петербург, 2000.С.29.
7. АП РФ, ф.45, оп.1.д.247, л.81-83. Цит. по: Война в Корее. С.232.
8. Торкунов. А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов. М., 2000. С.119,122.
9. Там же. С.119-120.
10. Вэньчжай сюнькань. 1989. 11 апреля; Усов. В. Кто направил китайских добровольцев?// Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С.108; Е Юймэн. Хэй сюэ - чу бин Чаосянь цзиши (Черный снег. Записки о отправке войск в Корею). Пекин, 1990. С.45.
11. Война в Корее. С.136.
12. Война в Корее. С.54.
13. Там же.С.163.
14. Sergei N.Goncharov, John W. Lewis, Xue Lital. Uncertain Partners. Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, 1993.
15. Война в Корее. С. 234.

Жамбын Батмунх. Насилие не применять. Предисловие, комментарии, редакция и приложение доктора филологических наук Дожоокийн Цэдева. Улан-Батор. Интерпресс. 2001. 508 с. (монг. яз).*

Слова, вынесенные в заголовок рецензируемой книги, широко известны в Монголии. Их произнес последний (эпохи социализма) Генеральный секретарь Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии, председатель Президиума Великого народного хурала Монгольской Народной Республики Жамбын Батмунх весной 1990 г., когда демократическое движение страны выступало за отказ от пути социалистического развития. После кончины Ю.Цеденбалы в 1984 г. Ж.Батмунх стоял у кормила государственной власти в течение почти 16 лет, на которые пришелся один из самых сложных периодов в истории Монголии. Это было, напоминает Д. Цэдэв, время, когда в СССР и других социалистических странах началась перестройка, зарождались рыночные отношения (с. 5). Какую роль сыграл тогда Ж.Батмунх? Ответ на этот вопрос уже более 10 лет пытаются дать многие исследователи и все — по-разному, в соответствии со своими политическими пристрастиями и идеологическими воззрениями. Рецензируемая книга выпадает из этого общего ряда. Причин тому несколько. Во-первых, она носит документальный характер. Во-вторых, ее отличает более объективный подход к недавнему прошлому Монголии, а следовательно, к оценке такой крупной личности, какой, бесспорно, был Жамбын Батмунх. В-третьих, после ухода в отставку в полном составе политбюро ЦК МНРП во главе с Ж.Батмунхом, прошло 12 лет. Поэтому многие события конца 1980-х — самого начала 1990-х гг., а также деятельность руководителей Монголии, с течением времени начинают оцениваться более взвешенно и не столь эмоционально, когда это делалось по горячим следам.

Книга состоит из предисловия, двух основных частей и приложения (краткие сведения об авторах воспоминаний).

Первая часть "Мое место в событиях

1990 года — года Белой Лошади", включает принадлежащие самому Ж. Батмунху тексты официальных выступлений и обращений к монгольскому народу, краткую автобиографию, его воспоминания о Ю. Цеденбале, о переговорах с руководителями СССР по различным проблемам, в первую очередь, экономическим, в том числе с М.С.Горбачевым.

Стоит отметить, что воспоминания Ж. Батмунха о последних днях жизни Ю. Цеденбалы добавляют новые важные штрихи к характеристике этого политического и государственного деятеля МНР. При этом Ж. Батмунх высоко оценивает воспоминания и записки о Цеденбале Е.И. Чазова, книгу Ш.Г. Надирова "Цеденбал. 1984 год" (М. 1994), ссылается на беседы с Горбачевым, Чебриковым, Русаковым, А. Филатовой (супруга Ю. Цеденбалы).

Вторая часть — "Воспоминания" — это рассказ о Ж. Батмунхе его соратников, товарищей, друзей и близких родственников. Среди них: П. Очирбат, Ц. Балхажав, Д. Бямбасурэн, Ш. Гунгадорж, П. Жасрай, Б. Долгора и другие видные государственные и политические деятели Монголии.

Таким образом, материалы первой части характеризуют Ж. Батмунха через призму его собственного восприятия и оценки событий конца 1980-х — начала 1990-х гг., личного участия в них. Публикации во второй части дают представление о нем, которое складывалось у людей из его окружения на протяжении более длительного времени, начиная с его ранней юности и кончая зрелыми годами. В итоге со страниц книги встает живой образ руководителя государства в период, предшествовавший началу радикальных политических и экономических реформ в бывших странах социализма. При этом Ж. Батмунха отличали трезвый подход к специфическим проблемам, которые стояли перед Монголией, и реалистичные

* Жамбын Батмунх. "Хуч хэрэглэж хэрхэвч болохгүй". Хэвлэлд бэлтгэн хянан тохиолдуулж, оршил, лавлага, тайлбар үйлдсэн Д. Цэдэв. Улаанбаатар: "Интерпресс" ХХК, 2001.

оценки возможностей страны изменить сырьевой характер ее экономики, сберечь ее уникальную экологию, а в дни, когда решалась судьба страны, — твердая решимость сохранить мирный характер революции, удержать страну от кровопролития. В этом случае, очевидно, высокие человеческие качества соединились с самоотверженностью политика, добровольно уступившего власть новым демократическим силам Монголии.

Для историков чрезвычайно интересна летопись революционных событий в стране, представленная в книге самим Ж. Батмунхом, его оценки деятельности политбюро ЦК МНРП и своих собственных действий как руководителя страны в то время. В очерке "Мое место в событиях 1990 года — года Белой Лошади", занимающем, на наш взгляд, ключевое место в книге, дается глубокий анализ экономического кризиса, повлекшего за собой и политический кризис (указывается на появление его признаков задолго до начала 1990-х гг.), и причин, вызвавших крах социализма в Монголии. В годы плановых пятилеток, пишет Ж. Батмунх, постоянно увеличивались капиталовложения в народное хозяйство, что вело к накоплению основных фондов и, соответственно, росту национального дохода и реального благосостояния населения. Однако масштабы роста были ограничены и темпы его снижались, хотя капитальное строительство расширялось. В течение нескольких пятилеток велось строительство горно-обогательного комбината "Эрдэнэт," угледобывающего предприятия "Баганур", расширение Шарынгольского угольного разреза, двух крупных столичных электростанций, горного предприятия "Бор Ундур", поглощавшее крупные средства. В начальный же период эксплуатации прибыли от производственной деятельности этих предприятий были незначительны. К тому же финансирование строительства производилось за счет внешних займов и кредитов. Если в середине 1970-х гг. задолженность МНР перед Советским Союзом составляла около 2,2 млрд. рублей, то в 1989 г. монгольский долг возрос до 9,7 млрд. рублей (переводных, Г.Я.) (с. 36, 38). При этом Ж. Батмунх не отрицает народнохозяйственного значения сооруженных с помощью СССР крупных промышленных объектов, но подчеркивает, что задолженность оказала негативное влияние на развитие монгольской экономики. Проблема осложнялась тем, что в конце 1970-

х и в течение всех 1980-х гг. темпы роста цен на монгольские экспортные товары, поставляемые в СССР, существенно отставали от роста цен на советские энергетические ресурсы, машины, оборудование и другие готовые товары, получаемые МНР по импорту (с. 35).

Еще одним фактором, влиявшим на положение дел в стране, как вытекает из очерка, был сырьевой характер монгольской экономики и неудачные попытки руководства страны и лично Ж. Батмунха договориться с СССР о развитии в МНР отраслей перерабатывающей промышленности на базе горнодобывающего производства, уже созданного в стране. В докладах Ж. Батмунха на V и VII пленумах ЦК МНРП (1989 г.) подчеркивалось, что экономика МНР продолжает иметь сырьевую направленность, в ее структуре отсутствуют отрасли, определяющие научно-технический прогресс, в том числе производство черных и цветных металлов, машиностроение, электроника, химия. "Я поднимал вопрос об этом перед советскими руководителями — Яковлевым и Долгих, с которыми лично встречался", — пишет Ж. Батмунх (с. 28), весьма осторожно, но последовательно проводя мысль о том, что Советский Союз не был заинтересован в создании в МНР перерабатывающей промышленности, работающей на минеральном сырье. Когда ставился, например, вопрос о строительстве завода по выплавке цветных металлов на базе горнообогатительного комбината "Эрдэнэт", по словам Ж. Батмунха, СССР оказался в этом не заинтересован, так как предприятий подобного профиля у него самого было достаточно. Неудачей закончились переговоры по этому поводу и с М.С. Горбачевым во время визита Ж. Батмунха в Москву в июне 1987 г. В книге воспроизведен диалог этих двух лидеров.

"В беседе с М.С. Горбачевым я выразил пожелание заложить в нашей стране с советской помощью основы системы машинного производства. Горбачев спросил:

- Откуда металл будете брать?
- У нас будет металлургия.
- Посмотрите-ка, еще и металлургия.
- Не только металлургия, мы еще и химическое производство разовьем.

- Погодите, товарищ Батмунх. Вьетнам повел было речь о создании металлургического завода, когда его населению есть было нечего. Сейчас он опять возвращается к вопросу о строительстве металлургического завода. Возобновляем пере-

говоры. Вы об этом хорошенько подумайте.

Я возразил:

- Но нам нужен не крупный завод, а предприятие, соответствующее нашим масштабам" (с. 28).

Таким образом, вопрос о строительстве завода так и остался открытым. Позднее, в 1993 г. в Монголии был построен первый в ее истории металлургический завод в г. Дархане по японскому проекту.

В диалоге Горбачев-Батмунх привлекает внимание еще одна важная деталь, частично проясняющая взгляды Ж. Батмунха по такой серьезной проблеме как вопрос о заимствовании Монголией советского опыта перестройки. "Я сказал, — пишет руководитель монгольского государства, — что перестройка, развернувшаяся в СССР, имеет международное значение и оказывает влияние на наше представление о будущем, на что Горбачев заметил: "Наш опыт нельзя копировать напрямую. Он имеет свои особенности, свои специфические стороны". "Правильно, — сказал я. — Подражать не следует. У нас не те масштабы, что у Советского Союза, у нас с ним большие различия. Поэтому мы заимствуем только идею, ее самую суть (перестройки, Г.Я.)" (с. 29).

Перестройка в Монголии коснулась многих аспектов социалистического строительства. Так, она затронула вопрос о собственности на скот и в связи с этим — о соотношении общественного и личного поголовья скота у аратов-членов сельскохозяйственных объединений. Для подъема частной инициативы животноводов (в их личной собственности находилось 36% всего скота в стране, но в государственных заготовках на них приходилось только 8%) были увеличены допустимые нормы численности поголовья в их личном хозяйстве. Вместе с тем был поднят вопрос о том, чтобы снять с личных хозяйств любые численные ограничения. В политбюро мнения по этому вопросу разделились. Ж. Батмунх выступал за ограничение, аргументируя свою точку зрения тем, что в противном случае арат лишится стимула эффективно трудиться в общественном хозяйстве. Он будет пользоваться бесплатно государственными и кооперативными ресурсами (водопоями, ветеринарной помощью, кормами и т.д.), что приучит его к иждивенчеству. "Тем не менее, — пишет Ж. Батмунх, — когда в 1990 г. новое руководство ЦК МНРП приняло решение о том, чтобы не устанавливать нормы поголовья скота в личном хо-

зяйстве, я, следуя указанию партии, буквально накануне своего освобождения от должности председателя Президиума Великого народного хурала такой указ подписал. В результате сложилось такое положение, что в руках одного хозяина оказался без разграничения личный и общественный скот, которое долго длиться не могло, и сельскохозяйственные объединения были распущены. Таким образом, наступил конец истории социалистической формы хозяйства в сельском хозяйстве Монголии" (с. 33).

События в СССР и в социалистических странах Восточной Европы, сокращение советской помощи МНР усилили недовольство монгольского населения ухудшающимися условиями жизни. Ускорить процесс перестройки, установить гласность и демократию — с такими требованиями в первую очередь начала выступать молодежь, особенно молодая интеллигенция. В организационном плане это вылилось в митинг 10 декабря 1989 г., накануне созыва VII пленума ЦК МНРП. На митинге было провозглашено создание новых для страны партийных структур — Монгольского демократического союза и Монгольской демократической партии. Митингующие обратились с письмом в адрес предстоявшего VII пленума ЦК МНРП и очередной сессии Великого народного хурала, в котором содержался целый ряд требований. Впервые в очерке подробно излагаются эти требования — до тех пор они приводились в работах других авторов отрывочно или выборочно. По Батмунху, они состояли в следующем: приостановить руководство страной со стороны МНРП, соблюдать принципы Хартии ООН о правах человека, превратить Великий народный хурал в постоянно действующий парламент, предать гласности все политические и экономические проблемы и внести соответствующие изменения в действующую конституцию. Кроме того, демократы требовали обновить систему выборов в ВНХ и на этой основе провести всеобщие выборы, вскрыть и предать гласности ошибки в деятельности Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбала, создав для этого общественную комиссию. Демократы настаивали на признании МНРП своей вины перед репрессированными гражданами, а также на отмене системы материальных и других привилегий для руководства. В книге есть упоминание о том, что 7 декабря 1989 г. в городе Кобдо (центр Кобдоского аймака)

прошел молодежный митинг, потребовавший отставки политбюро ЦК МНРП в полном составе. Как утверждает Ж. Батмунх, об этом стало известно только в конце работы VII пленума. По его словам, содержание этого письма на пленуме не обсуждалось, хотя желающие могли ознакомиться с ним в Общем отделе ЦК.

Соответственно большой интерес представляет реакция монгольского руководства на эти и другие события революционного характера, отраженная в статьях и выступлениях Ж. Батмунха. Монгольский лидер утверждает, что руководство не намеревалось запретить проведение митингов и демонстраций, так как это противоречило бы конституции, хотя Ж. Батмунх считал, что некоторые политические призывы расшатывают общественный порядок и следует добиваться его поддержания путем убеждения (с. 42). Такую позицию разделяли все члены политбюро. В Улан-Баторе и некоторых аймачных центрах прошли встречи и беседы представителей партийного руководства и государственных органов по этому поводу с координаторами Демократического союза, но конкретных результатов такие акции не принесли. Демократическое движение набирало силу. Митинги проходили не только на площадях и улицах столицы, но и на крупных предприятиях, вокзалах и т.д. Нарушалась трудовая и производственная дисциплина. Появилось много ложных слухов и недостоверной информации. Необходимо было предотвратить дальнейшие беспорядки, усилить охрану важных объектов. 18 февраля 1990 г. состоялся первый съезд Демократического союза, выдвинувший новые задачи революционного характера, а 21 февраля Ж. Батмунх выступил по радио и телевидению с обращением к монгольскому народу. Текст этого обращения полностью воспроизведен в рецензируемой книге. В выступлении руководителя страны отчетливо прозвучала готовность МНРП сотрудничать с новыми политическими силами страны, обсудить на пленуме ЦК вопрос о созыве чрезвычайного съезда партии, как это потребовал съезд Демсоюза, а также решить вопрос об уходе в отставку в полном составе действующего политбюро ЦК МНРП. Особое внимание в выступлении Ж. Батмунха было уделено предупреждению Демсоюза, прозвучавшему на его съезде в адрес руководства страны, о том, что "если прольется кровь, то ответственность будет лежать не на нас, а на пар-

тийном и государственном бюрократическом руководстве" (с. 83). "Обеим сторонам надо осознать, на чьей ответственности лежит тот факт, что в прошлом году этого не произошло" (то есть насилие не свершилось, Г.Я.), в ответ на это сказал Батмунх, явно имея в виду, что именно МНРП не допустила кровопролития в период массовых митингов в конце 1989 г. Ряд требований Демсоюза был удовлетворен: отменена система специального снабжения (повышенные пенсии, спецмагазины, больницы и т.п.), сделана попытка установить контакт с демократическими силами, разработан проект нового устава МНРП, проект нового закона о выборах в Великий народный хурал. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы предотвратить смену власти, вопрос о которой окончательно был решен тогда, когда в марте 1990 г. группа бастующих на центральной площади столицы перед Домом правительства объявила голодовку. Среди участников митинга раздавались призывы к походу на Дом правительства, распространялись слухи о якобы готовившемся разгоне митингующих, о введении на территории всей Монголии чрезвычайного положения (с. 57). Таким образом, политическая обстановка в стране чрезвычайно накалилась. В этих условиях, пишет Ж. Батмунх, "долгом партийных, государственных и правовых органов было дать отпор попыткам нанести вред народным массам, предотвратить случаи возможных беспорядков" (с. 57). В связи с этим им было дано поручение соответствующим органам разработать временное положение о проведении митингов и демонстраций. 9 марта на заседании политбюро, собравшегося, чтобы обсудить политическую ситуацию в стране, Ж. Батмунх выступил с инициативой об уходе политбюро ЦК МНРП в отставку в полном составе, заявив, что "это надо сделать, если без этого успокоить страну невозможно" (с. 108). "Я лично спросил мнение у каждого члена политбюро по этому вопросу, — вспоминает Ж. Батмунх примерно через год после этих событий, — и никто не возразил, решение об отставке было принято единогласно" (с. 109). Об этом Ж. Батмунх объявил по национальному телевидению. Вечером того же дня оно было обнародовано в средствах массовой информации, голодовка на площади была прекращена, и к 22-23 часам там уже не оставалось ни одного человека. Позднее, беседуя с корреспондентом столичной га-

зеты "Ил товчоо" о событиях, имевших место в марте 1990 г., Жамбын Батмунх сказал: "В то время политбюро заседало по два-три раза в день... Руководители министерств, государственных комитетов и специальных органов задавались одним вопросом "Как быть?" На одном из таких заседаний руководители силовых структур поставили вопрос о разработке порядка проведения демонстраций и митингов протеста как нового явления для нашей страны... Я ответил на это, сказав, что при том ни в коем случае к демонстрациям и митингам силу не применять, не использовать войска,... ведь молодежь на площади — это наши дети" (с. 107).

Такой в общих чертах предстает перед нами история мирной монгольской революции 1990 г. по документам и выступлениям Ж. Батмунха, заключившего, что революционные события в Монголии были "связаны с условиями времени, когда во второй половине 1980-х годов ослабло дыхание "холодной войны" и широко встали такие проблемы как демократия, права человека, рынок" (с. 77).

В воспоминаниях своих современников Ж. Батмунх предстает как высокообразованный и мудрый политик, справедливый, неконфликтный и бескорыстный человек, не стремящийся к личному обогащению, добрый семьянин. Его отличало высокое чувство ответственности. За его плечами не было событий, связанных с участием в политических репрессиях. После ухода в отставку он часто и безбоязненно появлялся на многолюдных улицах

Улан-Батора — у него не было врагов и недоброжелателей. Многие подчеркивают его мягкость, граничащую с нерешительностью, но вместе с тем и определенную последовательность в политической деятельности. Он пришел к полной власти после ухода из жизни Ю. Цеденбала и, возможно, не был такой же сильной и яркой личностью, как его предшественник. Но его отличали фундаментальные знания в области экономики и политики, а большой педагогический стаж и работа в свое время на посту ректора Монгольского государственного университета, несомненно, выработали у него понимание роли молодежи в современном обществе, умение улавливать новые веяния времени. Эти качества вкупе с многолетним опытом политика сослужили ему службу в период мирной монгольской революции. Естественно, что в воспоминаниях о Ж. Батмунхе привлекает оценка его инициативы о добровольном уходе в отставку политбюро ЦК МНРП во главе с ним самим. По мнению одних авторов, этот поступок помог избежать кровопролития в дни революции, по мнению других — с этим не следовало торопиться. Пока еще трудно составить окончательное суждение по этой непростой проблеме, тем не менее, видимо, можно считать, что в решении Ж. Батмунха отразилось его глубокое понимание неизбежности для его страны ухода в прошлое эпохи социализма и стремление обеспечить мирный переход Монголии к созданию нового демократического общества.

Новый подход к исследованию японской поэзии и ее переводу на русский язык

Жукова И.В. Красные ирисы счастья. М., «Северный город -7», 2001. 126 с.

Жукова И.В. Таинство японской поэзии танка. М., «Восточная литература» РАН, 2001. 263 с.

Предметом рецензии являются сразу две книги, каждая из которых — результат тридцатилетнего исследования, научного обобщения и профессионального поэтического перевода японской поэзии жанра танка.

Книга Ирины Жуковой "Таинство японской поэзии танка" впервые в русской японистике точно определяет суть малоизученных поэтических тропов макура-котоба, утамакура (4-8 вв.), какэкотоба и энго (6-8 вв.), обозначает проблемы в исследовании приема дзе, что опровергает сложившееся об этих поэтических приемах представления и в российском востоковедении, и в японском языкознании и литературоведении, равно в европейском и в американском как о приемах-украшениях, статичных, застывших в своем развитии.

Если возможно говорить о настоящем научном открытии в гуманитарных науках, то книга «Таинство японской поэзии танка» — именно такое научное открытие, состоявшееся благодаря впервые примененному в исследовании японской поэзии структурно-семиотическому методу (подобные эксперименты осуществлялись с прозой на восточных языках, но ранее никогда в отношении поэтических текстов на восточных языках не проводились). Книга демонстрирует прямую зависимость и взаимосвязь развития, функционирования, семантики приема макура-котоба с развитием обычного и поэтического мышления древних японцев, взаимоотношение приема макура-котоба с древнеяпонским разговорным языком, поскольку в поэтической антологии «Манъёсю» (771г.) наблюдается сосуществование фольклорного и индивидуального творчества с 4 по конец 8 в.

Автор увлекательно рассказывает, как благодаря макура-котоба сложилась поэтическая структура танка, а также основные эстетические и литературные традиции, характеризует особенности

мышления и психологии японского народа, показывает, как оформлялся японский слоговой алфавит.

Впервые широкий круг читателей, интересующихся японской поэзией, может познакомиться на русском языке со словарями макура-котоба, дзе и какэкотоба, с комментариями обычаев сформировавшегося историко-культурного контекста Японии до конца 8 века. Кроме того, в книге помещены специальные словари названных выше основных тропов японской классической поэзии жанра танка по активности их использования в предшествующих и параллельных «Манъёсю» литературных памятниках, что является ее неоспоримым достоинством и практическим «батуттом» в дальнейшем изучении японской поэзии и культуры, ее древней истории. Благодаря этой серьезной лингвистической и литературоведческой работе, впервые стало возможным говорить о рождении жанра танка, не только поэтической формы в 31 слог (5-7-5-7-7).

Переводы и авторский дизайн книги обогащают современное художественное восприятие литературы и культуры Японии к концу 8 века.

Не меньший читательский интерес могут вызвать и переводы И. Жуковой поэзии другого времени, собранной в более позднем литературном памятнике «СинКокинсю» (1205 г.). Радует художественный вкус переводчика-составителя и одновременно дизайнера, с которым оформлена книга «Красные ирисы счастья», представляющая лишь избранную поэзию танка из поэтической антологии «СинКокинсю». В книгу включены иллюстрации гравюр, которые были изданы в Японии в конце 19 в., но которые ранее никогда не публиковались в русских и во многих европейских изданиях по искусству. Сам выход в свет такой книги на русском языке и специальная вводная статья ставит и решает проблему поэтического

перевода с японского языка на русский именно поэзии танка, объясняя, что в японском языке нет рифмы, привычной русскому слуху, однако звучащей по особым законам японского естественного и сформировавшегося поэтического языка.

Для русских переводчиков японской поэзии эта книга, представляющая практические и теоретические плоды работы поэта, ученого (лингвиста и литературоведа) И.В. Жуковой дает богатый материал для собственных размышлений над перспективами перевода японской классической поэзии. «Хотя у каждого переводчика поэзии или прозы есть своя узнаваемая манера, что особенно ясно видно в переводах с европейских языков, все же переводчик должен стремиться передавать индивидуальный стиль того поэта, чьи стихи он или она переводит. При этом и смысл, и стилистика, и музыка, и некая подтекстовая мелодика, и внетекстовая семантика очень важны, — пишет автор в книге «Красные ирисы счастья» (с.15)

И. Жукова знакомит читателя и с некоторыми авторскими приемами поэтического перевода танка. В литературном плане подборка поэзии для русского читателя отражает поэтическое мышление на рубеже 12-13 вв. в Японии и раскрывает философию и душу японцев, их отношение к истории, которую они сами и вершили. Именно с точки зрения гражданской позиции «творческой военной интеллигенции», произведения представитель которой преобладают над включенными

ми в японский оригинал танка известных поэтов прошлого, «СинКокинсю» современно звучит для народов России и Европы, словно предупреждение, в качестве которого и создавался этот поэтический сборник правителем и поэтом Фудзивара Садаиэ, мирно отдавшим свою власть сёгуна в надежде на прекращение кровопролития в междуусобицах.

Книга «Красные ирисы счастья» показывает, что танка «СинКокинсю» — это особое явление для японской литературы и искусства (и это доказывают исторические имена, слава которых вышла за пределы Японии впоследствии), приобретающее для самих японцев значение высокой, классической поэзии, позволившей появляться и другим поэтическим формам, и новой образности, и новым темам в рамках сезонного распределения танка по разделам японской антологии «СинКокинсю». Появление книги Ирины Жуковой «Красные ирисы счастья», избранной поэзии танка из «СинКокинсю», которая в русской японистике долгое время считалась эпигонской в сравнении с предшествующими поэтическими антологиями в Японии, имеет огромное историко-литературное значение.

Рецензируемые книги, безусловно, способствуют расширению наших представлений об истоках культурной и литературной традиции, разговорного японского языка, а также дальнейшему исследованию японской поэтики и эстетики культуры Японии.

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2002 год

Журналу ПДВ — 30 лет. Почта к юбилею..... №№ 2, 3

ДОКУМЕНТЫ

Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.....	№ 4
Хартия Шанхайской организации сотрудничества.....	№ 4
Заявление лидеров АТЭС в связи с недавними террористическими актами в странах АТЭС.....	№ 6
Заявление лидеров АТЭС по борьбе с терроризмом.....	№ 6

ПОЛИТИКА

К.Асмолов. Борьба с коррупцией в Южной Корее.....	№ 6
К.Асмолов. Профсоюзное движение в Республике Корея.....	№ 4
Я.Бергер. Об итогах 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва.....	№ 3
Я.Бергер. О достоверности экономического роста Китая и "китайской угрозе".....	№ 6
А.Воронцов. Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы.....	№ 3
С.Гончаренко. Саммит АТЭС в Шанхае.....	№ 1
Л.Гудошников, В.Ганшин. Выборы 2001-2002 гг. на Тайване.....	№ 2
Л.Гудошников. Конституция КНР в процессе исторических перемен и реформ.....	№ 3
Кан Сам Гу. Китай и Центральноазиатский регион (взгляд из Сеула).....	№ 5
А.Ланьков. Выходцы из КНДР в Южной Корее: проблемы и перспективы.....	№ 2
А.Ларин. К вопросу о китайской "демографической экспансии".....	№ 6
Ли Чаншунь. Российско-китайские отношения в наступившем XXI в. поднимутся на качественно новый уровень.....	№ 2
Г.Логвинов. Шанхайская организация сотрудничества — качественный шаг вперед.....	№ 5
Марк Хонг. Двенадцать ответов Сингапура на вызовы глобализации.....	№ 1
В.Михеев. Интеграционная мотивация. Проблема формирования структуры безопасности через соразвитие в США.....	№ 2
В.Михеев. Треугольник Россия-США-Китай после 11 сентября.....	№ 1
В.Павлятенко. Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы.....	№ 6
Пах Ду Бок. Северная Корея и китайская модель реформ и развития.....	№ 4
В.Петровский. Безопасность личности и трансрегиональная безопасность в Евразии. В поисках противодействия угрозе международного терроризма.....	№ 5
О.Почагина. Новая редакция закона КНР о браке.....	№ 3

<i>И.Розачев.</i> Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: итоги первого года.....	№ 4
<i>А.Сенаторов.</i> Неспешные шаги административной реформы в Японии.....	№№ 5, 6
<i>А.Сенаторов.</i> Япония: крупная реорганизация правительственной структуры.....	№ 2
<i>А.Сизоненко.</i> Новый тихоокеанский форум — Латинская Америка-Восточная Азия.....	№ 1
<i>Сюэ Сяньтянь, Луань Цзинхэ.</i> История и современное состояние китайско-российских отношений.....	№ 5
<i>М.Титаренко.</i> Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения.....	№ 1
<i>А.Уолдрон.</i> США, Китай, Россия: проблемы стратегического партнерства.....	№ 6
<i>Хоу Вэньчжу.</i> Политика Китая в отношении внешней миграции (перевод с английского и комментарий Я.Бергера).....	№ 6
<i>М.Хэйсканен.</i> Северо-Восточная Азия как субрегион АТР и Евразии.....	№ 2
<i>Чжан Дэгуан.</i> Широкие перспективы развития китайско-российских отношений.....	№ 4
<i>А.Шлындов.</i> Япония в ООН.....	№ 1
<i>А.Шлындов.</i> Япония и государства Корейского полуострова.....	№ 4
<i>А.Яковлев.</i> "Третья угроза": Китай — враг № 1 для России? (Как и зачем из перспективного стратегического партнера делают стратегического противника).....	№ 1
<i>А.Яковлев.</i> Треугольнику Россия-Китай-Индия нужна стратегия дальних рубежей.....	№ 5
<i>Г.Яскина.</i> Монголия на рубеже веков.....	№ 3

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

О программе экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья. От редакции.....	№ 1
<i>П.Минакир, Е.Девасва.</i> Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества.....	№ 1
<i>В.Карлусов, А.Кудрин.</i> Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ.....	№ 3
<i>М.Титаренко.</i> Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР.....	№ 6

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Социальные изменения в КНР в годы реформ. (Круглый стол в ПДВ).....	№ 5
---	-----

ЭКОНОМИКА

<i>Бао Оу.</i> Инновация — движущая сила развития китайского общества.....	№ 4
<i>Я.Бергер.</i> Социальная поддержка пожилых людей в Китае.....	№№ 1, 2
<i>И.Каукин.</i> Основные черты межкорейского экономического сотрудничества.....	№ 1
<i>Л.Кондрашова.</i> "Модернизация с китайской спецификой": проблема экономического измерения.....	№ 4
<i>В.Курбатов.</i> Развитие пастбищного скотоводства в КНР.....	№ 4

<i>Ли Теин.</i> ВТО и Китай.....	№ 4
<i>А.Мозгов.</i> Сравнительный анализ развития экономики России и стран Восточной Азии в период современных реформ.....	№ 6
<i>З.Муромцева.</i> Развитие городов и оптимизация экономической структуры Китая в XXI веке.....	№ 3
<i>М.Потапов.</i> Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества.....	№ 3
<i>М.Потапов, А.Салицкий.</i> Китай в ВТО: что делать России?.....	№ 5
<i>Сунь Хуэйцзюнь.</i> Китайско-российская народная торговля на примере рынка Ябаолу.....	№ 1
<i>Сюй Чжимин.</i> Добрососедство, дружба, экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией имеют широкие перспективы.....	

ИСТОРИЯ

<i>А.Алепо.</i> Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX — начале XX вв.....	№ 4
<i>Л.Березный.</i> Еще раз о теории новой демократии.....	№ 2
<i>А.Буров.</i> Памятные места Китая: Яньань.....	№ 6
<i>А.Москалев.</i> Доктрина китайской нации.....	№№ 5, 6
<i>А.Решетов.</i> Выдающийся востоковед-энциклопедист (К 125-летию со дня рождения Н.В.Кюнера).....	№ 6
<i>Т.Сорокина.</i> К истории создания Комитета по заселению Дальнего Востока в начале XX в.....	№ 1
<i>С.Тихвинский.</i> Мои встречи с Го Можо. (К 110-летию со дня рождения первого Президента Академии наук КНР).....	№ 5
<i>В.Усов.</i> Коммунист-интернационалист Цзи Чжи. (К 100-летию со дня рождения).....	№ 1
<i>Ф.Хамраев.</i> Жизнь, прожитая не зря. (Памяти Турсуна Рахимова).....	№ 6
<i>Шэнь Чжихуа.</i> Столкновение и урегулирование интересов в процессе переговоров о китайско-советском Договоре 1950 года.....	№ 4

НАШИ РЕФЕРАТЫ

<i>Г.Богданов.</i> Шэнь Чжихуа. Китайско-советские отношения в 50-е годы: проблема советских специалистов.....	№ 5
--	-----

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>П.Балакшин.</i> Финал в Китае. (К истории создания книги о русской эмиграции, публикация и комментарии А.Хисамутдинова).....	№ 3
<i>Б.Панкратов.</i> Н.Я.Бичурин как переводчик. (Публикация И.Ф.Поповой и В.С.Мясникова).....	№ 4
<i>Ю.Тотров.</i> Американская разведка в Китае (1945-1956 гг.).....	№ 2

ФИЛОСОФИЯ

<i>К.Вираз.</i> Комментарии к "Великому учению" и развитие китайской философской традиции.....	№ 3
<i>Э.Кауров, А.Лукьянов.</i> Древнекитайская космография культуры Дао.....	№ 5
<i>А.Курносова.</i> Философия в рамках культуры, ориентированной на канон: схоластика европейского средневековья и "учение о принципе" эпохи Сун.....	№ 3
<i>А.Лукьянов.</i> Война и мир цивилизаций.....	№№ 1, 2

КУЛЬТУРА

- О. Железняк, А. Раевский.* Мисима Юкио: поиски себя в послевоенной Японии..... № 3
- *А. Желоховцев.* Китайский исторический роман в оценке литературоведов КНР..... № 4
- Е. Таскина.* По страницам воспоминаний Н.А. Байкова..... № 5
- А. Хисамутдинов, Е.Е. Яшнов* — ученый и поэт..... № 4

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Т. Лазарева.* Отчетное собрание ОРКД по итогам 2001 г..... № 3
- Празднование первой годовщины подписания российско-китайского договора..... № 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К. Асмолов.* Российские корееведы о вызовах нового века..... № 3
- Я. Бергер.* Китай и Индия: стратегия и итоги социально-экономического развития. На международном научном семинаре в Калькутте..... № 3
- В. Бородич.* Ежегодная научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН..... № 1
- Вручение диплома Почетный доктор ИДВ РАН профессору М. Лейтнер..... № 5
- А. Григорьев.* Вручение дипломов доктора экономики (Honoris causa) и Почетного доктора ИДВ РАН видным представителям общественно-политических, деловых и научных кругов Китая Сюй Чжимину и Ху Дэпину..... № 6
- Делегация Академии общественных наук Китая в РФ..... № 4
- А. Калкаева.* XIV Международная конференция Европейской ассоциации китаеведения..... № 5
- Е. Калкаев.* VIII Всероссийская научная конференция "Философии стран Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация"..... № 4
- Книги Института Дальнего Востока РАН, изданные в 2001 г..... № 3
- Л. Кондрашова.* Центральная Азия: международное сотрудничество и проблемы безопасности, Круглый стол в ИДВ РАН..... № 1
- А. Ларин, Н. Мамаева.* К юбилею Синьхайской революции..... № 1
- Приветственное послание Президента РАН академика Осипова Ю.С. участникам XIV Международной конференции ЕАК..... № 5
- М. Титаренко.* Навстречу европейскому форуму китаеведов. (Ответы на вопросы редакции ПВД)..... № 4
- С. Тихвинский.* Международный симпозиум по китаеведению в Пекине..... № 1
- В. Чуванкова.* Защита диссертаций по экономическим наукам в ИДВ РАН в 2001 г..... № 3

РЕЦЕНЗИИ

- О. Борох.* Лю Гогун. Функционирование и развитие китайской экономики..... № 3
- Л. Волкова.* Китайская деревня, вступающая в XXI век..... № 3
- А. Волохова.* Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений..... № 3

А.Волохова. Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции.....	№ 4
Д.Главева. Новый журнал о японской культуре.....	№ 5
Е.Деведжисва. Ка Хоу Мок. Интеллектуалы и государство в пост-маоцзэдуновском Китае.....	№ 3
— А.Желозовцев. Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила вла- сти в Китае.....	№ 5
← А.Желозовцев. Книга о Великой Белизне. Ли Бо: Поэзия и Жизнь / сост. С.А.Торопцев.....	№ 3
Е.Кириллова. Крадин Н.П. Харбин — русская Атлантида.....	№ 4
Б.Кулик. Колл. авторов. Как управляется Китай. Эволюция вла- стных структур Китая в 80-99 гг. XX века.....	№ 3
С.Лузянин. Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова.....	№ 3
З.Муромцева. Люй Юйинь. Экономический анализ развития го- родов.....	№ 2
А.Островский, М.Титаренко. Ли Тэин. Исследование проблем экономических реформ и открытости.....	№ 3
А.Панцов. Смит С.А. Путь открыт. Коммунизм в Шанхае. 1920-1927.....	№ 1
В.Портяков. Лу Сюэи. О социальной структуре современного китайского общества.....	№ 3
А.Сенаторов. Такэнака Хэйдзо, Сакураи Ёсико. Вставай, Япо- ния! Стратегия построения "мощного государства".....	№ 3
А.Сизоненко. Сборник статей "Россия в АТЭС и АТР".....	№ 1
В.Усов. Война в Корее 1950-1953 гг.: взгляд через 50 лет.....	№ 6
Е.Цурганова. Новый подход к исследованию японской поэзии и ее переводу на русский язык (о книгах Жуковой И.В. Красные ирисы счастья и таинство японской поэзии танка).....	№ 6
К.Шевелев. Картунова А.И. Политика Москвы в национально- революционном движении в Китае.....	№ 6
Г.Яскина. Вклад в российское корееведение. Сотрудничество. Материалы международной конференции.....	№ 4
Г.Яскина. Жамбын Батмунх. Насилие не применять.....	№ 6

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Н.Никулин. Синолог фольклорист, литературовед. К 70-летию	
Б.Л.Рифтина.....	№ 5
В.П.Ткаченко — 70 лет.....	№ 2
Юрию Михайловичу Галеновичу — 70 лет.....	№ 3

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

К юбилею Аркадия Ивановича Вольского.....	№ 3
Б.Кулик, М.Титаренко. К 70-летию И.А.Рогачева.....	№ 2

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2002 год.....	№ 6
---	-----

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

9: *Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 20.10.2002 г. Подписано к печати 15.11.2002 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,6 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 945 экз. Зак. 6744

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2002 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6